

Леонид ПЮКС

**Третий Рим? Третий Рейх?
Третий путь?
Исторические очерки о России,
Германии и Западе**

МФФ

Леонид ЛЮКС

**Третий Рим? Третий Рейх?
Третий путь?
Исторические очерки о России,
Германии и Западе**

**МОСКВА
МОСКОВСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ФОНД
2002**

Люкс Леонид

Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь?

Исторические очерки о России, Германии и Западе. –

М.: Московский Философский Фонд, 2002. – 304 с.

ISBN 5-85133-042-2.

Имя немецкого слависта, историка и политолога профессора Леонида Люкса известно отечественному читателю. Его изданная по-русски книга «Россия между Западом и Востоком» (М., 1993) вошла в научный обиход российских исследователей. Его статьи печатаются в центральных журналах России. Его книги, изданные в Германии, сейчас готовятся к переводу на русский. Предлагаемая читателю книга очерков Л. Люкса посвящена одной из самых злободневных проблем, обсуждаемых сегодня.

Редактор *В.К. Кантор*
Компьютерная верстка *Р.А. Сафина*

Формат 84×108/32
Гарнитура «Arial»

ЛР № 030358 ОТ 08.09. 1997

Бумага офсетная
Усл. п. л. 19

Печать офсетная
Тираж 1000 экз.

Московский Философский Фонд
119991 Москва, Мароновский пер., 26
Тел.: 230-79-56, 238-29-00

Отпечатано в ООО «Связь-Принт».
103473 Москва, 2-й Щемилловский пер., 4/5

ISBN 5-85133-042-2

© Леонид Люкс, текст, 2002

О КНИГЕ И ЕЁ АВТОРЕ

В трактате Элиаса Канетти «Масса и власть» есть глава о массовых символах нации. Так именуются в этой книге образы, которым автор приписывает свойство объединять нацию, выражать её психологию, национальный характер и непрерывность национального самоощущения. Массовый символ англичан, пишет Канетти, – это море и палуба корабля, массовый символ голландцев – дамба, для французов это революция и уличные баррикады, для испанцев – бой быков и игра со смертью, у швейцарцев – горы, у евреев – шествие через пустыню. У немцев – лес, строевой лес, похожий на войско. И так далее. В списке наций и стран отсутствует Россия. Продолжая размышления (или фантазии) Канетти, мы могли бы сказать, что «массовый символ» есть и у русских. Это – дорога.

Путь-дорога, о которой поётся в народных песнях, излюбленный образ русской поэзии и лейтмотив классических романов, дорога, которая уходит в бесконечную даль, тянется сотни и тысячи километров, убаюкивает путника и заставляет его забыть себя; дорога, примиряющая два трудно совместимых представления о стране, две характеристики, которые исключают друг друга: её неохватность и её единство. Больше, чем о многих других странах, о России можно сказать, что география – это её судьба. Огромные размеры двух равнин, европейской и азиатской, открытых с севера, отгороженных с юга, двух частей света, препоясанных цепью невысоких уральских гор, – неизменный, устойчивый фактор российской истории.

Уже это обстоятельство затрудняет сближение и сравнение западно-восточного гиганта со страной, которая составляет вторую тему предлагаемой книги, – с Германией. Стиснутая в центре Европы, густонаселённая, обширная лишь по западноевропейским масштабам, ставшая единым

государством лишь немногим более одного столетия тому назад и до сих пор сохранившая пестроту и разнообразие своих земель, Германия на первый взгляд кажется антиподом России. Книга Леонида Люкса, профессора университета в старинном баварском городке Эйхштетте, одного из руководителей Центрального института исследований Средней и Восточной Европы и главного редактора историко-политического журнала «Форум», убеждает в обратном: на Западе нет другой страны, исторически так тесно связанной с нашим отечеством.

Прежде всего, конечно, это относится к событиям только что минувшего века; ему и посвящена значительная часть книги. Но по меньшей мере три последних столетия политическая и культурная ситуация России сплетается с немецкой историей и культурой. Общеизвестна роль немецких учёных в организации первого русского университета и российской Академии наук; система образования, ремёсла, торговля, администрация, армия и военное дело – во всех этих областях выходцы из Германии сыграли выдающуюся роль. С середины XVIII века и до конца монархии все русские царицы, за единственным исключением, были немками; династия, по-прежнему носившая имя Романовых, после смерти императрицы Елизаветы Петровны стала Голыптейн-Готторпской. Количество немецких научных, технических и военных терминов, вообще слов немецкого происхождения в русском языке огромно. Немецкая философия, литература и музыка традиционно составляют неотъемлемую часть духовного багажа всякого культурного человека в нашей стране.

С другой стороны, в немецком сознании Россия и русские занимают совершенно особое место. В XVIII и XIX веках в Россию переселилось множество немцев всякого рода и звания: для них эта огромная страна была обетованной землёй неограниченных возможностей. Можно говорить о культе России и всего русского в Германии. Этот культ жив, вопреки страшному опыту войны.

Книга Л. Люкса состоит из работ, помещённых в разное время в периодических изданиях, немецких и русских. Перед нами – итог многолетних исследований и раздумий ав-

тора, которого связала с обеими странами не только область научных интересов, но и биография. Не будет преувеличением, если мы скажем, что Леонид Люкс сам персонафицирует близость двух народов, переплетение их судеб.

В кратком предварении к книге нет надобности пересказывать её содержание. Остановимся (в двух словах) на статье, которая, несмотря на её жгучую актуальность, может быть, и не сразу привлечёт внимание читателя. Мы говорим о замечательной работе «Тоталитарная личность», название которой должно напомнить заголовок известной книги Т. Адорно «The authoritarian personality».

Тоталитарная личность, тоталитарный человек – это персонаж, определяющий облик тоталитарного общества: детище этого общества и одновременно его опора. К числу радикальных новшеств, которые привнёс в историю человечества XX век, принадлежат, несомненно, тоталитарные режимы; модельными образцами этих режимов стали два государства, о которых здесь идёт речь, – гитлеровская Германия и сталинский Советский Союз. Но Люкс прослеживает генеалогию «тоталитарной личности», он показывает, что этот тип человека сформировался в обеих странах ещё на исходе благополучного девятнадцатого столетия. Понадобились грозные события – Мировая война, экономический хаос, кризис либеральной демократии в Европе, конец четырёх империй, захват власти националсоциалистами в Германии, большевиками в России, – чтобы этот новый человек стал массовым человеком.

Мне остаётся поздравить читателя с прекрасной книгой, которая ныне ожидает его суда.

Борис Хазанов

Глава 1

РОССИЯ И ЗАПАД. ПРАВОСЛАВИЕ И КАТОЛИЦИЗМ

1.1. ГОСУДАРСТВО ПРАВДЫ. РОССИЯ И ЗАПАД НА ПОРОГЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ. О СВОЕОБРАЗИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ПУТЕЙ

Разделение церкви на западную и восточную в 1054 г. и нашествие татар на Русь были сокрушительными ударами по единству европейского мира. Начиная с XII–XIII вв. Россия все меньше участвует в духовно-политических процессах, происходящих на Западе. И все же, несмотря на почти полную взаимную изоляцию обеих частей Европы, в их развитии начиная со второй половины XV в. появляются элементы поразительного сходства. Время это и в России, и на Западе – эпоха победного шествия централизованного абсолютистского государства. Сложную иерархическую систему феодальной зависимости постепенно заменяла унификация всех отношений. Между центральной государственной властью и массой подданных исчезали все промежуточные звенья, которые прежде дробили и ограничивали прерогативы верховной власти. Исчезал и территориальный партикуляризм. Новгород, Псков и Тверь потеряли свою независимость совершенно так же, как Арагон, Бургундия или Наварра. Все это привело к небывалому росту военной и материальной мощи европейских держав и позволило им начать глобальную экспансию. Испания, едва завершив многовековую реконкисту, приступает к колонизации Америки. Но и на другом конце Европы российское государство принимает участие в разделе неевропейского мира, завоевывая в конце XVI в. Западную Сибирь.

Этим, однако, исчерпываются основные параллели. Духовные процессы, сопровождавшие и ускорившие становление централизованных государств на Западе и на Востоке, теоретические построения, которые обосновывали новую государственность, радикально отличались друг от друга. Обе части Европы образовали замкнутые, почти непроницаемые для внешних воздействий миры; оба мира вдохновлялись различными иерархиями ценностей. Под этим двойным углом зрения – в плане внешнего сходства и внутреннего различия – мы попытаемся проанализировать явление Нового времени, эту поистине революционную эпоху, последствия которой ощутимы по сей день. Тема эта, несмотря на огромную дистанцию времени, оказывается удивительно актуальной.

Вначале мы остановимся на процессах, происходивших на Западе, чтобы на этом фоне лучше понять своеобразие тогдашнего юного русского государства. Свообразным остается оно, как известно, и до сих пор.

1. Левиафан

Необходимость создания абсолютного и централизованного государства обосновывалась на Западе теорией суверенитета, основы которой были заложены Жаном Бодэном и Томасом Гоббсом. Теорию эту породило сильнейшее разочарование в человеке и человеческой природе. В свою очередь разочарованию предшествовал праздник человеческой свободы и самоутверждения в эпоху гуманизма и Ренессанса.

"О, век! О, литература! Какое наслаждение – жить!" – восклицает Ульрих фон Гуттен.¹ Человек Ренессанса чувствовал себя как бы пробудившимся от долгого средневекового сна. Он вышел из сурового готического храма и увидел свет солнца. Не Бог, которого невозможно увидеть, но зримый мир и он сам, хозяин этого мира, – вот предмет

¹ См. D.F. Strauß, Ulrich von Hutten, Meersburg und Leipzig 1930, с. 241; см. также J. Huizinga, Herbst des Mittelalters. Studien über Lebens- und Geistesformen des 14. und 15. Jahrhunderts in Frankreich und in den Niederlanden, Stuttgart 1969.

его внимания и восхищения. Его не останавливает упрек в гордыне (*superbia*), которая в Средние века считалась худшим из пороков. Возникает культ героев и гениев, ярче всего воплотивших это самоутверждающее начало.² Все эти перемены происходили до конца пятнадцатого века и главным образом на родине Возрождения – в Италии. И там же раньше всего обозначились отрицательные стороны нового развития. Итальянцы первыми поняли, какую цену человек вынужден платить за каждую новую ступень свободы и эмансипации.

В Италии, освободившейся от универсальных авторитетов папства и империи, от религиозных запретов, расцвел культ и авторитет силы и началась борьба всех против всех. Маленькие государства поглощались большими, шли нескончаемые войны, в борьбе за власть были дозволены все приемы. В политике ее вершителей интересовала главным образом техническая сторона, а отнюдь не идейное содержание.³ Только в такой атмосфере могли появиться первые в Европе учебники "технологии власти" – книги Никколо Макиавелли. Никто до тех пор не обнажил так беспощадно психологию человека, не верящего ни во что, кроме силы. Но именно таково было состояние умов. Автор трактата "Государь" не изобрел этот образ мыслей, но лишь анализировал его. В этой связи гениального флорентийца интересовал вопрос, какая политика вообще еще возможна в обществе, потерявшем контакт с вечными и непреходящими ценностями. В "Государе" рассмотрен монархический принцип правления, в "Рассуждениях" – республиканский. Ни тот, ни другой не был для Макиавелли священным и неприкосновенным. Он хотел главным образом знать, при помощи какой тактики, опираясь на какие силы, можно легче всего достичь заветной цели – политического объединения

² См. E. Friedell, *Kulturgeschichte der Neuzeit. Die Krisis der europäischen Seele von der schwarzen Pest bis zum Ersten Weltkrieg*, München 1970, Band 1, с.194–197; J. Burckhardt, *Die Kultur der Renaissance in Italien. Ein Versuch*, 8. Aufl., München 1974.

³ См. Burckhardt, *Die Kultur der Renaissance*.

Италии.⁴ В этом отношении он, между прочим, на три с лишним века предвосхитил амбиции немецких сторонников идеи единой и могущественной Германии: для них тоже в конце концов оказалось неважным, произойдет ли это объединение демократически-революционным (1848–49) или же консервативно-монархическим путем (1866–71). Как и у Макиавелли, главной их целью была не свобода и не осуществление каких-то абстрактных идеалов, а мощь собственного национального государства, по которому они истосковались, видя успехи соседей. Для каждой эпохи, сознание которой освобождалось от оков и моральных запретов, вопросы, поставленные Макиавелли, становились чрезвычайно актуальными. Не зря "Государь" был настольной книгой диктаторов XX века.

Севернее Альп, где, в отличие от Италии, секуляризация мышления только еще начиналась, многим казалось, что "Il Principe" написан рукой самого дьявола. По всей Европе сочинения Макиавелли были запрещены.⁵ Однако интерес к этой первой теоретической попытке построения мира и государства без Бога, с единственной опорой на опыт прошлого и знание человеческой природы, в сущности никогда не исчезал.

Заметим, что в Италии не только возникли новые образцы политического мышления, но и предпринимались первые практические попытки преодоления того политического хаоса, в который страна вверглась после крушения средневековых структур. Именно там родилась идея равновесия сил и "концерта держав", – добровольное согласие вырвавшегося на волю государства соблюдать в борьбе за свои интересы определенные правила.⁶ Складывалась новая концепция международного права, так или иначе противостоящая вседозволенности. В 1454 г. в городе Лоди, к югу от Милана, была основана так называемая

⁴ N. Machiavelli, *Il Principe*, Firenze 1931; его же *Discorsi. Gedanken über Politik und Staatsführung*, Stuttgart 1966; Рус. пер. Н. Макиавелли, *Сочинения*, 1934 г.

⁵ Н. Trevor-Roper, *Niccolò Machiavelli*, в: *Его же, Historical Essays*, London 1957, с. 61–66.

⁶ G. Mattingly, *Renaissance Diplomacy*, London 1955.

Священная лига, к которой со временем присоединились почти все итальянские государства. Достигнутое равновесие сил, несмотря на всю свою шаткость, обеспечило стране сорок лет мира. И лишь вмешательство Франции и Испании на рубеже XV–XVI веков разрушило эту хрупкую конструкцию.⁷ Но с тех пор идею равновесия, которая впоследствии не раз спасет наш континент от ужаса кровопролитных войн, уже невозможно было вычеркнуть из сознания европейцев.

В других странах Европы концепции, в которых божественная благодать больше не играла никакой роли, представлялись неприемлемыми. Лишь век спустя эти страны пришли к тому же, хотя и другим путем. Во второй половине XVI столетия Европа по сю сторону Альп очутилась на краю бездны не из-за религиозного нигилизма, как это было в Италии, а из-за религиозного фанатизма.

Итальянский Ренессанс скорее игнорировал церковь, нежели сражался с ней. В Северной Европе, где религиозное мышление все еще преобладало, дело обстояло иначе. Там подавляющее большинство не могло себе представить человеческих и общественных отношений вне религиозных принципов. И чем более утверждался в этих странах моральный ригоризм, тем труднее там могли примириться с упадочными тенденциями в римской церкви. Папство в лице Александра VI Борджиа и ему подобных не могло не дискредитировать церковь в глазах верующих. Настал момент, когда больше невозможно было прощать формальным служителям Бога их человеческие слабости и пороки. Церковь с такими священнослужителями сделалась неприемлемой для самих верующих. Но для того, чтобы посягнуть на институцию, освященную традицией пятнадцати веков, требовалась прямо-таки невероятная сила внутреннего убеждения. И тот факт, что Лютер на это решился, то, что его примеру последовали миллионы других, свидетельствует о том, какого накала достигли тогда религиозные чувства у большинства европейцев. Вопросы веры стали, быть может, еще больше, чем в Средние века, вопросами

⁷ Там же, с. 87–90.

жизни и смерти. Реформация расколола Западную Европу, считавшую себя еще в XV веке единой и неделимой *res publica christiana*, на два враждебных лагеря, которые стремились истребить друг друга.⁸

Правда, и в Средние века происходило искоренение "неправильно" верующих, например, альбигойцев. Нередко религиозное рвение выливалось в ужасающие еврейские погромы. Но едва ли можно назвать это религиозными войнами. Господствующая церковь имела бесспорный перевес над всеми своими противниками, и борьба с инаковерием, при всей ее жестокости, всегда носила локальный характер. Зато силы двух конфессиональных лагерей, которые консолидировались во второй половине XVI в., были приблизительно равны, и потому война приняла затяжной характер. Война всех против всех, *bellum omnium contra omnes* (выражение Гоббса), какую Италия пережила в XIV и XV столетиях, теперь возобновилась в расширенном масштабе во всей Западной Европе. И хотя причины и цели этих войн не совпадали, методы и результаты были похожи. Теперь тоже все средства борьбы с политическим противником считались дозволенными, никакие нормы поведения не сдерживали враждующие стороны. Непокоримая вера в свою правоту и в абсолютный идеал порой приводила к еще более разрушительным последствиям, чем тотальное неверие в какие бы то ни было идеалы, какое демонстрировали в свое время тираны итальянских городов.

После нескольких десятилетий гражданских и религиозных распр перед всей Западной Европой встал вопрос, который раньше выглядел специфически итальянской проблемой: каковы должны быть новые нормы политического и общественного поведения взамен тех, которые утратили свою самоочевидность? В этой атмосфере поисков и бро-

⁸ G. Ritter, *Die Neugestaltung Deutschlands und Europas im 16. Jahrhundert. Die kirchlichen und staatlichen Wandlungen im Zeitalter der Reformation und Glaubenskämpfe*, Frankfurt/Main 1967; J. Engel, *Von der spätmittelalterlichen res publica christiana zum Mächte-Europa der Neuzeit*, в: *Handbuch der europäischen Geschichte*, Band 3, Stuttgart 1971; J.H. Elliott, *Europe Divided 1559–1598*, London 1968; L. Pfandl, *Philipp II.*, München 1948; P. Geyl, *The Revolt of the Netherlands 1555–1609*, 2. ed., London 1980; J.E. Neale, *Queen Elisabeth I.*, London 1958.

жения появилась идея суверенитета, и неудивительно, что наиболее яркие ее представители, упомянутые нами Ж. Бодэн и Т. Гоббс, жили и творили как раз в тех странах, где религиозные и гражданские войны бушевали с особым ожесточением: во Франции последней трети XVI и в Англии первой половины XVII в.⁹ Суверен был, в сущности, тем государем, "князем", которого безуспешно искал Макиавелли в Италии. Последователям Бодэна и Гоббса удалось, в отличие от учеников Макиавелли, добиться объединения государства, передать верховной власти все прерогативы и прекратить всеобщую войну всех со всеми.¹⁰ Так явился на свет Левиафан Гоббса – современное государство, полновластно выносящее решения о жизни и смерти своих подданных, об их месте в политической и общественной иерархии, о войне и мире с другими Левиафанами. Но одного этот новый и, казалось бы, всесильный колосс не отважился больше делать. Наученный опытом религиозных битв, он не собирался создавать рай на земле и спасать во что бы то ни стало души подданных. Он довольствовался, в основном, лишь мирскими, но не божественными прерогативами. Религиозное спасение он оставлял – чем дальше, тем больше – на усмотрение отдельного человека. Государства, которые не приняли эту новую концепцию и склонялись в дальнейшем к религиозному фанатизму, например, Испания, теряли контакт с духом времени и внутренне увядали.¹¹

2. "Государство правды"

Все эти процессы практически не коснулись России. Централизованное государство создавалось здесь в других

⁹ J. Bodin, *Les six Livres de la République*, Paris 1583; Th. Hobbes, *Leviathan or the matter, form and power of a Commonwealth ecclesiastical and civil*, Oxford 1957; См. Также Sir R.W. Carlyle and A.J. Carlyle, *A History of Medieval Political Theory in the West*, volume VI., *Political Theory from 1300 to 1600*, Edinburgh-London 1970; с. 417–461; O.F. Gierke, *Johannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien*, Breslau 1880.

¹⁰ См. Engel, *Von der spätmittelalterlichen res publica christiana*.

¹¹ H. Trevor-Roper, *Religion, the Reformation and Social Change and other Essays*, London 1967, с. 29, 37–38; H. Kamen, *The Spanish Inquisition*, London 1965.

условиях и обосновывалось совершенно иной политической доктриной.

В то время как Запад переживал раскол и крушение прежде бесспорных ценностей, в России, наоборот, происходило их укрепление. Пятнадцатый и шестнадцатый века – время триумфализма, его апогей совпадает с завоеванием Казани и Астрахани (1552, 1556) – обломков Золотой Орды, которая сама по себе представлялась средневековому сознанию олицетворением могущества. Г. Шэдер, автор известной книги "Москва – Третий Рим", заметила, что уже с конца XIV в. московский стиль приобретает особую торжественность и высокопарность.¹² И действительно, хотя Москва в то время все еще находилась в двойной зависимости – от ханов Орды и константинопольского патриарха, чувство какого-то особого призвания русского государства и русского православия уже тогда дает себя знать. Флорентийская уния 1439 г. между греческой и римской церковью, не признанная Москвой, падение Константинополя и окончательное освобождение от татаро-монгольского ига в 1480 г. чрезвычайно углубили это чувство. То, что Москва осталась единственным православным государством, отстоявшим свою политическую независимость, нередко приписывалось особому благочестию русской церкви, первоизданной чистоте и силе русской веры.¹³ Надежды, которые все поработанные православные церкви и народы теперь

¹² Н. Schaefer, *Moskau – das Dritte Rom. Studien zur Geschichte der politischen Theorie in der slawischen Welt*, 2. Aufl., Darmstadt 1957; См. также С. J. Halperin, *The Russian Land and the Russian Tsar: The Emergence of Muscovite ideology, 1380–1408*. в: "Forschungen zur osteuropäischen Geschichte", 1976, 23 с. 7–103.

¹³ А. В. Карташев, *Очерки по истории русской церкви*, том I. Париж 1959 с. 374–376; М. Дьяконов, *Власть московских государей. Очерки из истории политических идей древней Руси до конца XVI века*, С. Петербург 1889, с. 57–59; Я. С. Лурье, *Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси*, в: *Переписка Ивана Грозного с Курбским*, ред. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков, Ленинград 1979, с. 230; E. Hösch, *Orthodoxie und „Rechtläubigkeit“ im Moskauer Russland*, в: U. Halbach, H. Hecker, A. Kappler, Hg., *Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen. Festschrift zum 70. Geburtstag von Günther Stökl*, Stuttgart 1986, с. 60.

связывали с Россией, только укрепляли это убеждение.¹⁴ Разумеется, официальное вероучение не терпело ни малейших возражений, всякое сомнение рассматривалось как святотатство. Этой установкой можно объяснить панический ужас, с которым некоторые церковные круги реагировали на так называемую ересь жидовствующих, появившуюся в последней четверти XV в. в Новгороде.

Идеи "жидовствующих" очень трудно реконструировать, так как знаем мы о них главным образом из яростной полемики, которую вели против секты новгородский архиепископ Геннадий и настоятель волоколамского монастыря Иосиф Волоцкий.¹⁵ Судя по всему, "жидовствующие" отрицали божественность Христа, подвергали рационалистической критике церковные таинства, предпочитали Ветхий Завет Новому. Менее радикально порывала с церковным преданием московская ересь, которая появилась немногим позже. В центре ее критики стояло монашество и церковное землевладение.¹⁶

Новое централизованное государство постоянно нуждалось в средствах, и мысль о секуляризации церковных имуществ одно время очень прельщала Ивана III, — тут он ничем не отличался от своих западноевропейских собратьев.

¹⁴ А.В. Карташев, *Очерки т. I*, с. 439–441; Дьяконов, *Власть*, с. 85–89; W.H. Medlin/C.G. Patrinelis, *Renaissance Influences and Religious Reforms in Russia*, Genève 1971, с. 30–33; H. Neubauer, *Car und Selbstherrscher. Beiträge zur Geschichte der Autokratie in Rußland*, Wiesbaden 1964, с. 32–33, 39–40, 43.

¹⁵ Н. Казакова и Я. Лурье, *Антифеодальные и еретические движения на Руси 14 и начала 16 века*, М.-Л. 1955; И. Еремин, *Иосиф Волоцкий как писатель*, в: *Послания Иосифа Волоцкого*, подготовка текста А. Зимин и Я. Лурье, М.-Л. 1959; Я. Лурье, *Иосиф Волоцкий как публицист и общественный деятель*, там же; Прот. Георгий Флоровский, *Пути Русского Богословия*, третье издание, Париж 1983 с.13; Дьяконов, *Власть*, с. 91–93, 96.

¹⁶ Н.А. Казакова и Я.С. Лурье, *Антифеодальные и еретические движения*, с.161–163, 169–170; W. Philipp, *Die gedankliche Begründung der Moskauer Autokratie bei ihrer Entstehung*, в: *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, 1970, 15, с. 75; G. Stökl, *Das Echo von Renaissance und Reformation im Moskauer Russland*, в: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1959, с. 419–420.

Некоторое время царь покровительствовал еретикам.¹⁷ Однако это был всего лишь мимолетный флирт. Prestиж Москвы уже с XIV столетия настолько был освящен авторитетом церкви, что рисковать потерей столь влиятельного союзника правительство не могло. Собор 1504 г. осудил ересь, и многие еретики были сожжены на кострах по испанскому образцу.¹⁸ Нужно сказать, что еще до этого архиепископ Геннадий ставил Ивану III в пример испанского короля, который очистил свою страну от ереси.¹⁹ Теперь и русская земля была "чиста". Так на долгие годы – вплоть до церковного раскола во второй половине XVII в. – было искоренено инаковереие, если не считать редких локальных вспышек. Во всяком случае, ничего похожего на реформацию в России не возникло. Почвы для рационально-критического подхода к вопросам веры просто еще не существовало.²⁰

Тот факт, что в начале XVI века на Руси, впервые в ее истории, запылали костры инквизиции, показывает, что в

¹⁷ Н.А. Казакова, Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века, Л.1970, с. 57; Ю. Бегунов, Секуляризация в Европе и собор 1503 г. в России, в: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сборник статей посвященный Л.В. Черепнину, М.1972, с. 41–42; Флоровский, Пути, с.15.

¹⁸ Казакова и Лурье, цит. соч., с. 216–217; Дьяконов, Власть, с. 93; А. Зимин, Россия на пороге нового времени. Очерки политической истории России первой трети XVI в., М. 1972, с. 350.

¹⁹ Н.А. Казакова, Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Из истории международных культурных связей России, Л. 1980, с.125–126; Лурье, Иосиф Волоцкий как публицист, с. 49; Казакова и Лурье, Антифеодальные и еретические движения, с.114.

²⁰ Заметим, что когда некоторые советские историки (например, А.И. Клибанов, Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в.в., М. 1960; И.У. Будовниц, Русская публицистика XVI века, М. 1947, с. 64) пытаются доказать, что никакой качественной разницы в развитии Запада и Востока не существовало, и проводят аналогию между новгородско-московской ересью и западной Реформацией, это звучит очень неубедительно. Однако значение ереси переоценивают – на свой лад – и православные историки, которые считают, что "критицизм" еретиков был чрезвычайно опасен для неискушенной в богословских спорах русской церкви (А. Карташев, Очерки, том I, с. 412, 498–506). Опыт следующих двух веков показал, что косность и неподвижность угрожали православию намного больше, чем свободомыслие.

русском православии восторжествовало волевое начало, то есть стремление подчинить действительность идеалу. Конечно, Геннадий и Иосиф Волоцкий действовали не только по идеалистическим соображениям. Они защищали и материальные интересы церкви, на которые посягали еретические учения. Тем не менее, если бы борцы с ересью заботились лишь о церковном имуществе, они вряд ли смогли бы достигнуть в своей проповеди такой неистовой страстности и представить грозящую опасность в таких апокалиптических тонах. Их страх за устои православия, которому якобы угрожала кучка "инаковерующих", был, надо думать, искренним.

В прошлом, когда в лоне молодой русской церкви возникали сомнения касательно тех или иных вопросов веры, церковь обращалась за советом к более опытным греческим патриархам.²¹ Но со времени флорентийской унии, а тем более после падения Константинополя (1453) греческая церковь утратила на Руси свое нравственное влияние.²² Приходилось собственными силами решать догматические споры и обосновывать концепцию особой чистоты русского православия. Силы эти были более чем скромными. Геннадий жалуется на необразованность русских священников, беспомощных перед аргументами еретиков. Искусство богословской апологетики в России не успело еще развиваться.²³ Поэтому новгородский архиепископ выступил против каких бы то ни было прений с противниками догматического православия, – их надо было лишь "жечи да вешати".²⁴

Зато – для вящей убедительности – защитники чистоты православия обращаются за помощью к ненавистным "латынцам". У них ищут образцы рационального обоснования

²¹ См. D. Obolensky, *Russia's Byzantine Heritage*, в: M. Cherniavsky, ed., *The Structure of Russian History. Interpretative Essays*, New York 1970; E. Hösch, *Orthodoxie und Häresie im alten Rußland*, Wiesbaden 1975, с.120.

²² Е. Голубинский, *История русской церкви. Период второй Московский, том 2. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно*, М. 1900, с. 467–468; Флоровский, *Пути*, с.12; Schaefer, *Moskau*, с. 32–33.

²³ Голубинский, *История*, том 2, с. 459–460, 807; Hösch, *Orthodoxie und Häresie*, с. 25; его же, *Orthodoxie und „Rechtläubigkeit“*, с. 53.

²⁴ Казакова и Лурье, *Антифеодальные и еретические движения*, с.133.

догматов веры.²⁵ Разумеется, ни о каких симпатиях к католицизму не могло быть и речи. В учениях римской церкви искали средства для дальнейшего подкрепления теории о превосходстве и исключительности русского православия. В то время, когда на Западе рационализм уже подкапывался под господствующие институты и стимулировал критическое мышление, в России он мог служить лишь поддержанию *status quo*. Едва появившись, орудие рациональной аргументации и систематики было тотчас обращено против критического мышления и свободомыслия. Вообще же говоря, истинно верующий должен был не рассуждать, а подчиняться и служить идеалу. "Мнение – второе падение", – говорил Иосиф Волоцкий.²⁶

В центре внимания противников ереси стояла борьба за влияние на светскую власть; другими словами, они старались убедить московского государя, что главной задачей власти является защита чистоты православия и забота о спасении душ подданных. По мнению Иосифа Волоцкого, государю, действующему согласно воле Божьей, следует подчиняться, как самому Богу. Но если царь правит вопреки божественным заповедям, то он не царь, а мучитель и слуга дьявола.²⁷

Итак, главной задачей царей, как ее понимали иосифляне, было осуществление Божьей правды на земле. Идея "государства правды" во главе с благочестивым и всемогущим монархом, непосредственно осуществляющим эту правду, обладала огромной притягательной силой для всех сословий русского общества.²⁸ Тезис "Москва – Третий Рим" есть лишь ее разновидность. Но, как заметил Д. С. Лихачев,

²⁵ Там же, с.114; Лурье, Иосиф Волоцкий, с. 76–80; Флоровский, Пути, с.15–17.

²⁶ Карташев, Очерки, т.1, с. 412.

²⁷ Послания Иосифа Волоцкого, с.184; В. Вальденберг, Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца 17 века, Петроград 1916, с. 213–214; Будовниц, Русская публицистика, с. 97; Дьяконов, Власть, с. 95–99.

²⁸ М. Шахматов, Подвиг власти. Опыт по истории государственных идеалов России, в: Евразийский временник, 1923, 3, с. 55–80; его же, Государство правды, в: Евразийский временник, 1925, 4, с. 268–304; Будовниц, Русская публицистика, с.198.

особо значительного влияния на русское общество в целом идея Третьего Рима все же не имела и была популярной главным образом среди духовенства.²⁹ Вопреки мнению, распространенному на Западе, она носила не наступательный, а оборонительный характер. Теория Третьего Рима должна была вдохновить московских царей не на покорение мира, а на защиту чистоты и внутренней силы православия.³⁰

Между тем как на Западе богословские и религиозные конфликты начали расшатывать все устои, в России после короткой вспышки на рубеже XV–XVI вв. эти конфликты были преодолены.³¹ Спор иосифлян с "нестяжателями", который продолжался и после собора 1504 г., был конфликтом другого рода, чем борьба с ересью, так как происходил внутри традиционного православия. Но после падения Васиана Патрикеева (1531 г.), одного из самых влиятельных проповедников нестяжательства, и этот спор, в сущности, кончился. Иосифлянство окончательно восторжествовало в русской церкви.³²

3. Бог на небе, царь на земле

Таким образом, на Востоке на пороге Нового времени почти без потрясений и борьбы утвердилась единая иерархия ценностей, которая, несмотря на множество новых элементов, оставалась по существу традиционной. Революционного взрыва в мышлении здесь, в отличие от Запада, не

²⁹ Д.С. Лихачев, Национальное самосознание древней Руси (очерки из области русской литературы XI–XVII вв.), М.-Л. 1945, с.100–104.

³⁰ Послания старца Филофея. В кн.: Памятники Литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. Ред. Л.А. Дмитриев и Д.С. Лихачев, М. 1984, с. 436–455; Зимин, Россия, с. 340–342; Флоровский, Пути, с. II; Philipp, Die gedankliche Begründung, с.115; Hösch, Orthodxie und „Rechtgläubigkeit“, с.115; N. Andreyev, Filofey and his Epistle to Ivan Vasiljevitch, в: "Slavonic a. East European Review", 1959, с.1–31.

³¹ Я. Лурье назвал русскую ересь «предреформацией», а победу иосифлян своего рода «пред-контрреформацией» на русской земле (Я. Лурье, Иосиф Волоцкий как публицист, с. 80).

³² Карташев, Очерки, т.1, с. 414; Г.П. Федотов, Святые древней Руси (X–XVII ст.), Париж 1931, с.186–187; I. Smolitsch, Russisches Mönchtum. Entstehung, Entwicklung und Wesen, Amsterdam 1978, с.118.

произошло. Новые политические теории опирались на византийские образцы, но при этом теряли их универсальный характер и принимали национальную окраску. Достаточно сказать, что и теория Третьего Рима, как отметила уже цитированная нами Г. Шедер, в значительной мере восходит к византийским источникам, которые в свою очередь обосновывали непреходящее значение Второго Рима – Византийской империи.³³

То же можно сказать и о концепции "государства правды" во главе с самодержавным царем. И она сформировалась главным образом под влиянием византийских идей.³⁴ При этом Москву и Византию объединял не только общий идеал, но и вера в то, что идеал этот, в сущности, уже достигнут. Когда-то Вл. Соловьев писал, что христианская этика требует прежде всего недовольства собою и стремления к совершенству. Византийское же общество, по словам философа, вопреки всем бедам пребывало в неизменном самодовольстве, не ведало самокритики и отнюдь не стремилось согласовать действительный общественный строй с идеалом добра.³⁵ Эти слова применимы к московскому об-

³³ Schaeder, Moskau, с. 70–71; Шедер указывает также и на другие, менее универсальные источники этой идеи, а именно на болгарские и сербские хроники, которые появились во время короткого расцвета этих государств в 13–14 вв. Говоря об особом значении своих церквей, болгарские и сербские авторы стремились не к вселенскому призванию, а к обоснованию своей независимости от Византии (Schaeder, Moskau, с. 5–19, 70–71; см. также Neubauer, Car und Selbstherrscher, с. 30–31).

³⁴ См. Obolensky, Russia's Byzantine Heritage; G. Florovsky, The Problems of Old Russian Culture, в: Cherniavsky, The Structure of Russian History; I. Sevcenko, A neglected Byzantine Source of Muscovite Political Ideology, там же; Schaeder, Moskau с. 20–21, 32–33.

³⁵ В. С. Соловьев, Византия и Россия, в: его же, Собрание Сочинений, Брюссель 1966, том 7, с. 285–286; его же, Deutsche Gesamtausgabe der Werke, München 1980, Band 8, с. 64–65; Прот. Иоанн Мейендорф писал на ту же тему: «Византийская идеология погрешала в области своих же собственных эсхатологических категорий, отождествляя земное царство с Царством Божиим, и часто забывая, что всякая государственная структура принадлежит, как таковая к миру «падшему», не подлежащему абсолютизации и обожествлению (И. Мейендорф, Церковь, общество, культура в православном церковном предании, в: Вестник РХД, 1978, 124, с. 30; см. его же, Byzantine Theology. Historical Trends and Doctrinal Themes, New York 1979, с. 213–216).

шеству конца XV–XVI вв. Как замечает знаток древнерусской литературы М. Шахматов, московским летописцам этого времени (в отличие от писателей XI–XIV вв., осуждающих князей за несправедливые поступки) кажется, будто государство правды уже создано на земле.³⁶

Западные путешественники, посетившие страну в XVI столетии, удивлялись, до какой степени подданные этого государства были горды той действительностью, которая выглядела в глазах иностранцев более чем непривлекательной. Иезуит Кампани, который здесь побывал в последние годы правления Ивана Грозного, то есть уже после опричнины, разгрома Новгорода и других "достопримечательств" этого царствования, писал: "О себе москвиты имеют самое высокое мнение, остальные же народы, по их мнению, достойны презрения. Они считают, что их страна и образ жизни – самые счастливые из всех... Когда же при них хвалят обычаи и нравы какой-нибудь другой страны или показывают им что-нибудь новое, они говорят: "Великий государь все это ведает и имеет гораздо больше того".³⁷

Этот отзыв, без сомнения, очень тенденциозен. В России того времени было, конечно же, очень много недовольных. Глубина этого недовольства выявилась с особой силой спустя четверть века, во время Смуты и крестьянских войн. Но и тогда вера в превосходство русского государственного строя и русского православия оставалась непоколебимой. Никакие факты не могли опровергнуть теорию, то есть идеал. Поворот от должного к сущему, от абстрактного к конкретному на Востоке еще не наступил. В средневековой философии, как известно, происходил великий спор между номиналистами и реалистами. В отличие от реалистов, для сторонников номинализма абстрактные, общие понятия не существовали реально, а были лишь мысленными конструкциями. Новое время решило эту контroversу в пользу номиналистов.³⁸ Все умозрительное и не соответствующее

³⁶ Шахматов, Государство правды, с. 280.

³⁷ Московское посольство, в: А. Поссевино, Исторические сочинения о России XVI века, М. 1983, с. 207.

³⁸ См. Friedell, Kulturgeschichte der Neuzeit, Band 1, с. 89–94.

фактам изгонялось в область фантастики. Мир, по выражению Макса Вебера, расколдовывался.³⁹ В России абстрактный идеал все еще воспринимался как часть действительности, и притом самая важная. Этот идеал не нуждался в доказательствах; горделивое сознание самодостаточности не могли поколебать никакие достижения Западной Европы в области просвещения, науки и светской культуры. Успехи Запада казались несущественными, ибо он не обладал истинной верой. Не говоря уже о том, что все не относившееся непосредственно к церкви и религии – искусство, наука и пр. – рассматривалось в допетровской России "как праздное любопытство неглубокого ума или как лишние несерьезные забавы" (Ключевский).⁴⁰

Советские авторы часто спорят с распространенным в западной историографии мнением о пропасти, будто бы разделявшей Запад и допетровскую Русь.⁴¹ Они указывают на дипломатические, экономические и культурные контакты между обеими частями Европы.⁴² И в этом они, конечно, правы. Никакой китайской стены между Западом и Россией тогда не стояло. Однако существовала внутренняя стена, глухой невидимый барьер, который не позволял ни одной из сторон проникнуть в духовный мир другой стороны: слишком далеко отстояли друг от друга иерархии ценностей. Западному человеку, уже научившемуся быть логически последовательным в своем мышлении, представлялось, что если между идеалом и действительностью существует разрыв, то надо по крайней мере стараться приспособить дей-

³⁹ M. Weber, *Die protestantische Ethik*, hg. V. J. Winckelmann, München 1969.

⁴⁰ В. О. Ключевский, *Курс Русской Истории*, в: его же, *Сочинения*, том III, М. 1957, с. 283–284; см. также В. Иконников, *Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории*, Киев 1869, с. 1–8; М. А. Алпатов, *Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв.*, М. 1973, с. 317.

⁴¹ G. Stökl, *Die politische Religiosität des Mittelalters und die Entstehung des Moskauer Staates*, в: *Saeculum*, 1951, с. 415; его же, *Rußland und Europa vor Peter dem Großen*, в: *Historische Zeitschrift*, 1957, 184, с. 545.

⁴² Клибанов, *Реформационное движение*; И. Б. Греков, *Очерки по истории международных отношений восточной Европы XIV–XVI вв.* М. 1963, с. 205, 371.

ствительность к идеалу или, если это невозможно, переосмыслить идеал. В России же недовольство социальными и политическими порядками (особенно в эпоху Ивана Грозного и во время Смуты) уживалось с верой в то, что московское царство есть чуть ли не отображение Царства Небесного и что царь – это икона всемогущего Бога на земле.⁴³ Существовали, однако, и в допетровской России исключения – деятели, для которых разрыв между идеалом и реальностью был неприемлем. Одним из них был Иосиф Волоцкий, для которого "государство правды" было несовместимо с тем, что в нем находились люди, склонные ставить господствующие ценности под вопрос. Весьма прилежным учеником этого страстного проповедника был царь Иван Грозный. И ему было недостаточно одной лишь веры в идеал, он хотел его немедленного воплощения. "Просветитель" Иосифа Волоцкого был настольной книгой Грозного, откуда главным образом он и почерпнул идею божественного призвания монарха и ответственности царя перед Богом – убеждение, что государь отвечает за грехи своих подданных, которых он обязан спасти и тем самым восстановить "правду" на земле.⁴⁴ Во имя этой великой цели царю дана неограниченная власть. Иосифлянская теория царя-божества, замечает правовед Н. Алексеев, по многом опиралась на Ветхий Завет, но при этом делала упор не на цитаты касательно прав иудейских царей, а на те места, где говорилось о мощи Иеговы и его власти над еврейским народом.⁴⁵ "Государство правды" в интерпретации иосифлян и тем более в понимании Грозного не знало никаких прав, а лишь обязанности; долг подданных служить земному богу-царю и обязанность государя служить Царю Небесному. Если на Западе вопрос спасения все больше становился личным

⁴³ Шахматов, Подвиг власти, с. 72–73; J.H. Billington, The Icon and the Axe. An Interpretative History of Russian Culture, New York 1967, с. 35.

⁴⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, с.149; А. Зимин, И.С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в., М. 1958, с.79; Вальденберг, Древнерусские учения, с. 210, 349.

⁴⁵ Н.Н. Алексеев, Русский народ и государство, в: Путь, 1927, 8, с. 36–37.

делом человека, то в России он все еще был чуть ли не главной функцией государства.

Впрочем, концепцией государя-спасителя не исчерпывалось представление о царской власти в московском государстве. Оно имело перед собой не только ветхозаветные и византийские, но, как известно, и татарские образцы. Русские цари считали себя в известной мере преемниками татаро-монгольских ханов; Иван Грозный, перечисляя все свои титулы, с особой гордостью указывал на титул казанского царя.⁴⁶ Скорее с татарской, чем с константинопольской традицией связано убеждение Грозного (как и его отца Василия III), что все его подданные – всего лишь бесправные холопы.⁴⁷ По мнению М. Чернявского, достигнуть синтеза между византийской и татарской традицией в допетровской России не удалось: обе линии шли параллельно, и воплощением их был сам Иван IV, который днем убивал, а ночью молился.⁴⁸

То, что террор Ивана Грозного не вызвал в русском обществе сопротивления, не привел к бунту, гражданской войне или чему-либо подобному, историки и путешественники часто объясняют психологией русского народа, привязанностью к жестокой власти, потребностью подчиняться.

Этот взгляд возник, между прочим, задолго до опричнины. Посол австрийского императора Герберштейн, посетивший Русь при Василии III, писал: "Неизвестно, народ ли по своей загрубелости жаждет государя-тирана или вследствие тирании Государя сам народ становится столь бес-

⁴⁶ С.О. Шмидт, Становление российского самодержавия. Исследования социально-политической истории времени Ивана Грозного, М. 1973, с. 271, 281; В. Савва, Московские цари и византийские вассилевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей, Харьков 1901, с. 297–298, 305; Дьяконов, Власть, с.143; Н. Uebersberger, Österreich und Rußland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. Erster Band von 1488–1605, Wien 1906, с. 279–280.

⁴⁷ Шмидт, Становление, с. 293; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, с.136; Послания Ивана Грозного, ред. В.П. Адрианова-Перетц, М. 1951, с. 430–432, 438–439; Вальденберг, Древнерусские учения, с. 346–348; М. Cherniavsky, Khan or Basileus. An Aspect of Russian Medieval Political Theory, в: его же, The Structure of Russian History, с.72–73.

⁴⁸ Cherniavsky, Khan or Basileus, с.74.

чувственным и жестоким". И далее: "Этот народ находит больше удовольствия в рабстве, нежели в свободе".⁴⁹ Подобные изречения повторяются на разные лады уже сотни лет, несмотря на все восстания, перевороты и революции, которые с тех пор произошли в так называемой стране рабов. Тезис о рабской психологии – один из мифов о России, укоренившийся в западном, да и не только западном, сознании.

Одно, правда, надо признать. Что касается террора Грозного, то в самом деле удивительно, как слабо реагировали на него жертвы преследований. Но и тут были общеизвестные исключения: князь Курбский, митрополит Филипп и др. Пассивность общества можно отчасти объяснить тем, что самодержец взял, что называется, своей идейной последовательностью. И у царя, и у общества был, в сущности, один и тот же идеал властителя.⁵⁰ Мечтали о царской "грозе" (Пересветов)⁵¹, а отнюдь не о безволии, о всемогущем, а не слабом и зависимом царе. Только такой государь мог насаждать правду и справедливость и карать неправедных и нерадивых. Тем не менее этот идеал долгое время уживался с фактическим ограничением царской власти традицией ("стариной"), с "советом" боярской думы и церковным наставлением.⁵² Эмпирическая действительность была намного сложнее доктрины. Между тем для всех доктринеров характерно стремление натянуть на действительность

⁴⁹ Бар. Сигизмунд Герберштейн, Записки о московитских делах. Введение, перевод и примечания А.И. Малеина, Спб. 1908, с. 23, 74; См. также А. Поссевино, цит. соч. с. 24, 48–49; G. Fletcher, *Of the Russe Common Wealth*, в кн.: *Russia at the Close of the Sixteenth Century. Works issued by the Haklyut Society* (без года изд.), с. 26–29, 44–45.

⁵⁰ V. Leontovitsch, *Die Rechtsumwälzung unter Iwan dem Schrecklichen und die Ideologie der russischen Selbstherrschaft*, Stuttgart 1949.

⁵¹ Сочинения И. Пересветова, ред. А. Зимин и Д. Лихачев, М.-Л. 1956; А. Зимин, Пересветов и его современники; U. Halbach, *Milost' und groza – Fürstengnade- und Ungnade in der Begriffswelt altrussischer Quellen*, в: *Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen*, с. 69–71.

⁵² Р.Г. Скрынников, Иван Грозный, М. 1975, с. 95; его же, *Der Begriff Selbstherrschaft (samoderžavie) und die Entwicklung ständisch-repräsentativer Einrichtungen im Russland des 16. Jahrhunderts*, в: *Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen*, с.17, 20.

смирительную рубашку абстрактной теории. Таким доктринером оказался Иван Грозный – один из самых образованных и начитанных русских людей своего времени.⁵³ Уверовав в божественное призвание самодержавного, ничем не стесненного в своих волеизъявлениях царя, в абстрактный идеал, о котором он вычитал из книг, он попытался осуществить его как можно быстрее. В отличие от других теоретиков самодержавия, он обладал полнотой власти, и его концепции тотчас воплощались в дела, в конкретные политические мероприятия. Но реальная жизнь – при всем раболепии подданных – не желала подчиняться абстрактной доктрине. И доктрина отвечала на это террором.⁵⁴

4. Раскол

Как мы помним, западные страны того времени на собственном опыте испытали ужасный итог отсутствия единых общепризнанных норм и борьбы враждующих мировоззренческих лагерей. Пример России показал, что и противоположное состояние – торжество единого идеала и единой иерархии ценностей – влечет за собой страшные последствия. Идеал "государства правды" своей стройностью и красотой настолько поработил московское общество, что когда во главе этого государства встал изувер, у оппозиционных сил не нашлось никакой убедительной политической программы.⁵⁵ Именно отсутствием программной альтернативы, а вовсе не "рабской психологией", можно объяснить растерянность, с которой все слои русского общества реагировали на переворот сверху, совершенный Грозным. Не было и не могло быть суда над помазанником Божьим. С точки зрения иосифлян, непослушание допустимо было только по

⁵³ С.Платонов, Иван Грозный, Берлин 1924; Ключевский, Сочинения, том II, с.198.

⁵⁴ В. Ключевский, Соч., т.II, с.197–198; А. Зимин, Опричнина Ивана Грозного, М. 1964, с. 361; Р.Г. Скрынников, Россия накануне „смутного времени“, 2-е изд., М. 1985, с.7; G. Stökl, Testament und Siegel Ivans IV. Opladen 1972, с. 40; Leontovitsch, Rechtsumwälzung.

⁵⁵ Вальденберг, Древнерусские учения, с. 313–315; Лурье, Переписка Ивана Грозного с Курбским, с. 239–240; Leontovitsch, Die Rechtsumwälzung; Sevchenko, A neglected Byzantine Source, с. 97.

отношению к царю, не соблюдающему Божьих заповедей. Но Иван IV соблюдал все церковные обряды, усердно посещал службы, ночи напролет простаивал перед образами в храмах.⁵⁶ В том понимании христианской религии, которое восторжествовало в те времена в России, когда внешняя обрядность и показная истовость считались чуть ли не сердцевинной веры,⁵⁷ жестокий царь оставался истинно православным государем, отнюдь не антихристом. Единственная возможность, которую Иосиф Волоцкий и его последователи оставляли для сопротивления царю-тирану, оказывалась по отношению к Ивану IV закрытой.

Известно, что в русской церкви XV–XVI вв. существовали и силы, протестовавшие против одной лишь обрядовой, внешней набожности, люди, утверждавшие, что внутреннее благочестие важнее внешнего. Таковы были заволжские старцы во главе с Нилом Сорским, таких взглядов придерживался прибывший в Россию в царствование Василия III Максим Грек.⁵⁸ Это течение не сумело остановить победного шествия иосифлянства. А. Карташев в связи с этим пишет "Ученики Нила Сорского как-то особенно, как бы демонстративно ступевались. Сама собой взяла над всеми верх... увенчивая осифлянскую историософию, песнь о Москве – Третьем Риме".⁵⁹

Продолжая наше сопоставление, мы можем сказать, что на Западе, в условиях, когда ни одному из конфессиональных лагерей не удалось достичь полной победы, постепенно была найдена новая инстанция, признаваемая всеми сторонами, – это был практический разум. Теория суверенитета (о которой уже говорилось), новые интерпре-

⁵⁶ Макарий (архиепископ литовский и виленский), История русской церкви в период разделения ее на две митрополии, книга III, Спб. 1887, с. 332–334.

⁵⁷ Там же; Федотов, Святые, с.183–187.

⁵⁸ Н. Казакова, Очерки по истории русской общественной мысли; А.И. Иванов, Литературное наследие Максима Грека (характеристика, атрибуции, библиография), Л. 1969; Федотов, Святые, с.166–175; Флоровский, Пути, с. 20–24; Smolitsch, Russisches Mönchtum, с.107–114; F.V. Lilienfeld, Nil Sorskij und seine Schriften. Die Krise der Tradition in Rußland Ivans III., Berlin 1963.

⁵⁹ Карташев, Очерки, т.1, с. 414.

тации естественного и международного права – все это опиралось главным образом не на божественное откровение, а на доводы разума. Государство Левиафан, освободившись от церкви и в большой мере от сословных институтов, мало-помалу атомизируя все общество, сумело все же остановиться в этом процессе покорения всех и склонило голову перед разумом и здравым смыслом, как перед единственной вышестоящей силой. Но так как разум был достоянием всех, к этой инстанции могли апеллировать не только власть имущие. Разум мог быть не только инструментом государственного абсолютизма, но и орудием его критики; это ярко продемонстрировал уже XVII век, не говоря о веке Просвещения.

Иначе обстояли дела в допетровской России.⁶⁰ Глубочайший политический и общественный кризис, вызванный методами правления Грозного и их косвенным последствием – Смутой, не вызвал к жизни новую иерархию ценностей. Идея самодержавного "государства правды" по-прежнему владела умами и душами, и только такой образ правления казался приемлемым. Стихийные народные восстания не создавали в этом отношении никакой идейной альтернативы: вершиной государственной мудрости мятежников (об этом писал Н.Н. Алексеев) была идея самозванства, то есть не поиск новых политических форм, а беспомощное подражание старым.⁶¹

Земские соборы XVII в., предмет особого внимания славянофилов, которые их идеализировали, – не изменили сути государственного строя России. Задача соборов, как указал Ключевский, была не ограничить, а укрепить временно пошатнувшуюся царскую власть. Вдобавок значение земских соборов на протяжении всего XVII столетия неук-

⁶⁰ О различиях между допетровской Россией и Западом см. M. Szeftel, *Some Reflections on the Particular Characteristics of the Russian Historical Process*, в: *The Russian Review*, 1964, 3, с. 223–237; G. Stökl, *Das Echo von Renaissance und Reformation im Moskauer Russland*; его же, *Russland und Europa vor Peter dem Großen*; H.J. Torke, *Autokratie und Absolutismus in Rußland – Begriffsklärung und Periodisierung*, в: *Geschichte Altuslands in der Begriffswelt ihrer Quellen*, с. 32–49.

⁶¹ Алексеев, *Русский народ и государство*, с. 51.

лонно уменьшалось.⁶² Словом, ничто не в состоянии было нарушить стройность идейно-политической системы, сложившейся в Москве на рубеже XV–XVI веков, и такое положение сохранялось до тех пор, пока никто не смел посягнуть на высшую ценность – идею исключительности русской церкви и русского государства.

Это случилось во второй половине семнадцатого века. То же русское общество, которое почти безропотно переносило террор благочестивого царя, внезапно оказало отчаянное сопротивление некоторым малозначительным нововведениям в церковной литургии и богослужебных книгах. Все это с западной точки зрения опять-таки выглядело странным. Но если вспомнить, с какой истовостью в России верили, будто здесь и только здесь исповедуется незапятнанное, истинное и исконное христианство, то станет понятным взрыв негодования, который вызвали идеи патриарха Никона. Ведь утверждая, что греческие обряды и богослужебные книги в некоторых отношениях более соответствуют церковному преданию, чем русские, Никон подкапывался чуть ли не под самый стержень веры в особое значение Москвы.⁶³

Религиозный раскол, это типичное для Запада состояние на пороге Нового времени, охватил теперь и Русь. Петровские реформы его еще более углубили. Идея "государства правды" осталась достоянием низших сословий. В отличие от Запада, раскол в России происходил не по вертикали, а по горизонтали. Своей грандиозной идеей перестройки страны по западному образцу Петру удалось заразить лишь часть привилегированного слоя. Подавляющее большинство населения сохранило верность прежним идеалам. По словам Г.П. Федотова, на территории России существовало теперь два государства: дворянская светская империя, где высшее сословие переняло не только запад-

⁶² Ключевский, Сочинения, том III, с. 209–212; М.Н. Тихомиров, Российское государство XV–XVII веков, М. 1973; с. 42; Torke, Autokratie und Absolutismus, с. 37.

⁶³ Флоровский, Пути, с. 67–69; Billington, The Icon and the Axe, с. 116–162; D. Stremoukhoff, Moscow the Third Rome: Sources of the Doctrine, в: Cherniavsky, The Structure of Russian History, с. 119.

ные представления о лояльности к государю, но и понятие личной чести, – и "мужицкое царство" во главе с земным богом, носителем божественной силы и правды, по отношению к которому не могло быть и речи о каком-то независимом праве или чести.⁶⁴ Соединить эти два мировоззрения не удалось, как не удалось в прошлом найти согласие между византийским и татарским образом царя. Кроме того, со временем, особенно после Французской революции, правительство осознало, какой опасностью грозит идея просвещения и рациональной организации общества. И оно постаралось немного прикрыть окно в Европу, прорубленное Петром. Вспомнили в Петербурге и о пользе старинной самодержавной идеи "государства правды", очарование которой все еще не потускнело в глазах народа. В XIX столетии консервативные силы пытаются всемерно оградить эту идею от западных влияний и "заморозить" Россию.⁶⁵ Этой концепции, как известно, противостояли либерально настроенные правительственные круги. В эпоху великих реформ Александра II они попытались преобразовать государство, более или менее следуя, как и основатель петербургской империи, западноевропейским образцам. Но еще сильнее помешала осуществлению консервативной программы революционная интеллигенция – новое действующее лицо на политической сцене страны. В сущности, она была тоже детищем Петра и, как и он, стремилась к просвещению народа, хоть и в другом духе. К началу XX века идея революции в значительной мере вытеснила из народного сознания мечту о государстве правды – точнее, мечта эта приняла новый вид. Таким образом, монархия потеряла свою главную опору и была обречена.

⁶⁴ Г.П. Федотов, Революция идет, в: Современные записки, 1929, 39, с. 306–359.

⁶⁵ См. К. Победоносцев, Московский сборник, М. 1896; Флоровский, Пути, с. 410–424; R.F. Byrnes, Pobedonoscev. His Life and Thought, Bloomington 1968; V. Leontovitsch, Geschichte des Liberalismus in Rußland, Frankfurt/Main 1957.

5. Эпилог

На этом можно было бы поставить точку, тем более что после революции большевики с неслыханным успехом завершили дело Петра и в своем стремлении "догнать и перегнать" Запад окончательно повернули взор массового человека с неба на землю. Земной рай, который они обещали создать, не нуждался в потусторонней санкции и строился целиком на человеческой воле и разуме, то есть на тех основах, которые до сих пор ценились главным образом на Западе. Для древнего идеала "государства правды" в такой действительности места уже не оставалось. Однако идеи, которые столетиями определяют сознание нации, бесследно исчезнуть не могут; рудименты этих идей так или иначе влияют на поведение людей. Хотелось бы в заключение кратко указать на те из них, которые все еще обуславливают своеобразие России, отличая ее от Запада.

Нужно сказать, что большевики отнюдь не стремились искоренять все эти традиции, ведь, в сущности, они лишь укрепляли их власть. Назовем прежде всего идею гармонии, с точки зрения которой борьба политических партий за свои частные интересы, фракционность и "групповщина", то есть нечто естественное и даже основополагающее для западного мира, кажутся чем-то болезненным и вредным, чем-то таким, что необходимо преодолеть. Быть может, эта установка частично объясняет тот факт, что народные массы отвернулись от Февральской революции. Новый политический строй – многопартийная парламентская система – не imponировал массам, ибо не казался им настоящей властью; об этом говорят многие свидетельства. На сходную традицию опирался и Сталин в борьбе со старыми большевиками, когда они отстаивали свои позиции вопреки воле большинства. Новое поколение членов партии, выходцев из народных слоев, расценивало такое поведение как пережиток индивидуалистической буржуазной или даже дворянской психологии. И лозунг Сталина: "Мы не хотим иметь в партии дворян"⁶⁶, был в партии очень популярен.

⁶⁶ Пятнадцатый съезд ВКП(б), 1927. Стенографический отчет. М. 1961, с. 89–90.

С идеалом гармонии тесно связано критическое отношение к распространенному на Западе со времен Ренессанса представлению о самоутверждающейся, автономной личности. В России подобные представления издавна считались порочными. На эту традицию опирались большевики, внушая народу, что личность должна подчиняться коллективу, служить общественной пользе, принести в жертву свои эгоистические интересы. Наконец, партия с успехом воспользовалась давним убеждением, будто ограниченная власть есть власть неполноценная.

Многие особенности политической культуры России критики советского режима ставят в вину большевикам. В действительности большевики, едва ли не самые безжалостные разрушители национальных святынь, оказались в конечном счете тоже своего рода традиционалистами, и этот традиционализм, по всей видимости, и помог им удержать власть. Можно напомнить с этой связи мнение одного из идеологов "евразийства": в числе важнейших причин победы большевиков в гражданской войне было то, что народные массы, несмотря на всю жестокость новой власти, увидели в ней что-то знакомое.⁶⁷

Разумеется, нельзя забывать о том, что рядом с тенденциями, рассмотренными в этой статье, существовала и противоположная линия духовного развития – традиция старчества и духовного подвижничества, которой было органически чуждо чувство самодовольства и самодостаточности; традиция постоянного поиска правды, а не уверенности, что правда эта уже обретена однажды и навсегда. Сторонники этой линии преклонялись не перед внешним могуществом земного царства, а перед внутренней духовной красотой. Нил Сорский и заволжские старцы принадлежали, как уже было сказано, к самым ярким представителям этого типа духовности, но он, конечно, не исчезал и в другие эпохи. Без него была бы немыслима изумительная культура русского XIX столетия. Традицию эту в начале XX века пыталось по-новому развить религиозное возрождение. Но

⁶⁷ П. Сувчинский. К познанию современности. "Евразийский временник", 1927, № 5, с.7–27.

революция прервала это начинание. И снова, как бывало уже не раз в истории России, одержали верх не адепты внутренней духовности и приверженцы идеологической терпимости, а их противники. И все же, вопреки всем неудачам, этот тип духовности всегда оставался и остается по сей день своего рода коррективом к идее всемогущего государства. То, что он то и дело возрождается, показывает, что он отвечает какой-то глубокой внутренней необходимости. Его отсутствие рано или поздно воспринимается обществом как невыносимая пустота.

Опубл. в журнале «Страна и мир», 6, 1988

1.2. ПРЕДЧУВСТВИЕ ЗАКАТА ЕВРОПЫ И СТРАХ ПЕРЕД РОССИЕЙ (К ПОНИМАНИЮ ФЕНОМЕНА РУСОФОБИИ НА ЗАПАДЕ)

Ситуация в Европе, возникшая вслед за окончанием Второй мировой войны, напоминала ту, что явилась результатом поражения Наполеона. Как и после 1815 г., на Западе вновь стали видеть в России угрозу для европейской цивилизации и потенциального завоевателя мира. Многие европейцы восхищались прозорливостью А. де Токвиля, Доносо Кортеса, Кюстина или Фальмерайера, которые уже в середине XIX века предсказали России великое будущее, несущее в себе опасность для Запада. Никто не заметил, что в своих предсказаниях эти мыслители исходили отчасти из ложных посылок. Так, к примеру, вера Токвиля, Доносе Кортеса и других в будущность России коренилась в их глубоком убеждении, что Запад переживает непреодолимый упадок и не имеет уже сил к обновлению⁶⁸.

⁶⁸ Так, Токвиль считал, что ввиду русского могущества его соотечественникам нет больше смысла опасаться объединения Германии. "По моему, – писал он в 1849 г., – наш высший интерес заключается в поддержке объединения всех германских племен с тем, чтобы с помощью их мощи противодействовать царю". Цит. по: Tschizewskij, D./Groh D. Europa

Между тем в то время эти пессимистически настроенные писатели принимали за всеобщий кризис Запада более частное явление – закат аристократической Европы. В своем прогнозе они перескочили практически через столетие – в их предсказаниях не говорится ни о распространении динамичного, экспансионистского национализма, ни о подъеме Германии, ни о мощном разрастании европейских колониальных империй. В нем нет почти ни слова обо всех тех событиях, которые оказали на Европу в равной степени животворное и разрушительное воздействие. Все эти процессы повернули развитие Запада в совершенно иную сторону по сравнению с тем, что было предсказано мыслителями-пессимистами. И всё же сто лет спустя Запад вновь оказался, по-видимому, в том же положении, в каком был в середине XIX века. Весь этот век рассматривается многими историками всего лишь как своего рода окольный путь, благодаря которому Европа лишь на время смогла уклониться от своей якобы неизбежной судьбы, имя которой – упадок и русская гегемония⁶⁹.

Сейчас уже не надо доказывать, что в этой трактовке потенциал развития Запада недооценивается, а Востока – переоценивается. Чем всё же можно объяснить такое искаженное восприятие отношений между Западом и Востоком? Анализ того страха, который испытывал Запад перед Россией после 1815 г. – между Венским конгрессом и Крымской войной поможет, как представляется, кое-что прояснить.

I.

В период с 1812–1815 гг. Россию прославляли как спасительницу Европы от тирана, но уже вскоре после этого ее же стали считать наследницей мощи Наполеона⁷⁰. Запад-

und Rußland. Texte zum Problem des westeuropäischen und russischen Selbstverständnis. Darmstadt, 1959, S.109.

⁶⁹ См.: *Schelting von A.* Rußland und Europa im russischen Geschichtsdanken. Bern, 1948, S. 205-209, 312; *Barraclough G.* Europa, Amerika und Rußland in Vorstellung und Denken des 19. Jahrhunderts // *Historische Zeitschrift*, 1966, № 203, S. 280–315.

⁷⁰ *Gleason J.H.* The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Public Opinion. Cambridge (Mass.), 1950;

ная общественность приняла чуть ли не за аксиому, что Россия, подобно наполеоновской Франции, стремится к созданию всемирной монархии. Огромная территория России, которая в 1812 г., как и в 1941 г., спасла Европу от окончательного покорения, теперь казалась чем-то угрожающим. На Западе редко замечали тот факт, что русский натиск на Европу, еще столь сильный в XVIII веке, практически сошел на нет в следующем столетии. Английский историк Болсовер указал, к примеру, на то, что небольшая полоса в устье Дуная, которая была вытребована у Турции по Адрианопольскому мирному договору (1829 г.), была единственной территорией, аннексированной Россией в Европе между 1815 и 1914 гг.⁷¹ Даже тот факт, что в 1818 г. русские войска в соответствии с договором оставили занятые ими территории Франции, – образ действий, довольно нетипичный для потенциальных завоевателей мира, – никак не смягчил тезис о захватнических планах России. Нередко их считали более опасными, чем завоевательные устремления Франции, ибо речь шла о незападном государстве. Его вызов выглядел не только военным и политическим, но и культурным, представляя угрозу самобытности Запада.

Вызывает удивление, что внешнюю политику царской России после 1815 г., ориентированную на осмотрительность и щепетильность в сохранении европейского статус-кво, можно было отождествить с воинственной, устойчиво экспансионистской политикой наполеоновской Франции. Зачастую не обращалось внимание на то, что различия во внутренней структуре Бонапартовой и царской империй должны были неизбежно воздействовать на их внешнюю политику. Завоевательный порыв наполеоновского государства не в последнюю очередь был обусловлен тем, что избыточную энергию только что укрощенной революции необходимо было вынести во внешнее пространство. Энергия же царского правительства в первой половине XIX века, на-

McNally R.T. The Origins of Russophobia in France; 1812–1830 // *The American Slavic and East European Review*, 1958, 17, p.173–189.

⁷¹ См.: *Bolsover G.H.* Aspects of Russian Foreign Policy: 1815–1914 // *Essays Presented to Sir Lewis Namier*. Ed. By R. Pares, A.J.P. Taylor. Freeport (N.Y.), 1971, p. 320.

оборот, была направлена главным образом на сохранение исторически себя изживших социальных условий в стране. Давно назревшее освобождение крестьян, необходимость которого была осознана уже в эпоху царствования Александра I, Николай I так и не решился провести в жизнь. Вместо отмены крепостного права существовавшие в России социальные отношения в годы его правления были заморожены, страна переживала всеохватывающий политический паралич. Кроме того, восстание декабристов в 1825 г. повлекло за собой всё более углублявшийся раскол между правительством и образованным слоем. В конечном счете по этой причине Николай I подозрительно относился ко всем общественным движениям, даже поддерживавшим его политику. К их числу, например, относились лояльные режиму националистические и панславистские течения, чьими самыми влиятельными представителями были Михаил Погодин и Федор Тютчев. Их стремление освободить славян, оказавшихся под габсбургской, а главное – османской властью, Николай I рассматривал как своего рода подстрекательство к бунту. Ведь народы побуждались к неповиновению их законным государям. В представлении же царя обществу надлежит лишь повиноваться и не вмешиваться в дела правительства⁷².

Упомянутые паралич и внутренняя неподвижность имели своим внешнеполитическим эквивалентом политику Священного союза, подавлявшего любую попытку перемен. Но в этом отношении курс Николая I был не вполне последовательным, что позднее сыграло для него роковую роль. Ибо применительно к Османской империи, которую царь называл "больным человеком на Босфоре", он не признавал принципа статус-кво. Так Российская империя стала объектом ненависти как для тех, кто стремился к революционным либо территориальным переменам в Европе, так и для тех, кто любой ценой хотел не допустить этих перемен.

Подавление польского восстания 1830–1831 гг. и патерналистская политика царя по отношению к турецкому

⁷² См.: *Riasanovsky N.V. A Parting of Ways: Government and the Educated Public in Russia: 1801–1855. Oxford, 1976.*

султану, нашедшая свое выражение в крайне унижительном для Турции Ункяр-Искелесийском договоре 1833 г.⁷³, до такой степени возмутили европейскую общественность, что казался неизбежным "крестовый поход" Запада против "восточного тирана". Ухудшению образа России в глазах европейцев чрезвычайно содействовали 10 000 поляков, эмигрировавших на Запад после подавления восстания 1830–1831 гг.⁷⁴ Польские борцы за свободу относились к царской империи не просто как к политическому противнику, но как к воплощению зла. Столкновение между двумя нациями приобрело видимость борьбы между светом и тьмой. Тем самым конфликт вышел за пределы политической сферы и приобрел едва ли не метафизическую окраску⁷⁵.

Почти везде, где велась борьба против России, – на Кавказе, в Турции, Венгрии, – появлялись польские эмигранты и продолжали свой конфликт с царской империей. Но самую важную победу они одержали, добившись поддержки западной общественности. Борьба между польским Давидом и русским Голиафом завораживала европейцев, и в этой борьбе России симпатизировали одни лишь западные легитимисты⁷⁶. Сам царь воспринимал польский вызов как беспрецедентную угрозу. Русскому государю (как говорил английский историк А. Тейлор) казалось, что от усмирения поляков зависело существование России как великой державы⁷⁷.

⁷³ См.: Gleason J.H. Op. cit., p.136, 146; Anderson M.S. The Eastern Question. 1774.1923: A Study in International Relations. L., 1966, p. 83.

⁷⁴ См.: Hahn H.H. Außenpolitik in der Emigration: Die Exildiplomatie Adam Jerzy Czartoryskis 1830–1840. München – Wien, 1978; Gleason J.H. Op. cit., p.177 ff.

⁷⁵ См.: Karpiński W., Król M. Sylwetki polityczne XIX wieku. Kraków, 1974; Lepkowski T. Polska – Narodziny nowoczesnego narodu 1764–1870. Warszawa, 1967, S. 450 ff; Luks L. Rußlandsehnsucht und Russenhaß // Deutsche und Polen: 100 Schlüsselbegriffe. Hg. E. Kobylinska, A. Lawaty, R. Stephan. München, 1992, p.71–79.

⁷⁶ См.: Jahn P. Russophilie und Konservatismus: Die russophile Literatur in der deutschen Öffentlichkeit 1831–1852. Stuttgart, 1980.

⁷⁷ Taylor A.J.P. The Struggle for Mastery in Europe: 1848–1918. L., 1971, p. 9.

Между тем польским борцам за свободу было ясно, что проявленных к их стране симпатий со стороны западной общественности вовсе недостаточно для восстановления ее независимости. Для этого было необходимо расторжение союзов между державами, поделившими ее, но в первую очередь – вытеснение России из Восточной и Центральной Европы.

Этой цели нельзя было достичь без общеевропейской войны. Отсюда мольбы многих поляков о такой войне, о "крестовом походе" против царской империи.

Однако этот крестовый поход тогда не состоялся. Как жестко в свое время был подавлен гегемонистский порыв революционной, а затем наполеоновской Франции! Почти весь силовой потенциал континента был мобилизован и поставлен на карту во многих войнах для того, чтобы справиться с французской угрозой.

По отношению же к России ничего похожего первоначально не наблюдалось. Слова "русская угроза" были у всех на устах, но в общем и целом борьба против нее ограничивалась на протяжении четырех десятилетий словесными выпадами. Даже Великобритания, крайне редко склонявшаяся к компромиссам с гегемонистскими силами, сначала не была исключением в этом. Вряд ли можно превзойти интенсивность английской русофобии 30-х годов XIX века. Для британских островов царская империя (как раньше Франция, а позже Германия) являла собой воплощение врага *par excellence*⁷⁸. С таким противником Англия обычно боролась до "победного конца". Однако с Россией конфликт был разрешен совсем иначе. Всё более обострявшийся в течение десятилетия словесный поединок завершился в 1841 г. так называемым договором о проливах, повлекшим за собой быстрое затухание антирусских настроений на Альбионе. Завершив собой начавшийся в 1839 г. восточный кризис, этот договор положил конец непереносимой для Лондона

⁷⁸ См.: Gleason J.H. Op. cit.

зависимости турецкого султана от царя⁷⁹. Такое соглашение, соблюдавшееся обеими сторонами практически до начала Крымской войны, представляло собой довольно нетипичный образчик разрешения конфликта с державой, якобы стремившейся к мировому господству. Договоры Англии с Францией эпохи Наполеона не соблюдались так долго.

После 1815 г. царская империя исключительно ценила слаженность "концерта" держав. Любое изменение во внешней политике она стремилась подстраховать договорами с другими державами. Она была также готова отказаться от определенных, ей одной доставшихся преимуществ, если удавалось оставшуюся их часть утвердить за собой по международному праву (например, договор о проливах).

Другие державы, претендовавшие на гегемонию в XIX–XX вв., обычно совершенно иначе относились к существовавшей системе государств. Они видели в ней оковы, от которых желали освободиться. Они утверждали, что система устарела, более не отвечает новому соотношению сил⁸⁰. Между тем в подобных аргументах защитники существовавшего порядка усматривали беспримерную дерзость. Крайне агрессивная реакция на такие требования была гарантирована.

После 1815 г. Россия стремилась вовсе не к широкомасштабному преобразованию европейской системы государств, а как раз наоборот – к ее защите от революционных изменений. Естественно, силы порядка с их внешнеполитическими программами обычно не встречают столь резкого отпора, как "выскочки", желающие основательно изменить или разрушить существующий международный порядок.

Гегемонистская политика России коренным образом отличалась от соответствующей политики западных великих держав еще в одном отношении. Английский историк Л. Нэмьер отмечал, что те великие державы, которые стре-

⁷⁹ Одновременно договор закрывал для западных военных кораблей проход через Босфор и Дарданеллы, чем гарантировал русское господство на Черном море.

⁸⁰ См.: *Dehio L. Gleichgewicht oder Hegemonie. Krefeld, 1948.*

мились к объединению континента, как правило, ссылались на древнеримское наследие. И эта идея о единственном "восстановителе" древнеримской империи нашла самого непреклонного противника в лице Великобритании⁸¹.

Западная имперская традиция была чужда России. Ее экспансионистские устремления имели совершенно иное идеологическое происхождение. Кроме того, они направлялись прежде всего против стран, расположенных на периферии континента (Польша, Швеция, Турция), а не против областей бывшей западноримской или каролингской империй – сердца Западной Европы. По этой, отнюдь не последней, причине огромные территориальные приобретения, сделанные Россией в XVIII веке (следовательно, уже после ее включения в европейскую систему государств), вызвали не слишком большое беспокойство у Запада. Царская империя расширяла свое влияние именно на те регионы, которые никогда не были в фокусе внимания западноевропейцев. На Западе сравнительно легко мирились с тем, что на европейском Востоке теперь господствовала Россия, а не Польша или Швеция. Единственное исключение составляла Турция. В европейских столицах Константинополь считался своего рода ключом к мировому господству. Поэтому нужно было любой ценой воспрепятствовать распространению влияния России на этот регион.

Отсутствие военной эскалации в конфликте между Западом и Востоком в 30–40-е годы прошлого столетия нередко объясняют усталостью от разорительных наполеоновских войн. Л. Нэмьер, говорит об этом, ссылаясь на французского премьер-министра Гизо (1836–1837 и 1840–1848 гг.), заметившего, что во времена Июльской монархии было множество конфликтов, которые раньше непременно привели бы к войне, но теперь были мирно улажены⁸².

Эта ссылка на длительно сказывавшиеся последствия наполеоновских войн, конечно, неудовлетворительна. Ведь передышка, предоставленная европейцам между первой и второй схваткой Германии за мировое господство в XX веке,

⁸¹ *Namier L. Facing East. L., 1947, p. 99f.*

⁸² *Namier L. Conflicts. L., 1942, p. 55.*

продолжалась всего 20 лет. Причем Первая мировая война с ее тотальной мобилизацией изнурила европейцев не меньше, чем это сделали наполеоновские войны. Поэтому следует искать дополнительное объяснение, почему конфликт между Западом и Востоком в период между 1815 и 1853 гг. развивался по совершенно иной модели, нежели более ранняя и более поздняя борьба за гегемонию.

II.

Ослабление напряженности в англо-русских отношениях, которое наблюдалось в 40-е годы XIX века, никак не повлияло на отношение континентальной общественности к России. Русофобия, во Франции и Германии прежде всего, в это время даже усилилась. Особенно после издания в 1843 г. отчета маркиза де Кюстина о его путешествии по России, который впоследствии перепечатывался несчетное число раз⁸³. А. Герцен упомянул его среди самых важных книг о России⁸⁴. В этой книге пронизательные наблюдения были перемешаны с натяжками, которые внесли очень существенный вклад в еще большее искажение образа России на Западе. Она была представлена Кюстином в виде поверхностно цивилизованной восточной деспотии, ее население – как масса рабов без всякого понятия о праве и собственном достоинстве. От этого государства-монстра, чуждого Западу, по мнению Кюстина, исходила огромная опасность. Он был убежден, что конечной внешнеполитической целью царя является распространение господствовавшей в России деспотической власти на всю Европу и даже на весь мир.

Хотя в потоке враждебной России публицистики книга Кюстина заметно выделялась своим блеском, содержащиеся в ней положения в общем и целом отнюдь не отличались оригинальностью. Их исповедовали, пусть и в огрубленной форме, бесчисленные публицисты меньшего калиб-

⁸³ *Marquis de Custine. La Russie en 1839. P., 1843.*

⁸⁴ См.: Герцен А. Сочинения. М., 1958, т. 9, с.124; позднее Герцену пришлось пересмотреть свое суждение о Кюстине. См.: Он же. Указ. соч., т. 8, с. 336; см. также: Герцен и Запад // Литературное наследство. М., 1989, с. 96.

ра⁸⁵. Поэтому не сама острота кюстиновской критики поразила правящие круги Петербурга, а тот факт, что страстная обвинительная речь против России исходила из уст консерватора. В те времена в Петербурге привыкли уже к тому, что после 1815 г. Россия превратилась в заклятого врага западных либералов и демократов. Напротив, для большинства европейских консерваторов царская империя представляла собой самую прочную опору легитимного порядка⁸⁶. Тот же Кюстин писал о том, что первоначальной целью его поездки в Россию было обнаружить там некие политические образцы, являющие собой альтернативу парламентской системе, которую он отвергал. В эпоху Реставрации многие легитимисты действительно нашли свою "Утопию" в царской империи. Они видели в России свое спасение⁸⁷, точно так же, как многие европейские революционеры после 1917 г. И тем не менее обличительная книга Кюстина показала, что и в консервативном лагере друзей у России становилось всё меньше.

Однако такая значительная изоляция России в европейском общественном мнении сначала не имела никаких непосредственных политических последствий. Словесные баталии публицистов не были поддержаны соответствующими действиями правительств. Из-за общего страха перед революцией относительно неколебимым оставался вплоть до 1848 г. союз трех консервативных дворов – Петербурга, Вены, Берлина, несмотря на отдельные разногласия между ними. Что касается Франции времен Июльской монархии, то она в основном жила воспоминаниями прежней военной

⁸⁵ См.: *Kennan G.F. The Marquis de Custine and His Russia in 1839. New Jersey, 1971, p. 87.*

⁸⁶ В мае 1849 г. Доносо Кортес назвал русскую армию последним резервом, которым еще располагают цивилизованный мир и его общественный порядок. См.: *Cortés D. Abfall vom Abendlande. Dokumente. Hg. Von Paul Viator. Wien, 1948, P. 274.*

⁸⁷ Например, мюнхенский теолог Франц фон Баадер ожидал от России импульсов к спасению западного христианства. В 1841 г. он писал: "Забота Всевышнего пока уберегла русскую церковь от европейского мировоззрения и таким образом от соблазна дехристианизации". А потому эта церковь будет "в состоянии... оказать освободительное влияние на Запад". См.: *Tschizewskij, D./ Groh D. Op. cit., S.102f.*

славы и едва ли была склонна к милитаристским акциям. Миролюбие Июльской монархии не в последнюю было связано с тем, что она представляла интересы всё уменьшавшейся части французского общества и фактически, как некогда выразился Токвиль, жила на вулкане⁸⁸. Поскольку Июльская монархия имела революционное происхождение, постольку ее олигархический характер вызывал особое возмущение у большинства населения. По всем этим причинам Париж едва ли был способен на смелую и агрессивную внешнюю политику.

III.

Уступчивость европейских правительств по отношению к Петербургу приводила в негодование революционные силы на континенте. Многие члены правительств, от Лондона до Берлина, были клеветнически объявлены царскими агентами. Подлинным противником "восточной деспотии" тогда считали европейскую революцию. Впрочем, сходным образом думали и некоторые защитники русского самодержавия. Поэт Федор Тютчев писал, что в Европе существуют две силы – Россия и революция: "Жизнь одной из них есть смерть другой. От исхода борьбы, которую они начали, на столетия зависит будущность политики и религии человечества"⁸⁹.

Фактически борьба против России – "самого мощного оплота контрреволюции" – была одним из важнейших внешнеполитических требований революции, разразившейся

⁸⁸ См.: *Tocqueville de A. Errinerungen*. Stuttgart, 1954.

⁸⁹ *Тютчев Ф. Политические статьи*. Париж, 1976, с. 32; см. также: *Флоровский Г. Тютчев и Владимир Соловьев // Путь*, 1933, № 41, с. 3–24. Соотношение сил в тогдашней Европе поборники революции характеризовали сходным с Тютчевым образом. В 1853 г. Ф. Энгельс писал: "Россия – убежденный покоритель наций, и она им была весь век, пока великое движение 1789 г. не сотворило ей опасного противника, полного мощной энергии... С той эпохи на европейском континенте фактически существовали только две силы: с одной стороны, Россия с ее абсолютизмом, а с другой ... революция" (*Marx K. und Engels F. Werke*. Bd 1–39. Berlin, 1959–1968, Bd. 9, S.17).

ся в Европе в 1848 г.⁹⁰ Весной того же года революционная Европа переживала упоение победой. Капитуляция почти без борьбы самых могущественных на континенте монархов опьянила противников старого режима. Почему бы им не продолжить свое победоносное шествие дальше на Восток? Тогда казалось, что время осторожной политики европейских кабинетов, ориентированных на сохранение статус-кво, подходит к концу и наступает эпоха энергичных перемен. Режим Николая I, основанный на косности и неподвижности, перед лицом этих новых процессов выглядел особенно анахроничным. Одну из важнейших целей революции – территориальное преобразование Европы – едва ли можно было достичь без существенного ослабления русских позиций в Восточной и Центральной Европе. Кроме того, победу революции нельзя было считать окончательной и бесповоротной без ниспровержения России. Решающая битва между революцией и последним бастионом старого порядка представлялась неизбежной.

Между тем, ко всеобщему удивлению, дело до такой битвы не дошло. Для того, чтобы успешно побороть Российскую империю в ее роли главной опоры старого порядка в Европе, революция должна была бы развить соответствующие универсальные принципы и геополитическую стратегию. Это однако не было сделано. В исторической литературе 1848 г. единодушно признается годом триумфа национального эгоизма⁹¹. Особенно четко это отразилось на судьбе Польши.

Начиная примерно с 1830 г. (с ноябрьского восстания) солидарность с угнетенными поляками представляла собой своего рода пробный камень революционного умонастроения. Но как раз после победы революции это чувство солидарности заметно ослабло. Поставленные перед выбором: идейные принципы или политика во имя национальных интересов, – революционные движения или их руководители,

⁹⁰ См.: *Namier L.* 1848: The Revolution of Intellectuals. London, 1950, p. 54, 60; *Bolsover G.H.* Op. cit., p. 334.

⁹¹ См.: *Namier L.* 1848...; The Opening of the Era: 1848. Ed. By F. Fejtö, N.Y., 1966; *Talmon J.* The Unique and the Universal. L., 1965.

как правило, выбирали последнюю. Первый министр иностранных дел временного правительства, созданного в Париже в конце февраля 1848 г., А. Ламартин ни в коем случае не хотел подвергаться риску войны из-за Польши. Мы любим Польшу, Италию и другие угнетенные народы, объявил он 27 марта 1848 г., но больше всего мы любим Францию⁹².

Для Германии, в свою очередь, выступить за независимость поляков означало не только подвергнуться риску осложнить международные отношения, но и примириться с территориальными потерями. Когда это было осознано, восторженное отношение немецких революционеров к полякам тотчас же поутихло. Ибо то, к чему они стремились, были не только свобода, но и, вероятно в гораздо большей степени, достижение национальной мощи⁹³.

За польскую независимость и тем самым за революционную войну против России в конечном счете выступали только радикальные левые, причем и в Германии и во Франции. Но это требование левым удалось осуществить в столь же малой степени, как и прочие их требования.

Итак, вопреки всем предсказаниям, царская империя не оказалась объектом революционной интервенции. Всё же следует заметить, что и внешняя политика петербургского кабинета кое в чем способствовала тому, чтобы предотвратить такой поворот событий.

За первым составленным в воинственном тоне царским манифестом от 14 марта 1848 года, в котором речь шла о

⁹² См.: *Jennings L.C. France and Europe in 1848: A Study of French Foreign Affairs in Time of Crisis.* Oxford, 1973, p. 44 ff. В своем манифесте, обращенном к Европе, Ламартин не оставил сомнений в готовности Второй республики к миру: "Война почти всегда является диктатурой... Республика Франция ни на кого не пойдет войной" (*Lamartine A. Geschichte der Revolution von 1848.* Leipzig, 1849, S. 28).

⁹³ В ходе дебатов о Польше в Паульскирхе большинство депутатов высказалось за "здоровый народный эгоизм" и против "сентиментального космополитического идеализма", то есть против Польши. См.: *Nipperdey T. Deutsche Geschichte. 1800–1866: Bürgerwelt und starker Staat.* München, 1983, S. 627 ff.

непримиримой борьбе с революцией⁹⁴, неделю спустя последовало гораздо более мягкое заявление. Царь дал себя уговорить своему министру иностранных дел Нессельроде, склонному к крайней осмотрительности, не провоцировать европейскую общественность. В манифесте от 20 марта 1848 г. говорилось о невмешательстве России во внутренние дела Германии и Франции. Английский историк Льюисом Нэмьер видит в осторожной политике царского правительства одну из важнейших причин того, что в 1848 г. не произошло эскалации конфликта между Западом и Востоком⁹⁵.

Свою бессильную ненависть к революции Николай I проявлял лишь там, где это не могло спровоцировать европейскую войну. Например, в сентябре 1848 г. он вторгся в одно из отдаленных от европейских центров дунайских княжеств, чтобы там задушить революцию⁹⁶. Вследствие революции на Западе усилилось и преследование тех сил в самой России, которые были критически настроены к режиму. После 1848 г. и без того репрессивный режим Николая I приобрел почти деспотические черты. Многие современники свидетельствовали, сколь невыносим был внутривластный климат в тогдашней России⁹⁷. Критически мыслящие подданные царя, которые в 1848 г. едва ли представляли опасность для режима, должны были расплачиваться за то, что Николай I был принужден к внешнеполитической пассивности, что у него не доставало сил победоносно бороться с западной революцией.

Была ли русская интервенция в Венгрию в мае 1849 г. отходом от соблюдавшейся до тех пор внешнеполитической осторожности петербургского кабинета? Ни в коем случае. Вторжение произошло в соответствии с настоятельными

⁹⁴ См.: *Нифонтов А.С.* 1848 г. в России: Очерки по истории 40-х годов. М. – Л., 1931, с.165; *Зайончковский Л.М.* Восточная война. СПб., 1908, т.1, с.176–179.

⁹⁵ См.: *Namier L.* 1848..., p. 94.

⁹⁶ См.: *Нифонтов А.С.* Указ. соч., с.168.

⁹⁷ См.: *Чичерин Б.* Воспоминания: Москва сороковых годов. М., 1929, с.77, 79, 81, 84; *Никитенко А.В.* Дневник в трех томах. Л., 1957, т.1, с.164, 182–203; *Печерин В.* Замогильные записки. М., 1932.

пожеланиями австрийского императора. Правда, советский историк Нифонтов сообщает, с каким нетерпением Николай I ждал этой просьбы о помощи от Франца-Иосифа. Не в последнюю очередь причиной было участие его злейшего врага – поляков – в венгерской революции. И всё же царь наверняка бы не осмелился напасть на Венгрию без приглашения венского кабинета.

Кроме того, не следует переоценивать значение русской интервенции в Венгрию. Дело тогда вовсе не шло о решающей битве в революции, о непримиримой борьбе, борьбе не на жизнь, а на смерть между самым мощным защитником старого порядка в Европе и его радикальными противниками. Не следует забывать, что венгерские события происходили в момент, когда судьба революции была решена. В самых важных европейских центрах (Париже, Вене, Берлине) она уже была разгромлена. Венгрия в тот момент была лишь маленьким, изолированным островком в контрреволюционном море. Удержать этот форпост революции на длительное время было едва ли возможно.

Ужас перед четвертым сословием и прежде всего новым якобинским террором почти полностью вытеснил страх перед Россией у либеральных защитников революции 1848 г. в Западной и Центральной Европе. Навязчивый страх французов перед социализмом отдал их в руки деспота, о чем сожалел Токвиль в декабре 1851 г.

Итак, европейская революция потерпела поражение в первую очередь из-за страха перед «четвертым сословием» (неимущими классами), который охватил средние слои, и без малейшего содействия со стороны России. Только после того, как была преодолена революционная опасность, европейская общественность снова обратила свое внимание на Россию и отодвинула на второй план внутреннюю политику. Таким образом, не победой революции (как предполагали радикалы), а ее поражением были созданы предпосылки для десятилетиями пропагандируемого "крестового похода" против России.

Безобидность революции 1848 г. избавила Европу от якобинской травмы, тогда как гегемонистская, наполеоновская травма всё еще не была изжита. И кто же, кроме царя,

мог отважиться на бонапартовскую попытку объединить под своим скипетром всю Европу от Атлантики до Москвы?

IV.

Миражи заката Европы и страхи перед грядущим русским мировым господством, которые и до 1848 г. подтачивали самосознание западноевропейцев, после революции 1848–1849 гг. снова усилились до крайности⁹⁸. Французский историк Мишель Кадо сообщает, например, о том, как Францию в январе 1849 г. охватил страх перед русским вторжением. Кошмарная картина, от которой леденило душу у некоторой части французской общественности, – это новый въезд казаков в Париж⁹⁹. События, с такой силой потрясшие в 1848–1849 гг. Центральную и Западную Европу, Россию практически не затронули. Поэтому многие европейцы были до крайности впечатлены кажущейся внутренней стабильностью русского режима. Именно отсталость социальных структур России казалась им гарантией иммунитета царской империи к революционным идеям, чуть было не разрушившим Запад. В промышленной революции, в полную силу охватившей тогда западные страны, многие мыслители видели не источник будущего могущества, а скорее ослабляющий фактор. Социальный вопрос выглядел в то время неразрешимым. Июньское восстание пролетариата в 1848 г. в Париже казалось лишь предвестником ожесточенных классовых боев. В России же фактически не было пролетариата, а промышленная революция только подступала к ее границам. Тем более угрожающее впечатление производил этот внутренне гомогенный колосс на Запад, раздираемый противоречиями. Страстный приверженец старого порядка испанец Доносо Кортес заметил в 1850 г.: "Если в Европе нет больше противостоящих друг другу армий, ибо революция их рассосала, если в Европе

⁹⁸ См.: *Rich N.* Why the Crimean War? A Cautionary Tale. Hannover, 1985, p. 2f.

⁹⁹ См. *Cadot M.* La Russie dans la vie intellectuelle française (1839–1856). P., 1967, p. 511; о тогдашних страхах немцев см.: *Stammler H.* Wandlungen des deutschen Bildes vom russischen Menschen // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1957, № 5, S. 279.

нет больше любви к родине, так как социалистическая революция истребила ее, тогда, уважаемые господа, сие означает, что пробил час России. Тогда русский может спокойно разгуливать по нашей земле с ружьем наперевес"¹⁰⁰.

Катастрофа, постигшая наполеоновскую армию именно в отсталой России, только способствовала подтверждению тезиса о превосходстве России над высокоразвитым Западом. Сам Наполеон на острове Святой Елены, вероятно ради самооправдания, отстаивал тезис о непобедимости России¹⁰¹. Его слова о том, что через десять лет Европа должна стать либо республиканской, либо казацкой, были в середине XIX века у всех на устах¹⁰².

В данной связи надо указать на относительно новый феномен в европейской истории – ослабление миссионерского сознания. В то время на Западе начали говорить об опасностях, которые несет с собой европеизация стран за пределами Запада.

В XVIII веке с присущим ему оптимизмом и верой в прогресс заимствование западноевропейской модели Петром I считалось доказательством превосходства западной культуры. Не в последнюю очередь благодаря этому включение России в европейское сообщество государств произошло относительно беспрепятственно. Петр Великий и Екатерина II были любимцами западных просветителей. Вызывала всеобщее восхищение их попытка приспособить европейскую культуру к условиям страны, которая, на взгляд обитателей Запада, была полуварварской¹⁰³.

Однако после 1815 г. эти процессы стали оцениваться совершенно иначе. Европеизация России, как считали многие западные писатели, в конечном счете привела к тому, что русский правящий класс получил новейшие средства и "технологии" власти, которые он теперь вполне успешно

¹⁰⁰ См.: *Cortés D.* Op. cit., S. 326.

¹⁰¹ См.: *Le Comte de Las Cases.* Le Mémorial de Sainte Hélène. Vol. 1–2, Gallimard, 1956.

¹⁰² См.: *Cadot M.* Op. cit., S. 516.

¹⁰³ См.: *Riasanovsky N.V.* Op. cit., p. 256; *Groh D.* Rußland und das Selbstverständnis Europas: Ein Beitrag zur europäischen Geistesgeschichte. Neuwied, 1961, S. 51.

применяет против Запада. Вместе с тем в распоряжении русских властителей непритязательная, послушная и не затронутая западными идеями людская масса, которую можно использовать как угодно, в том числе и для завоевания мирового господства. В 1850 г. немецкий востоковед и публицист Яков Филипп Фальмерайер писал по этому поводу: "Запад больше не в состоянии решить свою социальную проблему, его духовные и мирские средства исчерпаны до конца... Достоверно и значимо лишь, что в противоположность изнуренной долгой жизнью и увядающей Западной Европе появляется народ..., который выращен под жесткой коростой царизма; народ... слепо верующий, пассивно подчиняющийся чужой воле"¹⁰⁴.

Лишь немногие наблюдатели тогда понимали: европеизация России не может оставаться поверхностной. Заимствование западных технологий и моделей развития должно неизбежно повлечь за собой восприятие западного образа мыслей. Рано или поздно русский народ предъявит к власти предержащим требования, аналогичные тем, что уже были предъявлены гражданами западноевропейских стран своим правителям¹⁰⁵.

V.

Страх перед Россией был тогда присущ не только представителям увядающего аристократического мира, таким, как Доносо Кортес или Токвиль. Носители обеих главных идей, которым предстояло господствовать в будущем, – немецкие националисты и идеологи пролетарской революции, – тоже воспринимали Россию как опасность. Такие сторонники германского единства, как Густав Дицель, были убеждены в том, что невозможно добиться объединения

¹⁰⁴ *Fallmerayer J.P. Gesammelte Werke. Hgs. Von G.M. Thomas, München 1861, Bd. 2, S. 59.*

¹⁰⁵ К тем немногим, кто предсказал подобный ход событий, принадлежал Жозеф де Местр. В 1811 г. он писал: "Если бы какому-нибудь образованному Пугачеву удалось возглавить партию; если бы только один раз народ взбудоражили и началась революция европейского образца ..., то у меня не найдется слов для того, чтобы сказать Вам, чего следовало бы опасаться" (*Tschizewskij/Groh, Europa und Rußland..., S. 61*).

Германии без краха русской гегемонии в Европе. Дицель считал царя гарантом сохранения статус-кво в Германии. Только благодаря его поддержке не свергнуты немецкие династии, воплощавшие собой раздробленность Германии¹⁰⁶. И действительно, Николай I и его министр иностранных дел Нессельроде считали "химерой немецкой профессуры" планы объединения Германии и рассматривали раздробленность Германии как реальность, которую не следует подвергать испытаниям¹⁰⁷. Не в последнюю очередь по этой причине Густав Дицель в 50-х годах прошлого века призывал немцев к войне против России¹⁰⁸.

Маркс и Энгельс тоже мечтали о подобной войне. Росийскую сверхдержаву они и после 1849 г. рассматривали как главную помеху для осуществления своих целей. Поражение России в общеевропейской войне должно было, по их мнению, вновь запустить притормозивший революционный процесс. Несмотря на то, что революция 1848 г. потерпела поражение не из-за русского вмешательства, а по причинам внутриевропейского характера, они придавали русскому фактору непомерно большое значение. И еще одно соображение обоих мыслителей оказалось ложным. Они рассматривали победу промышленной революции как предпосылку победоносного социалистического переворота. На деле произошло диаметрально противоположное. Лишь там, где промышленная революция не одержала победу, шансы оказались на стороне пролетарской революции. Позднейшее развитие России подтвердило это с особой ясностью.

Однако победу революции в России, по крайней мере до начала Крымской войны, духовные предтечи первого "пролетарского государства" считали немислимой. Они с негодованием отвергали мнение о революционных склонностях русского народа, которое было высказано в середине

¹⁰⁶ См.: *Diezel G. Rußland, Deutschland und die östliche Frage.* Stuttgart, 1853, S. 61 ff., 99 ff.

¹⁰⁷ См.: *Namier L. 1848...*, p. 93.

¹⁰⁸ См.: *Diezel G. Op. cit.* S.100 ff.

XIX века, например, Михаилом Бакуниным и Александром Герценом¹⁰⁹.

Сторонники объединения Германии, равно как и сторонники пролетарской революции видели в России источник опасности не только потому, что она выступала за консервацию сложившегося в Европе территориального и социального статус-кво.

Еще более опасным казалось им русское и славянское мессианское мышление, которое приобрело отчетливые очертания уже в середине XIX века. Подобно немцам, французам или итальянцам, русские, и прежде всего представители панславистского течения во главе с уже упомянутыми Федором Тютчевым и Михаилом Погодиным, тоже начали говорить о своей национальной миссии. Они соглашались с тезисом некоторых западных пессимистов о моральном упадке Европы и считали славян наследниками европейской культуры¹¹⁰. Революция 1848 г. способствовала развитию либо пробудила национальное сознание многих славянских народов Восточной и Южной Европы.

И теперь на южных и западных славян смотрели как на своего рода авангард России, нацеленный на радикальное изменение соотношения сил в Центральной Европе. В таких обстоятельствах царь получал возможность по своему усмотрению использовать в борьбе за гегемонию в Европе как консервативные, так и революционные средства.

К революционным относилась возможность обратиться с воззванием к угнетенным славянам. Особый страх перед славянской картой царя испытывали в Германии. Такие немецкие националисты, как Густав Дицель, в этом вопросе лишь несущественно отличались от Маркса, Энгельса или Мозеса Гесса. Все они усматривали в возможной борьбе славян за свою независимость, поддержанной Россией, попытку свести на нет тысячелетний культурный успех немец-

¹⁰⁹ См.: *Marx K. und Engels F.* Op. cit., Bd. 10, S. 3–8; Bd. 5, S. 165–176, 270–286.

¹¹⁰ См.: *Riasanovsky N.V.* *Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles: A Study of Romantic Ideology.* Cambridge (Mass.), 1952; *Зеньковский В.* *Русские мыслители и Европа: Критика европейской культуры у русских мыслителей.* Париж, 1955.

кой нации в Центральной и Восточной Европе¹¹¹. Кроме того, славянский мессианизм никак не сочетался с идеей германского или пролетарского мессианизма. Кажется почти парадоксом, что именно представители тех группировок, которые весьма радикально ставили под вопрос существовавшую в Европе политическую и социальную систему, упрекали царскую империю в недостаточной лояльности к этой системе¹¹². Всё же в русофобии проявлялась лишь одна сторона немецкой точки зрения на Россию. Преимущественно в консервативном спектре немецкой общественности имела место и сильная русофильская тенденция. Критики европейского просвещения и так называемого упадка Запада связывали большие надежды с Востоком, "незатронутым" цивилизацией. Август фон Хакстхаузен восхвалял достоинства русской сельской общины и пользовался большим влиянием у славянофилов. Прорусские настроения были сильны и в высших кругах Пруссии. Но и там с середины XIX века начали себе прокладывать дорогу новые процессы.

VI.

Революция 1848 г., несмотря на ее поражение, создала в Европе новый политический климат, требовавший совершенно иной техники власти. События 1848–1849 гг. повлекли за собой чрезвычайную политизацию масс, и править

¹¹¹ См.: *Diezel G. Op. cit.; Marx K. und Engels F. Op. cit., Bd. 5, S.165–176.* В 1841 г. Мозес Гесс писал по этому поводу: "Простота подавляющей части русского населения – не святое простодушие откровенной невинности, а тупое бесчувствие холопского толка... И неужели этих людей можно призвать к мировому господству, к покорению той самой Европы, которая теперь соединяет глубину германского постижения Бога с практицизмом римского понимания мира??" (*Hess M. Die europäische Triarchie. Leipzig, 1841*).

¹¹² См.: *Diezel G. Op. cit. S.75.* Стереотипные представления о России Маркса, Энгельса и многих других мыслителей не в последнюю очередь объясняются тем, что вплоть до начала Крымской войны они мало занимались внутренними структурами царской империи и замечали только ее угрожающий внешний фасад. К числу немногих, кто стремился дать возможность западной общественности познакомиться с внутренними структурами России, был Август фон Хакстхаузен. Однако его глубокие исследования не получили тогда большого отклика на Западе.

ими, не обращая внимания на общественное мнение, было уже невозможно¹¹³. Послереволюционные правительства, в том числе и диктаторские, старались проводить "популярную" политику. Тот факт, что царская империя была крайне непопулярной в глазах европейской общественности, должен был повлечь за собой гораздо более опасные последствия для восточной великой державы, чем в дореволюционные времена. Европейские правительства стремились также к тому, чтобы избавиться от пережитков патриархального строя в своих странах, важнейшим гарантом которого, как казалось, выступала Россия. Многие члены правящего слоя Пруссии или Австрии считали унижительным для себя то, что в некоторых случаях царь вел себя так, словно бы они являлись его вассалами¹¹⁴. Они стремились как можно скорее избавиться от казалась бы всесильного влияния восточной империи. В Берлине испытывали крайнее возмущение от того, что царь постоянно вмешивался во внутринемецкие отношения (например, Ольмюцкое предварительное соглашение в ноябре 1850 г.). Взгляды прусских консерваторов во главе с братьями Герлах, выступавшими за легитимистскую солидарность консервативных сил¹¹⁵, в начале 50-х годов воспринимались уже как анахронизм. Таким же анахронизмом австрийский министр иностранных дел Буоль считал убеждение консервативных генералов, вроде Виндишгреца, что Австрия должна быть благодарна России за ее помощь в 1849 г.¹¹⁶

Царь по-прежнему думал, что только европейская общественность, а не правительства видят в нем тирана. Поэтому он чувствовал себя вполне уверенно, когда в начале 1853 г. попытался присущими ему методами разрешить

¹¹³ См.: *Rochau von L.A.* Gründzüge der Realpolitik angewendet auf die staatlichen Zustände Deutschlands. Stuttgart, 1853.

¹¹⁴ См.: *Friedjung H.* Der Krimkrieg und die österreichische Politik. Stuttgart – Berlin, 1911, S. 48f.

¹¹⁵ См.: *Ibidem*; *Borries K.* Preußen im Krimkrieg. Stuttgart, 1930, S. 3, 29f.

¹¹⁶ *Friedjung H.* *Op. cit.*, S. 21f. В марте 1854 года Буоль писал Францу Иосифу I: "Австрия не может поддержать Россию в ее претензиях на безраздельное господство над Востоком, а также допустить нарушение целостности турецкой империи" (Akten zur Geschichte des Krimkrieges. Hg. Von W. Baumgart e.a. München – Wien, 1979–1980, Bd. I, S. 690).

Восточный вопрос¹¹⁷. Однако его попытка вызвала неожиданый для него эффект солидарности среди крупнейших европейских народов и их правительств. Все они рассматривали царскую империю как угрозу европейской цивилизации¹¹⁸.

Полагают, что роковым для царя стало возрождение английской русофобии, которая после подписания договора о проливах от 1841 г. почти на целое десятилетие исчезла из общественного сознания. Некоторые историки, например Б.Р. Шредер, рассматривают агрессивность Англии как самую важную причину Крымской войны¹¹⁹. Резкое изменение в английской политике, как, впрочем, и необычно агрессивный образ действий царя в международных делах, можно, вероятно, объяснить тем, что Великобритания и Россия были единственными в Европе великими державами, которым не пришлось испытать революционных потрясений 1848–1849 гг. Поэтому ощущение собственной внутренней мощи поощряло как Лондон, так и Петербург к внешне-политической активности¹²⁰.

¹¹⁷ А.В. Никитенко, один из самых проникательных наблюдателей тогдашних событий, записал в своем дневнике: Николай I сделал вызов власти, которая, по словам Талейрана, намного сильнее, чем у самого могущественного государя – общественному мнению (*Никитенко А. В. Указ. соч.*, т. 1, с. 428).

¹¹⁸ Те политические силы и правительства, которые не поддержали эту почти единодушную реакцию, либо были вынуждены всё же уступить, либо оказались на континенте в полной изоляции. Первое произошло с пацифистски настроенным правительством Эбердина и Лондоне, а второе – с Пруссией, которой пришлось расплачиваться за свой нейтралитет в Крымской войне временным исключением из "концерта" европейских держав. См.: *Krauthelm H.J. Öffentliche Meinung und imperiale Politik: Das britische Rußlandbild 1815–1854. Berlin, 1977, S. 290, 305.*

¹¹⁹ См.: *Schroeder P.W. Austria, Great Britain and the Crimean War: The Destruction of the European Concert. Ithaca (N.Y.), 1972, p. XII, 409, 412f., 415.*

¹²⁰ См.: *Ibidem; Doering-Manteuffel A. Vom Wiener Kongreß zur Pariser Konferenz: England, die deutsche Frage und das Mächtesystem 1815–1856. Göttingen, 1991.* Петербургское правительство тоже считало тогдашнюю Россию непобедимой. См.: *Letters et Papiers du chancelier comte de Nesselrode: 1760–1856. Paris, 1904–1912, t.10, p.10.*

VII.

Итак, столь долго призываемая борьба между Западом и Востоком наконец-то разгорелась. Это была борьба за восстановление европейского равновесия, против державы, которой приписывали планы завоевания всего мира. Как сказал Л. Нэмьер, борьба такого рода ведется, как правило, до "печального исхода"¹²¹. Причем эта война имела целью не только восстановление политического равновесия, но и защиту "ценнейших благ западной цивилизации". Европу впервые после войн против турок в XVI–XVII веках охватил *metus asiaticus* ("азиатский страх"). Николая I представляли в виде восточного варвара, нового Тамерлана, у которого нет ничего общего с европейской традицией¹²². По ироническому замечанию английского историка Кинсли Мартина, война на Босфоре в защиту восточного деспота (т.е. турецкого султана) была представлена как война в защиту христианских ценностей¹²³. На самом деле Крымская война была обычной локальной войной, в ходе которой ни одна из сторон не "пошла на всё". А. Дж. П. Тейлор даже назвал ее своего рода "холодной войной"¹²⁴. Ей сопутствовали постоянные дипломатические переговоры, обе стороны одинаково действовали в рамках международного права. В течение всего периода между наполеоновскими войнами и Второй мировой войной ни один из эпизодов борьбы за восстановление европейского равновесия не протекал столь мягко. Противникам силы, стремившейся к гегемонии, удалось сломить ее, не прибегая к тотальной мобилизации всего потенциала, употребив лишь небольшую часть своей мощи. В отличие от Наполеона или германского руководства в Первой и Второй мировых войнах царское правительство не сожгло за собой мостов после начала конфликта и не мыслило свои действия в терминах "всё или ничего". Правда,

¹²¹ *Namier L. Conflicts*, p. 54.

¹²² "Уступка европейской части Турции в пользу России явилась бы порокением Запада Востоком, господством Азии над Европой", – писал Густав Дигель в 1853 году. См.: *Diezel G. Op. cit.* S. 84.

¹²³ См.: *Martin K. The Triumph of Lord Palmerston: A Study of Public Opinion in England before the Crimean War.*, L., 1963, p.17, 20, 25.

¹²⁴ См.: *Taylor A.J.P. Crimea: The War That Would Not Boil // Europe: Grandeur and Decline.* L., 1974.

причиной Крымской войны послужила неосторожность, довольно нетипичная для тогдашней внешней политики России. Но как только петербургскому правительству стало ясно, насколько неверной была его оценка реакции Запада на свои шаги, оно тут же проявило уступчивость, чтобы свести к минимуму ущерб. Немецкий историк Винфрид Баумгарт отстаивает точку зрения, согласно которой главным образом благодаря Австрии и ее министру иностранных дел Буолю Крымская война не превратилась в широкомасштабную мировую. Чувство ответственности и посредничество Венского кабинета предотвратили тотальную конфронтацию сторон¹²⁵. Однако любой компромисс предполагает взаимное согласие. Тот факт, что царское правительство после некоторых колебаний в конечном счете принимало каждый австрийский ультиматум и, в отличие от 1812 г., отказалось от тактики отступления и "выжженной земли", не менее сильно повлиял на характер Крымской войны, чем тогдашняя политика Австрии.

И не только правительства участвовавших в войне сторон, но и народы не воспринимали начавшуюся в 1853 г. "судьбоносную войну между Западом и Востоком" как борьбу не на жизнь, а на смерть. Например, Токвиль жаловался в 1855 г., что французы не понимают смысла войны в Крыму. По его мнению, совсем иначе обстояло бы дело, если бы такая война велась против англичан. Тогда бы Наполеон III мог взывать к укоренившемуся чувству неприязни¹²⁶. Таким образом, длившийся десятилетие поход публицистов против России не оставил слишком глубоких следов в общественном сознании Франции. И в Англии после первого поражения ее армии сильно спало военное воодушевление¹²⁷.

Да и в России Крымская война не всеми воспринималась в качестве жизненно необходимой, решающей битвы

¹²⁵ *Baumgart W.* Der Friede von Paris: Studien zum Verhältnis von Kriegsführung, Politik und Friedensbewahrung. München, 1972, S. 64-77, 258. Критику в адрес Буоля см.: *Friedjung H.* Op. cit., S. 45f, 101 ff., 108 ff.

¹²⁶ См.: *Correspondence and Conversation of Alexis de Tocqueville with Nassau William Senior from 1834 to 1859.* L., 1872, vol. 2, 128 ff.

¹²⁷ *Martin K.* Op. cit., p. 202-205.

во имя панславизма¹²⁸. Стремление самодержавия задуть все независимые общественные течения привело к тому, что оно оказалось в изоляции не только вовне, но и внутри страны. Не могло быть и речи о патриотическом подъеме наподобие того, что был в России во время кампании 1812 г. Федор Тютчев был одним из немногих, кто с радостным воодушевлением отнесся к разразившейся битве между Западом и Востоком, восприняв ее как эпохальное событие¹²⁹. Когда все великие державы Запада, за исключением Пруссии, образовали сомкнутую антирусскую фалангу, царю, по мнению поэта, больше не было нужды считаться с легитимистским принципом, и он мог теперь призвать все угнетенные славянские народы к освободительной борьбе. В начале 1854 г. Тютчев сочинил такие строки:

*И своды древние Софии
Возобновленной Византии
Вновь осенят Христов алтарь.
Пади пред ним, о Царь России, –
И встань как всеславянский Царь!*¹³⁰

Цензор показал стихотворение Николаю I, который подчеркнул процитированные строки и написал: "Подобных строк не допускать!"¹³¹.

Сразу после падения Севастополя, предрешившего поражение России, Токвиль заявил, что этот ее проигрыш не имеет значения. Подъем империи неудержимо будет продолжаться. В качестве доказательства Токвиль сослался на мощную экспансию России на Дальнем Востоке, которая не

¹²⁸ Райнхард Витрам верно указывает, что первой и единственной панславистской войной России была не Крымская, а Турецкая в 1877 г. См.: *Wittram R.*, *Das russische Imperium und sein Gestaltwandel // Historische Zeitschrift*, 1959, 187, S. 588.

¹²⁹ См.: *Schelting von A.* Op. cit., S.186f.

¹³⁰ *Тютчев Ф.* Лирика. М.: Наука, т. 2, 1966, с.120.

¹³¹ *Rauch von G. J.Ph.* Fallmerayer und der russische Reichsgedanke bei F.I. Tjutčev // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1953, 1, S. 54–96. Также см.: *Тютчева Л.Ф.* При дворе двух императоров: Воспоминания, дневник. М., 1928, с.147 сл.

приостановилась, несмотря на поражение в Крымской войне¹³². С Токвилем согласны и многие современные историки. Например, Дитер Гро, Джеффри Барраклаф и Норман Рич полагают, что поражение России в Крымской войне только замаскировало ее подлинную мощь. Как великая держава она, по их мнению, не понесла заметного урона¹³³.

В реальности же после Крымской войны Россия, в противоположность тому, что говорят эти историки, пережила не кажущееся, а подлинное ослабление своего могущества¹³⁴. Территориальное расширение России в Центральной Азии и на Дальнем Востоке не усиливало ее позиций по отношению к Западу – в то время и сам Запад переживал период активного расширения колониальных территорий. Упадок могущества царской империи был обусловлен прежде всего ее внутренним расколом и всё усиливавшейся изоляцией царского режима от общества. После большевистского переворота Россия тоже не сразу смогла вернуть себе свое прежнее могущество. Она вынуждена была примириться с отпадением многих провинций бывшей царской империи и пережила чувствительные удары от только что возрожденного польского государства. К этому следует добавить беспримерный ущерб, нанесенный большевистским и сталинским террором. Как справедливо подчеркивает Винфрид Баумгарт, упадок мощи России продолжался практически до начала Второй мировой войны¹³⁵. И только после 1945 г. на Западе опять вспомнили о прогнозах Токвиля и других европейских пессимистов. Монолитному под властью диктатуры русскому колоссу теперь снова противопоставляли кажущийся слабым Запад с присущей ему внутренней разобщенностью и избытком социальной и политической напряженности. Опять стал актуальным тезис об истощении и декадансе Запада и о витальном превосходстве русских.

¹³² См.: *Correspondence and Conversation of A. de Tocqueville...*, vol. 2, p. 128 ff.

¹³³ См.: *Groh D. Rußland und das Selbstverständnis*, S. 175; *Barracough G. Op. cit.*; *Rich N. Op. cit.*, p. 4, 201.

¹³⁴ См.: *Wohlforth W. The Perception of Power: Russia in the Pre-1914 Balance // World Politics*, 1986/87, 39, p. 353–381.

¹³⁵ См.: *Baumgart W., Op. cit.*, S. 249.

VIII.

Коренное изменение соотношения сил в Европе после Крымской войны поразительно напоминает происходящее начиная с 1989 г. В обоих случаях ослабление России вызвало необычайное ускорение политического развития на континенте, радикальную перемену в территориальном статус-кво, десятилетиями остававшимся незыблемым. В обоих случаях страной, которая в наибольшей степени воспользовалась возникшим стечением обстоятельств, была Германия. Недаром немецкие националисты середины XIX столетия принадлежали к реалистически мыслящему меньшинству в лагере западных русофобов. Запад в то время безмерно преувеличивал мощь России, которая была слишком слаба для того, чтобы по примеру Наполеона I создать мировую монархию. Тем не менее она была достаточно сильна, чтобы помешать в то время объединению немцев. И после 1945 г. могущественная Россия противостояла их объединению. К числу величайших парадоксов Новейшей истории относится и такой: как легитимистская царская империя, так и "пролетарский" Советский Союз считались главными гарантами послевоенного порядка и напрягали все свои силы для замораживания территориального статус-кво в Европе.

И в том и другом случае Россия защищала наднациональную "политику принципов" и вела борьбу против права наций на самоопределение: сначала во имя принципа легитимности, а затем – ради "пролетарского интернационализма". Провал обоих планов привел к победному движению "лингвистического национализма" (Л. Нэмьер) и распаду ряда многонациональных государств и империй, которые были характерны для Центральной и Восточной Европы.

В 1851 г. итальянец Манчини назвал многонациональное государство "нежизнеспособным монстром"¹³⁶. Похожими эпитетами будут охарактеризованы многонациональные государства и после 1989 г.

¹³⁶ *Anderson M.S. The Ascendancy of Europe: Aspects of European History 1815–1914. L., 1972, p.140.*

А теперь несколько слов о немецко-русских отношениях. Вследствие того, что в 1870–1871, равно как и в 1989–1990 гг., Россия своими действиями сделала возможным объединение немцев, в Германии на время распространилось эйфорическое чувство благодарности к ней. В марте 1871 г. Вильгельм I в экзальтированной форме выразил свою признательность царю за русский нейтралитет во время франко-прусской войны¹³⁷. Тем не менее двадцать лет спустя оба государства уже оказались в разных политических лагерях, а их правящие круги окунулись в вихрь националистической фразеологии о неизбежности борьбы между славянством и германской нацией.

Модернизация России, которую на рубеже веков пытались осуществить такие государственные деятели, как Сергей Витте и Петр Столыпин, вызвали крайнее беспокойство в имперских верхах Германии. Фриц Фишер усматривает в страхе немецкого руководства перед слишком сильной Россией одну из главных причин Первой мировой войны.

И после окончания этой войны, которую обе страны проиграли, отношение немцев к России оставалось крайне двойственным. С одной стороны, были Рапалло и беспрецедентное преклонение элиты Веймарской республики перед русской культурой. В 1921 г. Хуго фон Хофмансталь жаловался, что Достоевский теперь угрожает свергнуть Гёте с его пьедестала¹³⁸.

С другой стороны, тогда же антирусские тенденции достигли необычайной силы. Изоляция большевистского государства от международного сообщества превратилась в искушение для крайних националистов в Германии. По словам Эрнста Нольте, Гитлер действовал "будучи убежден в наличии ... неповторимой во всемирной истории ... возможности уничтожить русскую революцию при сочувственном отношении к этому со стороны буржуазии и Европы и тем самым создать для Германии совершенно новое гео-

¹³⁷ См.: *Bußman W. Das Zeitalter Bismarcks // Handbuch der Deutschen Geschichte. Hg. von L. Just. Konstanz, 1956, Bd. 3, Teil 2, S.129.*

¹³⁸ *Hofmannsthal von H. Gesammelte Werke: Prosa. Frankfurt am Main, 1955, Bd. 4, S. 75.*

политическое положение, гарантирующее ее будущее"¹³⁹. (Эти слова написаны Нольте до начала "спора немецких историков", когда он еще не склонялся к тому, чтобы поставить под сомнение уникальность преступлений национал-социализма).

Гитлер легко преодолел сопротивление некоторых прорусских кругов в рейхе и осуществил свой план. Так страна, которую часто обвиняли в преувеличенной русофилии, в 1941 г. начала именно против России войну на уничтожение, небывалую в Новейшей истории Европы.

Колебания между крайностями русофилии и русофобии были не в последнюю очередь связаны со срединным положением Германии. Россия рассматривалась либо в качестве союзника против Запада, либо как препятствие, которое следует устранить, чтобы снять блокаду с Германии. Только интеграция Германии в Европу, происходившая после 1945 г. и завершившаяся в 1989–90 гг., положила конец этим колебаниям. Правда, критики Горбачева считают, что сдача хранившихся в Москве ключей к немецкому единству одновременно с интеграцией объединенной Германии в Европу означает "объявление недействительными результатов Второй мировой войны" и соответственно пренебрежение русскими интересами. Однако они упускают из виду, что немецкое сопротивление Западу лишь очень редко служило русским интересам, так как оно обращалось в конечном счете и сильнее всего (в 1914–1918 и в 1941–1945 гг.) именно против России.

Перевел с немецкого Александр Хлопин

Опубл. в журнале «Рубежи», 8, 1996. По немецки в Tel Aviver Jahrbuch für Deutsche Geschichte, XXIV, 1995

¹³⁹ Nolte E. Die Faschistischen Bewegungen: Die Krise des liberalen Systems und die Entwicklung des Faschismus. München, 1979, S. 58.

1.3. ЦЕРКОВНАЯ БОРЬБА В СССР И В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПОЛЬШЕ

Когда в ноябре 1917 г. в России возник первый из современных тоталитарных режимов, он тотчас же почувствовал угрозу для себя со стороны Церкви. Большевики хотели создать новый мир, который был бы основан на новейшем научном и технологическом фундаменте, – и это в стране, общественная, экономическая и политическая структура которой была почти совершенно расшатана тремя с половиной годами войны и революцией. «Через полгода у нас будет социализм и самое могучее государство в мире»¹⁴⁰, сказал Ленин через несколько недель после того, как большевики взяли власть. Октябрьская революция, которую большевики рассматривали как величайшую революцию в истории человечества, для России знаменовала радикальный разрыв с прошлым, – с тем прошлым, с которым церковь была неразрывно связана. Уже поэтому Церковь представляла постоянную опасность для новых властителей России, и они стремились изгнать религию из общественной жизни и общественного сознания.

Такое развитие событий было предвидено некоторыми русскими мыслителями еще в XIX в. Один из прародителей русского западничества, Владимир Печерин, в середине в XIX в. писал, что единственной истинной основой любого общества может быть только религия. То общество, в котором религия вытеснена верой в науку или философскими системами, будет либо упадочным, либо деспотическим. Печерин опасается, что в случае триумфа научно-материалистической цивилизации вновь начнутся гонения на христиан. В этой цивилизации не найдется места тем, кто, подобно ему самому, предпочитает созерцательный образ жизни.¹⁴¹

Ф.М. Достоевский писал о социализме, что признаки общественно-политического учения он демонстрирует только на поверхности. Его стремление стать альтернативой хри-

¹⁴⁰ *Trockij L. Über Lenin. Material für einen Biographen. Frankfurt/Main, 1964, S.106.*

¹⁴¹ См.: *Герцен А.И. Былое и думы, Ч.1–3, М., 1958. Ч. 3, с. 363–376.*

стианству более важно, чем его политические притязания. Хотя это определение претендует на универсальность, оно описывает в первую очередь российский, а не западный вариант социализма. Как справедливо заметил историк Теодор Шидер, Западу был практически незнаком безусловный и абсолютный характер революционной веры, который отличал российскую интеллигенцию XIX и начала XX столетий¹⁴². В конце концов, эти особенности не в последнюю очередь были связаны с тем, что в сознании интеллигенции все же оставалась какая-то религиозная основа, несмотря на то, что все связи этой интеллигенции с православной церковью были потеряны. Характерное для буржуазной эпохи «расколдовывание» мира (М. Вебер) произошло и в царской России, хотя и с большим опозданием. Но это расколдовывание не было связано с рациональным скепсисом по отношению к абсолютной истине. Фанатичная преданность, с которой радикальная интеллигенция служила революционным идеалам (в частности, социализму) напоминала безоговорочную веру их предков в чистоту православия, за которую многие (например, старообрядцы) были готовы даже взойти на костер.

Русская интеллигенция отвергла веру в трансцендентное и абсолютизировала имманентное, «чисто человеческое», – писал в 1909 г. русский философ С.Л. Франк. Она верила, что можно достигнуть абсолютного счастья на земле с помощью простого механического устранения врагов обожествляемого ею народа. Несмотря на свое безбожие, русская интеллигенция мыслила в религиозных категориях: ее «богом» был народ, ее «дьяволом» – самодержавие¹⁴³.

В противоположность Западу, секуляризация в России не была постепенным процессом, но произошла внезапно, и каждый из общественных слоев, охваченных этим процессом, переживал его как неслыханный перелом. При этом старое и новое смешивались в крайне взрывоопасную смесь.

¹⁴² *Shieder Th.*: Das Problem der Revolution im 19. Jahrhundert, in: Ders.: Staat und Gesellschaft im Wandel unserer Zeit. Studien zur Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts, 2. Aufl. München, 1970. – S. 11–57.

¹⁴³ *Франк С.Л.* Этика нигилизма / Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С.175–210.

В 1917 г. утопизм как душевная болезнь интеллигенции перешел в низшие народные слои, писал С.Л. Франк в 1924 г. в статье «Крушение кумиров». Они начали теперь служить революционным кумирам с таким же самопожертвованием, с каким в свое время служила им российская элита. Искра огня, зажженного российской интеллигенцией, запала в души российских рабочих и крестьян. Демоническое могущество, непобедимость большевизма объяснялись в первую очередь пламенной верой, с которой тысячи красноармейцев защищали свою святыню – революцию¹⁴⁴.

Несмотря на эту общую веру большевиков и низших слоев в Революцию, у российских народных масс, в первую очередь крестьянства, понятие о революции было, как правило, совершенно другим, чем у новых гегемонов. Крестьянам хотелось в первую очередь свергнуть ненавистный им привилегированный слой европеизированных помещиков, их восстание было направлено против строгой государственной системы петровской Руси. Большевики, напротив, хотели завершить начинания Петра Великого. Они, так же как и Петр I, рассматривали Россию как варварскую, отсталую страну, которую нужно цивилизовать, то есть сделать европейской. Чтобы достичь этой цели, они хотели освободить население от традиционного, а в особенности от религиозного мировосприятия так быстро, как это только возможно.

Большевики считали последним словом европейской культуры свое материалистическое, атеистическое мировоззрение, свою веру в индустриальное и техническое «чудо». Популяризация «чуда» науки и техники должна была заменить веру в религиозные чудеса.¹⁴⁵ На Западе, как и среди интеллектуальной элиты России, наивная вера в науку, пропагандируемая большевиками, к началу XX в. уже была преодолена. Но большевики так и не заметили, насколько «несовременными» были их оптимизм, их восхищение современностью и прогрессом.

¹⁴⁴ Франк С.Л. Крушение кумиров. Берлин, 1924.

¹⁴⁵ Ср.: Федотов Г. Новая Россия // Современные записки, 1930. С. 276–331.

Церковь мешала большевикам превратить Россию в «современную» европейскую страну. Парадоксальным образом в 1922 г., тотчас после введения «мягкой» по отношению к крестьянам Новой Экономической Политики, борьба большевиков против церкви достигла высшей точки. В феврале 1922 г., по указанию Политбюро, Центральный Исполнительный Комитет издал декрет о конфискации церковных ценностей. Большевики официально объяснили эту акцию заботой о жертвах голода, который охватил тогда несколько регионов России и, по официальным сведениям, унес около 5 млн. жизней. Конфискованные ценности якобы должны были помочь голодающим. Однако истинные мотивы этой акции были названы самим Лениным в письме к Вячеславу Молотову от 19 марта 1922 г.: «Для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля (церковь – Л.Л.) наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий»¹⁴⁶.

Конфискацию культовых церковных предметов глава Русской Православной Церкви патриарх Тихон 28 февраля 1922 г. назвал святотатством. 9 мая 1922 г. патриарх был арестован, но первого июня 1923 г., не без давления европейской общественности, выпущен на свободу. Незадолго до освобождения Тихон, конечно, был вынужден подписать признание вины¹⁴⁷.

Несмотря на это вынужденное признание, патриарх пытался защитить остатки автономии церкви. Он продолжал спор с «троянским конем» режима в русском православии - обновленческим движением. В апреле 1924 г. он объявил все церковные таинства, совершаемые «обновленцами» (за исключением крещения) недействительными¹⁴⁸.

¹⁴⁶ Ленин В.И. Неизвестные документы 1891–1922. М., 1999. С. 516.

¹⁴⁷ Волкогонов Д. Ленин. Утопия и террор. Дюссельдорф, 1994. С. 402.

¹⁴⁸ Adler G. Tausend Jahre Heiliges Russland. Orthodoxie im Sozialismus. Freiburg im Breisgau, 1987. S. 68.

Режим постоянно усиливал давление на церковь. То, что большинство верующих не принимало «обновленцев», заставило большевиков постепенно прекратить поддержку обновленчества и попытаться сделать саму церковь марионеткой режима. Эта цель была вполне достигнута, когда митрополит Сергей, фактически руководивший церковью после смерти патриарха Тихона в 1925 г., был вынужден выступить с заверением в лояльности церкви к советской власти. «Введение советского режима казалось некоторым совершенно случайным и потому устойчивость его непонятной. Люди забыли, что для христианина не бывает случайностей, что все происходящее с нами производит рука Бога, который ведет каждый народ по собственному пути к предназначенной ему цели» (июль 1927)¹⁴⁹.

Несмотря на эту капитуляцию руководителей церкви, партия продолжала кампанию против православия. Только после начала советско-германской войны в июне 1941 г. Сталин по тактическим причинам временно прекратил борьбу с церковью. Церковь теперь включилась в широкий патриотический фронт.

После войны режим снова стал использовать церковь в своих пропагандистских кампаниях, например, в так называемой борьбе за мир во всем мире. На международных конференциях представители Московской Патриархии всегда подчеркивали, что верующих в Советском Союзе не преследуют. Таким образом, церковь была низведена до роли рупора режима.

Впечатляющие успехи большевиков в борьбе против русского православия многие объясняют традиционной близостью православного клира к государству, его верноподданничеством. Цезарепапистская система, которую Россия переняла от Византии, действительно привела к подчинению церкви светской власти, ее превращению в часть государственного аппарата. Не была ли реакция Русской Православной Церкви на борьбу режима против нее такой беспомощной потому, что в отличие от западной Церкви, у нее не было опыта длительного противостояния светской вла-

¹⁴⁹ Ibid., S.73.

сти? Если дела обстояли так, почему позже, после 1945 г., коммунистам удалось втянуть всю Восточную Европу в их борьбу с церковью и достичь успеха, похожего на их успех в России? Почему едва ли не все конфессии, которые находились в сфере влияния коммунистов, реагировали на тоталитарный вызов так же беспомощно, как Русская Православная Церковь? Этот вопрос требует разъяснений.

Католическая церковь Польши представляла собой в сущности единственное исключение. Только она была достойным противником, но вместе с тем и независимым партнером коммунистического режима.

Когда в 1945 г. сфера влияния Советского Союза достигла Эльбы, Польша оказалась самой большой католической страной в коммунистическом регионе.

Тот факт, что антирусское и антикоммунистическое большинство польского народа объединилось вокруг католической церкви, которую все они считали своей главной защитой, стал постоянным вызовом для нового коммунистического режима в стране. В начале 1945 г. партия польских коммунистов – Польская Рабочая Партия, – которая уже стала решающей политической силой в стране, насчитывала всего лишь 34 000 членов.¹⁵⁰ Чтобы не опираться исключительно на штыки Красной Армии, польские коммунисты – крошечный остров в католическом море – были вынуждены следовать гибкой политике в отношении церкви.

Эта гибкость захватила врасплох польское церковное руководство. Крестный путь русской православной церкви был им хорошо известен. Они ожидали, что коммунисты начнут в Польше такую же прямую атаку на церковь, как в свое время в России. Однако это произошло не сразу. Краковский архиепископ Сапега в начале 1945 г. даже выразил удивление по поводу того, что большевики не сожгли все церкви в Польше¹⁵¹.

После того, как польская оппозиция была уничтожена в 1945–1947 гг., церковь представляла собой единственное

¹⁵⁰ Kersten K. *Narodziny systemu władzy w Polsce 1943–1948*. Paris, 1986. S. 137.

¹⁵¹ Stehle H. *Die Ostpolitik des Vatikans*. München, 1975. S. 275.

учреждение в Польше, которое впредь могло уклониться от всеобщей унификации. В октябре 1947 г. министр Государственной безопасности Польши Станислав Радкевич указал, что церковь – наиболее организованный и сильный враг государства¹⁵². Это привело к выработке стратегии, нацеленной на раскол, вытеснение и компрометацию «оплота реакции», как церковь называлась на официальном коммунистическом жаргоне. Около 6000 официальных и неофициальных сотрудников госбезопасности включились в эту борьбу¹⁵³. Один за другим священники арестовывались по обвинению в антигосударственной деятельности. В сентябре 1948 г. около 400 священников находились под арестом. Средства массовой информации, проводили крайне резкую кампанию против епископата как силы, тормозящей прогресс, пережитка далекого прошлого.¹⁵⁴

Как реагировали польские католики на эти события? Спектр реакций был чрезвычайно широк – от открытых выступлений против диктаторских мероприятий режима до столь же открытого сотрудничества. Непреклонное сопротивление олицетворяла группа, собравшаяся вокруг журнала «Tygodnik Warszawski» («Варшавский еженедельник»). Издатели считали свой журнал рупором католического большинства страны, что очень повышало их веру в себя в спорах с коммунистами. Они были убеждены в том, что коммунисты в Польше, несмотря на всю свою силу, в конце концов обречены на поражение. Это мнение представлял, например, один из наиболее влиятельных публицистов журнала, Зигмунд Качинский, в его обращении к прорежимному католическому политику Виды-Вирскому: «Время работает на нас», – говорил Качинский. «Еще никогда церковь не пользовалась среди польской общественности таким влия-

¹⁵² Dudek A. Zarys stosunków Państwo-Kościół w latach 1945–1956 / *Wójcik P.* Elity władzy w Polsce a struktura społeczna. Warszawa, 1992. S. 401–428, здесь S. 405.

¹⁵³ Ibid., S. 406.

¹⁵⁴ Ibid; см. также *Siedlarz J.* Kirche und Staat im kommunistischen Polen 1945–1989. Paderborn u.a. 1996, S. 33–97; *Luks L.* Katholizismus und politische Macht im kommunistischen Polen 1945–1989. Die Anatomie einer Befreiung. Köln, 1993, S. 9–28.

нием, как сейчас. В связи с угрозой независимости страны к нам льнут даже антиклерикальные круги»¹⁵⁵.

Эти высказывания были доведены Виды-Вирским до сведения определенных заинтересованных органов в Польше и в СССР. Ставшие доступными документы несомненно об этом свидетельствуют.¹⁵⁶ Органы госбезопасности были превосходно информированы о настроениях в оппозиционных католических кругах. И они не были намерены слишком долго терпеть такого рода подрывную работу против существующего соотношения сил. 31 августа 1948 г. была проведена молниеносная операция по ликвидации журнала, а непосредственно после нее – арест его главных издателей. Они были обвинены в антигосударственной пропаганде, идеологической диверсии и шпионаже¹⁵⁷.

Судьба группы «Варшавского еженедельника» показывает, что сторонники активного сопротивления в сложившемся тоталитарном государстве с самого начала занимали проигрышную позицию. Сталинский Левиафан, сосредоточивший в своих руках такое количество полномочий, какое Гоббсу и не мечталось, оказался не готов терпимо относиться к группировкам, которые открыто нападали на него. Сталинисты чувствовали себя тогда «историческими победителями» и сметали со своего пути все «враждебные прогрессу» силы, ставившие под вопрос якобы уже произнесенный приговор истории.

То, что польская католическая церковь могла уклоняться от процесса всеобщего разрушения, по крайней мере, до 1953 г., представляет своего рода загадку для исследователей коммунизма. То, что церковь выжила после всего этого, произошло, скорее всего, потому, что она своевременно ушла из политической жизни, оставив вне обсуждения монополию коммунистов на власть. Так же вела себя группа католиков-интеллектуалов, группировавшихся вокруг кра-

¹⁵⁵ Бордюгов Г., Матвеев Г., Козецкий А., Пачковский А. СССР и Польша. Механизмы подчинения 1944–1949. Сборник документов. М., 1995. С. 221.

¹⁵⁶ Там же. С. 217–222.

¹⁵⁷ Paczkowski A. Arestowanie ks. Zygmunta Kaczyńskiego / Więź 4, 1991. S. 109–114.

ковского «Tygodnik Powszechny» («Общего Еженедельника»), который в споре с польским сталинизмом развивал стратегию, которая, пожалуй, не имела аналогов в истории коммунистических режимов.

В 1946 г. один из ведущих публицистов этого журнала, Станислав Стомма, сформулировал следующие тезисы: католицизм может примириться почти со всеми общественными системами. Ошибочно полагать, что церковь должна пытаться любой ценой осуществить католическое социальное учение. Стомма был согласен принять историческую победу социализма в политической и социальной сферах и отойти назад, на так называемые последние, то есть религиозно-этические позиции¹⁵⁸.

Журнал стремился к политической нейтральности, но именно тогда, в пору развитого сталинизма, такая установка чрезвычайно провоцировала режим. Победоносный сталинизм базировался на утверждении: «кто не с нами, тот против нас». Он требовал от подданных, то есть от жертв, тотальной идентификации с установками, диктуемыми властью. Неангажированное поведение он приравнивал к государственной измене. Издатели «Общего Еженедельника» не принадлежали ни к какой политической группе, писал позднее один из авторов журнала, Антон Голубев. Несмотря на это, журнал в тогдашней действительности оказался огромным политическим фактором и имел символическое значение¹⁵⁹.

Издатели «Общего Еженедельника», по сути, предвосхитили опыт восточноевропейского правозащитного движения 60–70-х гг. Они осознали, что факторы, когда-то находившиеся вне политики, культура и этика, при тоталитарной системе с ее притязаниями на абсолютную власть, приобретают политическое измерение.

Почему же варшавское руководство уважало определенную свободу церкви в государстве, о чем и не мечтали

¹⁵⁸ *Stomma S.* Maksymalne i minimalne tendencje społeczne katolików // *Znak* 3, 1946. S. 257–275.

¹⁵⁹ *Mazowiecki T.* W trzydziestolecie "Tygodnika Powszechnego" // *Więź* 3, 1975, S. 135–139, здесь S.137.

религиозные сообщества в других странах Восточного блока? Почему польские сталинисты не были готовы в полном объеме выполнить требования Москвы об усилении борьбы с церковью? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо в первую очередь вспомнить о соглашении между польской церковью и государством в апреле 1950 г. Польский режим был недостаточно прочно закреплен в стране, он нуждался в добавочной легитимации, потому что господство его основывалось в первую очередь на силе. Соглашение с церковью, которая в отличие от партии считалась действительной поборницей общественных интересов, могло хотя бы отчасти компенсировать дефицит легитимности режима.

После смерти Сталина варшавский режим, как ни парадоксально, усилил свою борьбу с церковью. «Общий Еженедельник» был запрещен, глава католической церкви Польши кардинал Вышинский арестован. Из тридцати трех польских епископов в конце 1953 г. под арестом находились девять. Польша начала терять свое особое положение внутри Восточного блока, которое не в последнюю очередь было связано с автономией церкви. Теперь казалось, что неудержимая экспансия сталинизма окончательно смела с пути последние самостоятельные учреждения в сфере своего влияния. Но это был только оптический обман. По сути борьбу с церковью, обострившуюся в Польше после смерти Сталина можно было назвать арьергардными боями сталинизма. Эпигонам Сталина не хватало криминальной энергии и последовательности их духовного отца. В своем наступлении они были нерешительными и робкими. А между тем, советское руководство спустя несколько дней после смерти Сталина начало демонтировать его систему террора. Начавшаяся в Москве "оттепель" рано или поздно должна была распространиться и на другие страны восточного блока.

Незадолго до ареста кардинала Вышинского имел, правда, место показательный процесс против кельцкого епископа Качмарека¹⁶⁰. Однако на показательный процесс

¹⁶⁰ См. напр.: *Dudek: Zarys*, S. 421; *Siedlarz: Kirche und Staat*, S. 91; *Micewski A. Kardynał Wyszyński. Prymas i mąż stanu*. Paris, 1982, S.132 f.

против главы католической церкви в стране по венгерскому или чешскому образцу польские сталинисты не решились. Идя на обострение борьбы с церковью, они в то же время опасались последствий таких конфликтов и избегали тотальной войны с церковью. Они сожгли за собой не все мосты. Это сказалось и в 1956 г. Когда у скомпрометированного режима не осталось никаких моральных резервов, он обратился к ресурсам церкви, и прежде всего – ее непреклонного предстоятеля.

В 1956 г. в Польше состоялась первая мирная революция в истории восточного блока. Эта революция изменила основы господствовавшей в стране системы; одно из коммунистических государств приобрело совершенно нетипичный компромиссный характер. Ядро этого компромисса образовало тогдашнее соглашение между государством и церковью. Несмотря на все преследования, которым подвергалась церковь в сталинские времена, она поспешила на помощь режиму, который осенью 1956 г. находился на грани распада. Церковное руководство исходило из того, что государственные интересы Польши требовали от церкви такого шага.

Последовавший в октябре 1956 г. компромисс между государством и церковью лег в основу особого развития Польши внутри Восточного блока. Этот компромисс обеспечил польским католикам возможность выстроить сеть внецерковных институтов, чье влияние вышло далеко за католические рамки. К важнейшим учреждениям такого рода принадлежал католический депутатский кружок Знак и разрешенные или же вновь созданные независимые католические печатные органы.

Компромисс 1956 г. имел следствия, которые практически сохранились вплоть до крушения режима в 1989 г. Режим гарантировал теперь определенным общественным силам, и прежде всего церкви, высокую степень автономии. Благодаря этому развитие страны имело собственную динамику, которой руководители государства, вопреки всем реставраторским попыткам, не могли больше овладеть. Но это не только дестабилизировало режим. Во многих кризисных ситуациях, когда у правительства больше не осталось

никаких моральных резервов, страна была обязана предотвращением катастрофы как раз тому, что кроме дискредитированной партии имелись и другие влиятельные и независимые силы, и одной из важнейших сил такого рода несомненно стал польский католицизм.

Хотя сигнал к польскому выступлению против сталинизма пришел из Москвы – с XX съезда КПСС в феврале 1956 г. – демонтаж сталинской системы в СССР имел совсем другие формы, чем в Польше. Субъектом, который осуществлял советские преобразования, было не общество и даже не партия в целом, а исключительно партийное руководство. Несмотря на их запоздалое восстание против кремлевского деспота, питомцы Сталина в СССР решительно отвергали всякую причастность «базиса» к процессу принятия политических решений, пытались душить в зародыше всякое самостоятельное общественное движение.

Полемику со сталинизмом Н.С. Хрущев вел во имя так называемых «ленинских идей»; коммунистические идеалы после «временной дискредитации» вновь должны были вступить в полную силу. XXII съезд партии в октябре 1961 г. принял 20-летний план построения коммунистического общества в СССР. Этот ускоренный переход к коммунизму предполагал «просвещение» граждан; «религиозным предрассудкам» не было места в коммунистическом обществе. Поэтому новый курс партии был связан с ужесточением церковной политики; христианам теперь приходилось продираться через бесчисленное множество новых препон. Тысячи церквей и десятки монастырей были закрыты. Церковное руководство лишь робко сопротивлялось этой антирелигиозной кампании. Для мировой общественности, напротив, подчеркивалось, что в СССР нет дискриминации верующих. Таким образом, продолжалась политика, начатая митрополитом Сергием в 1927 г. Но, несмотря на эту преемственность, нельзя забывать, что митрополит, а позднее патриарх Сергей подчинялся правительству, которое пользовалось методами террора, и всякий оппозиционный порыв душило в зародыше. Преемники Сергия, напротив, жили при режиме совсем другого рода. Этот режим отказался от массового террора, даже осудил его, и применял для борьбы с

оппозицией другие, более «мягкие» методы подавления, чем при Сталине. Критики режима рисковали теперь своей карьерой, зачастую свободой, но лишь изредка – жизнью. Этот измененный политический климат создал предпосылки для возникновения новых методов борьбы с режимом. Эта борьба велась открыто, на почве советской законности. Целью этой борьбы было не падение существующей системы, а только защита прав человека и гражданина, которые советская конституция формально гарантировала. Православные священники и верующие миряне тоже принимали участие в этой борьбе. Непротивление церковных иерархов репрессивной политике режима, идеализация советской системы видными представителями Московской патриархии возмущали православных диссидентов в такой степени, что они зачастую обращались с письмами протеста к общественности. Христиане-диссиденты не понимали, почему церковное руководство, несмотря на глубокие изменения в политическом климате страны после смерти Сталина, держало себя с режимом так же покорно и кротко, как и при жизни деспота¹⁶¹.

Критически настроенные по отношению к режиму христиане всего Восточного блока взирали с завистью на католическую церковь Польши, которой режим так часто делал уступки, какие христианам других коммунистических стран и во сне не снились. В открытом письме патриарху Пимену в 1972 г. Александр Солженицын ставил польскую церковь в пример для русской православной церкви, так как она последовательно боролась за защиту своей самостоятельности¹⁶². Польский епископат и в самом деле совсем по-другому относился к режиму, чем русское церковное руководство, а также чем многие другие религиозные лидеры Восточного блока, если не считать главу венгерской церкви, кардинала Миндсенти. Польских епископов поистине невозможно упрекать в том, что новое поле действий, возник-

¹⁶¹ Вестник Русского Христианского движения, 1975, № 126, с. 192–199.

¹⁶² Вестник Русского Студенческого Христианского движения, 1972, № 103, с. 147.

шее благодаря десталинизации режима, не было ими использованно. Особенно отчетливо это видно в конце 50-х годов, когда партия после пережитого кризиса десталинизации снова развернула кампанию против церкви.

Польский режим едва ли отличался от других коммунистических правительств: как и они, он стремился к прямому контролю над важнейшими жизненными областями страны. Чем дальше отодвигались события 1956 г., тем интенсивнее было стремление партийных вождей вернуть себе былое положение.

Варшавские государственные учреждения теперь крайне недоверчиво наблюдали за действиями церковного руководства. Партийные вожди раздраженно реагировали на программу «великого десятилетия» – мероприятия польской церкви по подготовке общества к празднованию тысячелетия крещения Польши. Эту десятилетнюю программу религиозного обновления партия восприняла как беспримерный вызов, как попытку церкви переписать историю Польши, исключив из нее коммунистов.

Но не только партия ужесточила свой курс с 1958 г. Противостояние церковных властей правительству тоже обострилось. На каждую пропагандистскую атаку партии и на любые административные придирки они отвечали контратакой. Они сравнивали преследования церкви в послесталинской Польше с угнетением времен Сталина и даже с подавлением церкви в годы немецкой оккупации.

Эти открытые стычки, невысказанные ни в каком другом коммунистическом государстве, свидетельствовали и о силе, и о бессилии обоих противников. Ни один из них не был в состоянии подчинить другого своей воле. Так, кардинал Вышинский уже в 1958 г. предполагал, что вскоре его вновь арестуют¹⁶³, хотя со временем и признал, что новые руководители партии не склонны к подобным радикальным шагам. Это обновление борьбы с церковью в старом стиле было бы возможным лишь с помощью сталинских террористических методов. Однако, о восстановлении сталинского режима у варшавских правителей, кроме, может быть, неиспра-

¹⁶³ *Micewski, Kardynał, S.179.*

вимых догматиков, речь не шла. Это означало, что у государственного руководства не было эффективных средств, чтобы вытеснить из общественной жизни вновь осознавшую свою силу церковь. Им оставалось только мелкие придирки. В то же время и церковь не в силах была подчинить себе режим с его антиклерикальным курсом. Это чувство общего бессилия способствовало лишь усилению словесных нападок с обеих сторон.

Уже в 1970-е гг. партия должна была смириться с тем, что она практически проиграла борьбу за «душу» народа. Церкви удалось эффективно противостоять атеистическому государству и проводимому им процессу секуляризации. Число верующих, которое в 1960-е годы временно упало, в 1970-х снова начало расти. Избрание Карла Войтылы Папой в октябре 1978 г. способствовало тому, что общество в еще большей степени отвернулось от режима и от господствовавших в стране доктрин. Многие прежние критики церкви начали говорить о ней как о «высшей нравственной инстанции». Число поляков, которые считали себя верующими, возросло за период между 1968 и 1982 годами от 83% до 95%¹⁶⁴. В 1989 г. социолог Й. Марианский писал: «Дальнейшая экспансия религии в Польше уже невозможна. Все мыслимые границы для такой экспансии уже достигнуты»¹⁶⁵.

Для коммунистических вождей, как в Варшаве, так и в Москве, выборы Папы в октябре 1978 г. стали настоящим шоком. Через несколько недель после римских выборов видный советский эксперт по Восточной Европе Олег Богомолов написал в ЦК экспертную записку, в которой можно прочесть следующие слова: «Избрание К.Войтылы Папой представляет собой для католической иерархии ... в первую очередь средство для эффективной борьбы с социалистической идеей. Тот факт, что гражданин социалистического государства был избран Папой, с высокой вероятностью приведет в ближайшем будущем к усилению религиозных

¹⁶⁴ *Grabowska M.* Kościół w Polsce – punkt zwrotny // *Więź* 5–6, 1990, S. 29–47; *Balcerek M., Nowacki G., Szymańczyk M.* Młode pokolenie czasu kryzysu i reform. Polska młodzież 87. Warszawa, 1988, S.120.

¹⁶⁵ *Mariański J.* Kierunki badań polskiej sociologii religii w latach 80-tych // *Życie Katolickie*, 11,8.1989.

настроений в социалистических странах, в первую очередь в Польше, а также в Венгрии, Югославии, возможно, в Литве и в западных районах Украины и Белоруссии»¹⁶⁶.

Предсказания Богомолова во многих отношениях сбылись за удивительно короткое время. В своей речи при вступлении на пост новый Папа сказал: «Распахните двери для Христа! Его спасительной силе открывайте границы государств, экономических и политических систем. Не бойтесь!»¹⁶⁷.

Эти слова были поняты многими как призыв к преодолению европейского раскола, противопоставления Востока и Запада. Папа, который пришел из забытой восточной половины континента, на деле способствовал тому, что восток Европы снова вернулся в поле зрения западной общественности, да еще и с большей силой, чем раньше. Не в последнюю очередь поэтому многие обозреватели посчитали римские выборы в октябре 1978 г. прологом к мирной революции 1989 г.

Это утверждение, разумеется, не может быть принято без ограничений. Крах коммунистических диктатур произошел не в первую очередь благодаря давлению снизу. Даже католическая церковь Польши, самое влиятельное религиозное сообщество в Восточном блоке, не могла существенно пошатнуть могущество коммунистов, их монополию на власть; она могла только сделать существующий режим более сносным для населения. Ликвидация Восточного блока в 1989 г. была в первую очередь следствием новой внешнеполитической концепции советского режима, который больше не считал обязательным соблюдение брежневской доктрины.

В Советском Союзе отчаянная попытка Горбачева реформировать социализм привела к ускорению распада коммунистической идеологии. Возникший мировоззренческий вакуум был заполнен религией. По итогам опроса, проведенного советскими и американскими социологами в 1988 г.,

¹⁶⁶ Возможно ужесточение политики Ватикана // Источник, 1993 №1, С. 64–70, здесь С. 65.

¹⁶⁷ Цит. по: *Siedlarz, Kirche*, S.178.

10% опрошенных москвичей назвали себя верующими. В 1990 г. их число возросло уже до 27%¹⁶⁸. В канун тысячелетия крещения Руси режим ввел явные послабления в свою церковную политику. Атеистическая пропаганда была приостановлена, церковь все реже называли «реакционным» институтом. Видные представители атеистического государства присутствовали на юбилейных торжествах¹⁶⁹. Поверженный режим хотел теперь, как и в годы Великой Отечественной войны, воспользоваться растущим престижем православия. В том же опросе 1990 г. 46% москвичей идентифицировали себя с православной церковью¹⁷⁰ (в том числе и неверующие, ибо верующими, как мы уже сказали, считали себя 27% опрошенных). Преемник умершего в мае 1990 г. патриарха Пимена, Алексей II, попытался постепенно отойти от политики своего предшественника. 10 июня 1991 г. он осудил лояльность митрополита Сергия в 1927 г.: «Трагедия митрополита Сергия была в том, что он пытался «на слово» поверить преступникам, дорвавшимся до власти. [...] Декларация митрополита Сергия целиком ушла в прошлое, мы больше не руководствуемся ею»¹⁷¹.

Для некоторых радикальных поборников перестройки такой осторожный отход церковного руководства от советского прошлого был недостаточным. После открытия документов из архивов КГБ, которые окончательно удостоверили факт сотрудничества иерархов церкви с Комитетом Госбезопасности, некоторые православные диссиденты потребовали от церковного руководства более основательно пересмотреть прошлое. Их призыв, однако, не имел успеха. В глазах многих церковных деятелей они приобрели репута-

¹⁶⁸ Furman D. Y. Religion and Politics in Mass Consciousness in Contemporary Russia // Lehmann H., Hrsg. Säkularisierung, Dechristianisierung, Rechristianisierung im neuzeitlichen Europa. Bilanz und Perspektiven der Forschung. Göttingen, 1997, S. 291–303, здесь S. 291 f.

¹⁶⁹ Ср. об этом: Basse O., Striker G.. Hrsg. Religionen in der UdSSR. Unbekannte Vielfalt in Geschichte und Gegenwart, Zollikon 1989, S. 50 f.

¹⁷⁰ Furman, Religion, S. 293.

¹⁷¹ Цит. по: Верховский А. и др. Политическая ксенофобия. М., 1999, с. 63.

цию “экстремистов”, их положение внутри церкви осталось более или менее изолированным.

В Польше проблема преодоления прошлого не играла такой большой роли, как в России. В отличие от большинства религиозных общин, попавших в сферу влияния коммунистов, польский католицизм смог адекватно ответить на тоталитарный вызов. Гораздо более серьезной проблемой для польской церкви стал либеральный и плюралистический вызов, с которым она столкнулась после распада коммунизма. Генеральный секретарь польского епископата Тадеуш Пиеронек говорил по этому поводу: “Церковь... прилагает усилия, чтобы интегрироваться в буржуазное общество в стране, которая стремится к демократии и на деле плюралистична. При этом ей мешают старые привычки, а иногда простая неспособность ориентироваться в свободном мире”. К этому Пиеронек прибавил следующее: “Свобода – самый большой подарок польскому обществу и церкви за последние годы; мудро обращаться с ним – это еще больший вызов”¹⁷².

*Перевод с немецкого Буцен О.Е.
Опубл. в «Вопросах философии», 5, 2001*

¹⁷² *Pieronek T.* Einheit und Vielfalt. Kirche und Gesellschaft am Beispiel Nachkriegspolens // *Lobkowicz N., Luks L.*, Hrsg. Der Polnische Katholizismus vor und nach 1989. Von der totalitären zur demokratischen Herausforderung. Köln, 1998, S.133–142, здесь 141 f.

Глава 2

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ

2.1. ТОТАЛИТАРНАЯ ЛИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Тоталитарные режимы XX в. стремились создать нового человека. Скептического, борющегося за свою самореализацию индивидуалиста, перенятого ими от либерально-позитивистской эпохи, они хотели превратить в коллективного человека, слепо верующего и безоговорочно повиновение. Эту цель не легко было осуществить, поскольку начиная с эпохи Просвещения Европа прошла мощный процесс эмансипации, который к середине XIX века охватил и консервативные монархии Центральной и Восточной Европы. Даже в доколе самодержавно управляемой Российской империи были после проигранной Крымской войны начаты грандиозные реформы, напоминавшие петровские реформы начала XVIII в., – реформы, которые могут быть охарактеризованы как вторая модернизация, или европеизация, России. В 1861 г. было отменено крепостное право, была значительно ослаблена цензура, в результате судебной реформы 1864 г. возникли независимые суды, что создавало первые предпосылки для разделения властей в стране. Многие из тех требований, которые поколениями выдвигали критики российского самодержавия, осуществлялись одно за другим. Однако для радикальных противников монархии – для революционной интеллигенции – эти процессы не имели никакого значения. Напротив: чем либеральнее делалось общественное устройство, тем радикальнее боролась с ним интеллигенция. Эта неадекватная, совершенно иррациональная реакция кажется на первый

взгляд поразительной. Но не относится ли неадекватный, иррациональный образ действий к сущности тоталитарного характера? Для начала я хочу заняться одной из его разновидностей – нетерпеливым революционным утопистом, стремящимся к разрушению существующего несовершенного мира, чтобы на его развалинах как можно быстрее построить общественный рай на земле. В России этот человеческий тип проявился в особенно радикальной форме. По словам историка Теодора Шидера, безоговорочность и абсолютность, отличавшие революционную веру русской интеллигенции, были на Западе практически неизвестны.¹

В 1869 г., т.е. как раз в то самое время, когда либеральное правление Александра Второго коренным образом обновляло Россию, больше того преображало ее до неузнаваемости, один из наиболее радикальных противников режима, Сергей Нечаев, пишет «Катехизис революционера», в котором можно было прочесть следующее: «Революционер – человек обреченный. ...Он в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он для него – враг беспощадный, и если он продолжает жить в нем, то для того только, чтоб его вернее разрушить. ...Все это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий. Первая категория – неотлагаемо осужденных на смерть». К ним, по мнению Нечаева, относятся самые умные и энергичные представители существующего режима. «Вторая категория должна состоять именно из тех людей, которым даруют только временно (!) жизнь, дабы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта. К третьей категории принадлежит множество высокопоставленных скотов или личностей, не отличающихся ни особенным умом и энергиею, но пользующихся положе-

¹ Schieder, Theodor: Das Problem der Revolution im 19. Jahrhundert, in: Ders., Staat und Gesellschaft im Wandel unserer Zeit. Studien zur Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts, München 1971, S.11–57, hier S. 42ff.

нию богатством, связями, влиянием и силою. Надо их эксплуатировать всевозможными манерами и путями...»².

В этих рассуждениях уже намечаются первые контуры будущего тоталитарного характера – создателя и создания тоталитарных режимов XX в. Такой характер ориентирован на тотальную конфронтацию. Поэтому наиболее «умные» представители правительства, воплощающие в себе «человеческое начало» существующего режима, особенно ему ненавистны. Ведь они в состоянии сделать этот несовершенный, обреченный на разрушение мир более выносимым в глазах народа. Деспотические натуры в правительственном лагере ему милее, потому что они не смягчают «искусственно» социальные и политические противоречия, а значит, приближают революционный взрыв.

Революционер, считает Нечаев, не должен испытывать никаких человеческих чувств по отношению к врагам; по сути они для него и не люди, но «скоты». Однако и по отношению к своим соратникам он не должен проявлять слабость или сочувствие, поскольку эти соратники тоже не представляют ценности сами по себе, но являются лишь «революционным капиталом»: «У каждого товарища должно быть под рукою несколько революционеров второго и третьего разрядов, то есть не совсем посвященных. На них он должен смотреть, как на часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение. Он должен экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь из него наибольшую пользу. На себя он смотрит, как на капитал, обреченный на трату для торжества революционного дела»³.

Таким образом революционный утопист – а Нечаев воплощает его в наиболее чистой форме – склоняется к тому, чтобы лишиться человеческого облика не только своих врагов, но и себя самого. Он имеет дело уже не с конкретными людьми, но с абстрактными силами, воплощениями добра и

² Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. Ред. Е.Л. Рудницкая. Археографический центр, Москва, 1997, с. 244, 246.

³ Там же, с. 245.

зла. Чувства вины или сомнения, одолевающие человеческую личность, уже не играют для него никакой роли. Революционер превращается в орудие уничтожения, из любви к будущему идеальному человечеству ведущее беспощадную борьбу на истребление с представителями существующего несовершенного мира. В духе Нечаева действовала возникшая в 1879 г. «Народная воля», важнейшей целью которой было убийство Александра Второго – пожалуй, самого либерального царя в новой русской истории. Нечаев писал: «Итак, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, и такие, внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергических деятелей, потрясти его силу». Либеральный царь был с точки зрения «Народной воли» прямо-таки создан для этой роли. Организация начала настоящую охоту на царя. Четыре покушения не удались. При пятой попытке – 1 марта 1881 г. – террористы добились, наконец, желаемого успеха. Убийство Александра Второго произошло как раз в то самое время, когда царь вместе со своим ближайшим сотрудником М.Т. Лорис-Меликовым работал над документом, в котором России было обещано некое подобие конституции. Члены «Народной воли» смотрели на цареубийство как на своего рода искупительный акт; подобные искупительные фантазии относятся, наряду с тенденцией к дегуманизации противника, к наиболее существенным чертам тоталитарного характера. Ему свойственно манихейское мышление. Он знает лишь абсолютное зло – в случае радикальной интеллигенции это было русское самодержавие – и абсолютное добро – для интеллигенции это был русский простой народ. Интеллигенция, писал в этой связи русский философ Семен Франк, верит в возможность достижения абсолютного счастья на земле путем простого механического устранения врагов обожествляемого ею народа. Вопреки своему безбожию, интеллигенция, по Франку, продолжает мыслить в религиозных категориях

– ее «бог» это народ, ее «дьявол» – царское самодержавие.⁴

Искушение, к которому стремилось радикальное крыло русской интеллигенции из лагеря «народников», распространялось, в общем и целом, только на Россию, оно было скорее партикулярным, чем универсальным. Целью народников было в первую очередь освобождение страдающего русского народа, который они хотели повести в райское, «светлое» будущее. Однако этот хилиазм русских революционеров приобрел особую взрывоопасность, когда в конце XIX – начале XX вв. он соприкоснулся с марксистским утопизмом. Важнейшим результатом этого синтеза было создание в 1903 г. большевистской партии – первой тоталитарной партии новейшей эпохи, не имевшей аналогов на Западе. Эта централизованная, строго дисциплинированная организация профессиональных революционеров принципиально отличалась от всех других партий, входивших в основанный в 1889 г. Второй Интернационал. Прототипом этой партии послужила для ее основателя, Владимира Ленина, вовсе не та партия, которая во Втором Интернационале вызывала наибольшее восхищение, именно Социал-Демократическая Партия Германии. Такая партия, как СДПГ, могла развернуть свою деятельность лишь в условиях парламентаризма. Россия же к моменту основания большевистской партии была еще самодержавной монархией без парламента и политических партий. Лишь после революции 1905 г. царизм превратился в полуконституционную монархию. Поэтому Ленин искал прообразов для организационной структуры своей партии не на Западе, а в самой России. Такой прообраз он нашел в организации «Народной воли». В качестве ортодоксального марксиста Ленин отвергал индивидуальный террор, но организационная структура «Народной воли» ему импонировала. Это была дисциплинированная и централизованная организация заговорщиков. Именно такую организацию, но действующую по марксистской программе, и хотел создать Ле-

⁴ Франк, Семен: Этика нигилизма, в: Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции, 2-е изд., Москва 1909, с.175–201.

нин: «Дайте нам организацию революционеров – и мы перевернем Россию!», писал он в 1902 г. в программной работе «Что делать?». ⁵ Через пятнадцать лет ему удалось с помощью такой партии создать первый тоталитарный режим Новейшего Времени и тем самым направить историю XX в. по новому пути.

Тоталитарный характер выкристаллизовался в конце XIX в. не только на левом, но и на правом краю политического спектра. В отличие от левых утопистов, стремившихся искусственно ускорить историческое развитие, чтобы как можно скорее достичь «светлого будущего», правые экстремисты были радикальными противниками современности. «Золотым веком» было для них не будущее, но прошлое по ту сторону индустриализации и Просвещения. Сверхчеловеческим усилием воли они хотели искусственно остановить бурное развитие стремительно меняющегося мира. Начавшийся в эпохи Просвещения процесс эмансипации, победное шествие всеобщего избирательного права, усиливающееся нивелирование сословных различий – все это они отождествляли с закатом Европы. Одной из опасностей для европейской цивилизации казалось им так называемое «восстание масс»; организованное рабочее движение они считали наиболее опасной формой этого восстания. Ради отражения этой грозящей снизу опасности некоторые из правозэкстремистских группировок, например социал-дарвинисты, готовы были пересмотреть традиционные понятия морали. Так, с их точки зрения, следовало защищать вовсе не слабых и обездоленных от сильных и привилегированных, а как раз наоборот – лучших и сильных от слабых, т.е. от массы. Сострадание к слабым социал-дарвинисты считали совершенно устаревшим требованием. Они идеализировали законы биологической природы и стремились полностью перенести господствующее в природе право сильнейшего на человеческое общество.

Поскольку цель воинствующих противников современности – возврат к доиндустриальному и допросветитель-

⁵ Ленин В.И. П.С.С. т. 6, с.127.

скому состоянию вещей – была совершенно утопической и недостижимой, то и разработанные ими методы осуществления этой цели неизбежно должны были приобрести абсурдный характер. В этом контексте может быть рассмотрена и радикализация антисемитских эмоций – эмоций, которым суждено было стать чрезвычайно важной составляющей частью этого восстания против современности. Отождествляя современность с евреями, которых среди поборников модернизации и эманципации было и в самом деле немало, антисемиты по видимости вырывались из некоего порочного круга. Бесперспективная борьба против всемогущих и анонимных сил современности превращалась в борьбу против конкретных и вполне уязвимых евреев. Подчинение или, тем более, уничтожение евреев должно было автоматически привести к восстановлению патриархальной идиллии. Так контуры холокоста наметились уже в конце XIX – начале XX в.

Один из предшественников расового антисемитизма, Хьюстон Стюарт Чемберлен, которого Йозеф Геббельс занес в галерею предков национал-социализма, восхищался непримиримостью, с которой древний Рим боролся со своими противниками-сеμίтами.

В своих «Основах XIX в.» (1899) Чемберлен издевается над теми, кто осуждает разрушение Римом Карфагена за безнравственность, и пишет: «Одно ... ясно, как солнце в полдень: если бы финикийский народ не был бы уничтожен, ... человечество никогда не имело бы этого XIX столетия, на которое мы теперь, при всем смиренном сознании наших слабостей... оглядываемся с гордостью. При ни с чем не сравнимой живучести семитов, достаточно было бы малейшего проявления милосердия – и финикийская нация бы воскресла; в полусожженном Карфагене ее огонь тлел бы под пеплом, чтобы снова вспыхнуть ярким пламенем при первых признаках намечающегося распада римской империи. ... В евреях мы видим другую и не менее опасную разновидность этого яда, разъедающего все благородное и творческое. Только слепец или лицемер откажется при-

знать, что проблема еврейства среди нас относится к сложнейшим и опаснейшим проблемам современности»⁶. Способ решения этой трудной проблемы косвенно намечается Чемберленом. Не случайно говорит он так подробно о судьбе Карфагена. Суровость Рима импонирует ему гораздо больше, чем наивное с его точки зрения великодушие современных европейцев: «Руководствуясь идеальными мотивами, индоевропеец по-дружески открыл двери – еврей ворвался в них как враг, захватил все позиции и укрепил ... в щелях и проломах нашего своеобразия флаг своей сущности, вечно чуждой нам».⁷

Подобно тому, как русские революционеры хотели построить социальный рай на земле путем устранения представителей старого порядка, антисемиты стремились к построению расового рая на земле путем устранения «расово чуждых» евреев. Чемберлен говорит в этой связи о «свято-сти чистой расы».⁸

В этой непримиримой борьбе моральные сомнения и человеческие чувства не должны были играть никакой роли. Таким образом расисты, подобно левым утопистам, дегуманизировали не только своих противников, но и себя самих.

Когда Чемберлен представил общественности свои мысли о решении еврейского вопроса, Европа, не в последнюю очередь из-за все усиливавшихся националистических эмоций и непрерывной гонки вооружений («сухой войны», по выражению Ганса Дельбрюка), представляла собой пороховую бочку. Тем не менее идеи Чемберлена, в силу их радикальности, производили на тогдашнее общество чрезвычайно странное впечатление. Не менее странным казалось сочинение председателя «Всегерманского Союза» Генриха Класа «Если бы я был кайзером», которое он опубликовал незадолго до начала Первой мировой войны. Подобно Чемберлену Клас требовал суровости при реше-

⁶ Chamberlain, Houston Stewart: Die Grundlagen des Neunzehnten Jahrhunderts, München o.J., Band 1, S.162f.

⁷ Там же, с. 382.

⁸ Там же, с. 367 и далее.

нии еврейского вопроса. Он писал: «Оздоровление нашей народной жизни возможно лишь в том случае, если еврейское влияние будет либо полностью исключено либо сведено к терпимым, неопасным размерам. ... Для достижения этого нужны следующие меры: евреи не допускаются к занятию каких бы то ни было официальных должностей. ... Они лишаются как активного, так и пассивного избирательного права. Профессии адвоката и учителя для них запрещены; также и руководство театрами. Газеты, в которых сотрудничают евреи, должны быть специально помечены. ... В качестве возмещения за охрану, которую евреи получают от государства в качестве иноплеменников, они платят двойные налоги.»⁹

Клас ясно сознавал, до какой степени его предложения должны были провоцировать тогдашнюю германскую общественность: «Я слышу и вижу, как читатель внутренне воздевает руки к небу в ужасе от холодной жестокости этих предложений – а то и смотрит на них как на порождения большой фантазии, тем более что в кругах безобидной либеральной буржуазии давно привыкли сетовать вместе с евреями на их недостаточное равноправие. ... Но на самом деле все как раз наоборот. Еще никогда за всю историю человечества великий, талантливый, трудолюбивый народ не попадал так быстро и до такой степени без сопротивления под влияние и духовное руководство другого, чуждого ему народа, с совсем иными наклонностями, как в наши дни немецкий народ попал под еврейское господство».¹⁰

Прошло около двадцати лет после того, как были написаны эти слова, отражавшие мнение маргинальной группы („lunatic fringe“, как говорят англичане), и в Германии пришел к власти режим, не просто реализовавший предложения Класа, но пошедший много-много дальше.

Николай Бердяев говорит в этой связи, что в XIX в. часто приходилось слышать сожаления о том, что утопии хоть и прекрасны, но не могут быть осуществлены; в XX же

⁹ Frymann, Daniel (i.e. Claß, Heinrich): Wenn ich der Kaiser wär - politische Wahrheiten und Notwendigkeiten, 5. erw. Auflage, Leipzig 1914, S.74, 76.

¹⁰ Там же, стр.77.

веке человечество столкнулось с совсем другим положением вещей: утопии гораздо легче осуществить, чем считалось раньше, вопрос в том, как предотвратить их осуществление.¹¹

* * *

Обстоятельства, приведшие к тому, что люди с левыми или правыми тоталитарными убеждениями смогли – сначала в России, потом в Германии – переместиться с общественно-политической периферии в центр власти, не могут здесь быть разобраны; эта тема выходит далеко за рамки данной статьи. Во второй ее части я хотел бы обратиться к проблематике тоталитарной личности в так называемой «режимной» фазе, к вопросу о том, укрепляются и развиваются ли на более зрелой стадии развития те свойства тоталитарного характера, которые сложились в период его возникновения.

Прежде всего рассмотрим столь характерную для тоталитарной личности тенденцию к дегуманизации противника, к отказу ему в человеческой сущности. Так, например, представители бывших русских высших классов были сразу же после захвата власти большевиками объявлены людьми «второго сорта». Советская конституция 1918 г. лишала их как активных, так и пассивных избирательных прав. Здесь следует вспомнить, что пятью годами ранее Генрих Клас делал аналогичные предложения по отношению к немецким евреям. Диктатура пролетариата лишает своих классовых врагов буржуазных свобод, поскольку буржуазия лишь использует эти свободы в контрреволюционных целях, утверждал один из ведущих большевистских теоретиков, Николай Бухарин, в 1918 г.¹² Представители «эксплуататорских классов» имели во время гражданской войны наихудшее материальное обеспечение и, как правило, получали продовольственные карточки самой низшей категории. Они

¹¹ Berdjaev, Nikolaj: Das Neue Mittelalter. Betrachtungen über das Schicksal Rußlands und Europas, Tübingen 1950, S.122.

¹² Bucharin, Nikolaj: Das Programm der Kommunisten (Bolschewiki), Wien 1918.

неоднократно облагались особыми налогами – «контрибуциями» (которые в октябре 1918 г., к примеру, составили в общей сложности 10 млрд рублей). В рамках трудовой повинности они должны были выполнять самые низкие работы. Существенным элементом «красного террора» во время гражданской войны было взятие «заложников» – произвольные аресты бесчисленных граждан, которые органами террора рассматривались как своего рода человеческий залог. На акты сопротивления ему режим нередко отвечал массовыми расстрелами таких заложников. В категорию заложников, которые в таких случаях уничтожались в первую очередь, входили представители бывших имущих классов.¹³

Судьба лишившегося власти русского высшего слоя напоминает на первый взгляд судьбу евреев в Третьем Рейхе. И в том и в другом случае имеет место постоянная радикализация преследований – лишение прав и достоинства, выделение в особую категорию, наконец физическое уничтожение. Тем не менее, между этими двумя типами преследований есть существенное различие. Конечной целью национал-социалистов, особенно после начала германо-советской войны, был тотальный геноцид, полное уничтожение евреев независимо от их возраста, пола, религиозной принадлежности или профессии. Поход большевиков против буржуазно-дворянских слоев России носил иной характер. Большевики пытались расколоть своих «классовых врагов». Часть из них была уничтожена, другие же привлечены к выполнению задач режима. Сотни тысяч «буржуазных» специалистов работали в советских учреждениях и предприятиях. Красная армия была бы не дееспособна без бывших офицеров царской армии. Количество таких офицеров в рядах Красной армии составляло в 1919 г. 35 000, а в 1920 – уже 48 000.¹⁴ Даже оба первых главнокомандующих

¹³ Pipes, Richard: Die russische Revolution, Band 2, Berlin 1992, S. 805–809; Volkogonov, Dmitrij: Lenin, Berlin 1994, S. 257ff.

¹⁴ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. Под ред. С.С. Хромова и др. Москва 1983, с.106. Altrichter, Helmut: Staat und Revolution in Sowjetrussland 1917–1922/23, Darmstadt 1981, S.183.

Красной армии – Иоахим Вацетис и Сергей Каменев – принадлежали в царское время к высшему офицерству. Не следует забывать, что многие большевистские лидеры были буржуазного или дворянского происхождения – не в последнюю очередь сам Ленин. Таким образом политика большевиков по отношению к «классовым врагам» носила более дифференцированный характер, чем политика национал-социалистов по отношению к евреям. Авторы, склоняющиеся к отождествлению большевизма и национал-социализма, оставляют этот факт без внимания.

Большевики были убеждены, что им удастся мгновенно установить общественный порядок, основанный на идеалах равенства, справедливости и братства; возможно это было, по их мнению, потому, что они якобы представляли интересы подавляющего большинства человечества, т.е. интересы «эксплуатируемых классов». Изоляция «эксплуататоров», лишение их прав и собственности казалось им достаточной предпосылкой для установления социального рая на земле. По сути дела они мыслили так же, как в свое время мыслили заговорщики из организации «Народная воля», исходившие из того, что убийство царя – этого символа старого порядка – автоматически преобразит всю страну. Разница между большевиками и народовольцами заключалась в том, что большевики в отличие от своих предшественников располагали якобы «научной» программой преобразования общества, т.е. марксизмом. Кроме того, в противоположность «Народной воле» они опирались не на крошечную организацию заговорщиков, но на гигантский аппарат тоталитарного государства. Поэтому их политические действия, включая террор, приняли систематический характер. Однако при всех различиях их вера в то, что «добро» автоматически восторжествует после удаления «зла», напоминает аналогичную веру народников до неотличимости. Троцкий в своих воспоминаниях рассказывает, что Ленин в первое время после прихода большевиков к власти неоднократно заявлял: «Через полгода у нас будет социализм, и мы станем сильнейшим государством на зем-

ле». ¹⁵ Так большевики сделали жертвой своего собственного утопизма. Семен Франк называет утопизм классической ересью, попыткой спасти мир одной лишь человеческой волей. Так как утопист действует вопреки структуре творения и вопреки человеческой природе, то его действия, по Франку, заранее обречены на неудачу. Таким образом он объявляет войну как творению, так и человеческой природе и превращается из якобы спасителя в злейшего врага человеческого рода. ¹⁶

Поскольку строптивая действительность сопротивлялась радикальным попыткам преобразования, предпринимаемым большевиками, то эти последние провозглашали врагами рабочего класса все новые социальные группы и ставили под сомнение их право на принадлежность к человечеству. Наряду с представителями бывших верхних слоев общества к этой категории были теперь отнесены и «кулаки». В августе 1918 г. Ленин писал: «Кулаки – самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры ... Эти кровопийцы нажились на народной нужде ... Эти пауки жирели на счет разоренных войною крестьян, на счет голодных рабочих ... Эти пиявки пили кровь трудящихся ... Эти вампиры подбирали и подбирают себе помещичьи земли ... Беспощадная война против этих кулаков! Смерть им!» ¹⁷.

Расширяясь, сфера имущих слоев общества, объявляемых враждебными, начала распространяться на так наз. «мелких владельцев», т.е. на подавляющее большинство российского крестьянства, составлявшее примерно 80% населения. В апреле 1918 г. Ленин обвинил их в безудержном эгоизме и назвал их решительными врагами пролетариата: «Их орудие – подрыв всего того, что пролетариат декретирует и стремится осуществить в деле устройства организованного социалистического хозяйства. Здесь мелкобуржуазная стихия – стихия мелких собственников и раз-

¹⁵ Trockij, Lev: Über Lenin. Material für einen Biographen, Frankfurt/Main 1964, S.106.

¹⁶ Франк, Семен: Ересь утопизма, в: Франк, Семен: По ту сторону правого и левого. Сборник статей. Париж 1972, с. 83–106.

¹⁷ Ленин, ПСС, т. 37, с. 40–41.

нужданного эгоизма – выступает решительным врагом пролетариата»¹⁸.

А как обстояло дело с самой партией, которая насильственно оборвала мощный процесс эмансипации, продолжавшийся в России со времени реформ Александра Второго вплоть до Октябрьской революции, и лишила поработанное ею общество всякой самостоятельности? Большевики были необыкновенно уверены в себе и чрезвычайно горды тем, что совершили величайшую, как они полагали, революцию в истории человечества. Первые полтора десятилетия после Октябрьской революции большевистская партия вела себя как всемогущий демиург, способный в кратчайшее время создать никогда прежде не существовавший общественный порядок и нового человека. Однако в унифицированном обществе столь самонадеянная партия оказывалась чужеродным телом. В 1936–1938 гг. – в эпоху Большого террора – это чужеродное тело было интегрировано в общий социальный организм и превращено в послушное орудие в руках власти. Процесс дегуманизации, который они начали в 1917 г. по отношению к своим противникам, был таким образом распространен на самих большевиков. Во время показательных процессов 1936–1938 гг. генеральный прокурор СССР Вышинский называл в своих речах многих из ближайших соратников Ленина, создателей советского государства, «цепными псами капитализма», «змеиным отродьем», которое «должно быть растоптано».¹⁹

На пленуме ЦК в марте 1937 г. один из ближайших приспешников Сталина, Микоян, охарактеризовал некоторых представителей так наз. «ленинской гвардии» и своих бывших товарищей следующим образом: «Троцкий, Зиновьев и Бухарин ... создали новый тип людей, извергов, а не людей, зверей, которые выступают открыто за линию

¹⁸ Ленин, ПСС, т. 36, с. 245–246.

¹⁹ Lieber, Hans-Joachim/Ruffmann, Karl-Heinz, Hrsg.: Der Sowjetkommunismus. Dokumente, Band 1–2, Köln-Berlin 1963, hier Band 1, S. 381.

партии, ... а на деле ведут беспринципную подрывную работу против партии»²⁰.

После такой аргументации все психологические барьеры в борьбе Сталинской клики с внутривнутрипартийными противниками были сняты, законы неписаного «большевистского кодекса чести», запрещавшего физическое уничтожение внутривнутрипартийных конкурентов, утратили силу.

Партийные оппозиционеры, с которыми боролись сталинисты, в прошлом сами нередко утверждали, что кулаки или представители бывших верхних слоев общества – это звери, а не люди. Теперь им пришлось на собственном опыте познать реальные последствия такого рода стилистических упражнений. За былые дерзания пришлось расплачиваться.

Как и большевики, национал-социалисты стремились создать нового человека, свободного от моральных запретов, привитых иудео-христианской этикой. Как и большевики, они отрицали право своих противников на принадлежность к человечеству. С одним отличием. Поскольку враги национал-социализма провозглашались таковыми в первую очередь по биологическим признакам, в Третьем Рейхе, в отличие от большевистского государства, «неправильное происхождение» нельзя было искупить «правильным мировоззрением». Переход из одного лагеря в другой был невозможен. Евреи, считавшиеся самыми закоренелыми врагами арийской расы, должны были быть полностью «изолированы», а после начала германо-советской войны, точнее после Ванзейской конференции, подлежали тотальному уничтожению. Этой цели служили в первую очередь созданные на территории Польши лагеря уничтожения: Треблинка, Собибор, Бельжец, Хелмно и, прежде всего, Аушвиц-Биркенау. Как справедливо отмечают польские историки Ян Гумковский и Казимир Лещинский, само слово «лагерь» может в данном случае ввести в заблуждение. Узников, как правило, убивали там уже через несколько ча-

²⁰ Вопросы истории, 4–5, 1992, с. 21.

сов по их прибытии.²¹ Такого рода фабрики смерти были неизвестны в советском «архипелаге ГУЛАГ», в котором людей, как правило, убивал рабский труд. Поэтому понятия Аушвиц-Биркенау и Трешлинка и стали символами исключительности национал-социалистической системы террора. Относительно бесперебойное функционирование этого механизма уничтожения было возможно не в последнюю очередь потому, что исполнители, как правило, до глубины души проникались национал-социалистической догмой, по которой евреи – это не люди. «Бесчисленные заболевания имеют своей причиной одну бациллу – еврея!», – провозглашал Гитлер в одном из своих монологов – и делал отсюда вывод: «Мы выздоровеем, когда элиминируем еврея».²² В марте 1943 г. ответственный за статистику инспектор при рейхсфюрере СС, Рихард Корхерр, составил отчет по «окончательному решению еврейского вопроса». Язык, которым написан этот отчет, вряд ли нуждается в комментариях. Корхерр пишет: «В Европе евреи скучиваются (*häufen sich*), или скучивались, прежде всего в занятых Германией бывших польско-русских ... областях. Уменьшение еврейства в Европе составляет по-видимому ... уже около 4 млн голов (*Köpfe*). Большое поголовье (*Bestände*) евреев наблюдается на европейском континенте, помимо России, ... теперь уже только в Венгрии и Румынии ..., может быть, еще и во Франции».²³

Однако одной дегуманизации евреев было недостаточно, чтобы заглушить в соучастниках преступления неосознанное и не признаваемое ими чувство вины. Для этого нужны были и хилиастические видения. Эрих Гольдхаген (которого не следует путать с его сыном Даниелем, автором известной книги «Гитлер и его услужливые исполнители») пишет по этому поводу: «Исполнители особенно скло-

²¹ Gumkowski, Janusz/Leszczynski, Kazimierz: *Okupacja hitlerowska w Polsce*, Warschau 1961, S. 69.

²² Adolf Hitler. *Monologe im Führerhauptquartier 1941–1944*, hrsg. von Jochmann, Werner, München 2000, S. 293.

²³ Цит. по Berenstein, Tatjana/Rutkowski, Adam: *Hitlerowskie sprawozdanie statystyczne o zagładzie Żydów w Europie*, in: *Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego*, Nr.49, Warschau 1964.

нялись к хилиастическим мечтаниям сразу после какой-нибудь резни. Изнеможденные убийцы, постоянно преследуемые несознаваемым чувством вины. Убеждение в том, что убийство евреев – это искупительный акт, было одной из существеннейших форм психологической поддержки, бальзамом для их совести.»²⁴

Национал-социалистический террор, как и большевистский, не мог, конечно, ограничиться только одной какой-то группой жертв. Все новые и новые группы людей зачислялись в категорию «недочеловеков»: психически больные, польская интеллигенция, пленные красноармейцы. В издаваемых отделом пропаганды вермахта «Сообщениях для войск» можно было в июне 1941 г. прочесть следующее: «Что такое большевики, знает всякий, кто хоть однажды заглянул в лицо кому-нибудь из красных комиссаров. ... Назвать черты этих живодеров, по большей части еврейского происхождения, зверскими, было бы оскорблением для зверей. Это воплощение inferнального, персонификация безумной ненависти ко всему благородному в человеке. В образе этих комиссаров мы видим восстание недочеловеков против благородной крови.»²⁵

Однако эта война на уничтожение, направляемая руководством Третьего Рейха вовне, с течением времени неизбежно должна была обратиться вовнутрь. Одной из ее последних жертв незадолго до конца войны стали сами немцы, ранее провозглашенные Гитлером «народом господ». Поскольку Гитлер видел в себе самом высшее свершение немецкой истории, он стремился к тому, чтобы с его смертью закончилась и эта история. 19 марта 1945 г. в беседе с министром оборонной промышленности Шпеером он заявлял: «Если война будет проиграна, пропадет и немецкий народ. Нет никакой необходимости заботиться о материальной базе, которая может понадобиться немецкому на-

²⁴ Goldhagen, Erich: Weltanschauung und Endlösung. Zum Antisemitismus der nationalsozialistischen Führungsschicht, in: Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1976, S. 379–403, hier S. 402.

²⁵ Boog, Horst/Förster, Jürgen/Hoffmann, Joachim/Klink, Ernst/Müller, Rolf-Dieter/UEberschär, Gerd R.: Der Angriff auf die Sowjetunion, Frankfurt/M. 1996, S. 528.

роду для его примитивного существования в будущем. Напротив, лучше самим разрушить все это. Потому что народ оказался слабейшим, и будущее принадлежит исключительно более сильному восточному народу. После теперешней битвы все равно останутся одни неполноценные индивиды, достойные пали в ней.»²⁶

В завещании Гитлера от 29 апреля 1945 г. нет ни намека на раскаяние: «Настоящий виновник этой убийственной борьбы – еврейство!», пишет он за день до самоубийства. После чего он возлагает на вождей нации обязательство «строго соблюдать расовые законы и оказывать немилосердное сопротивление отравителю всех народов, интернациональному еврейству»²⁷.

Эта беспримерная уверенность в своей правоте и неспособность к раскаянию свойственна была, однако, не только самому Гитлеру, но и многим из тех, кто слепо в него верил, причем не только до, но и после конца войны. В недавно разобранных магнитофонных записях бесед, которые Адольф Эйхманн вел в аргентинском изгнании с одним из своих единомышленников, есть и такие утверждения этого специалиста по окончательному решению еврейского вопроса: «Если бы мы убили все 10 млн евреев, указанных в первоначальной статистике Гимmlера», тогда он, Эйхманн, мог бы сказать: «Хорошо, мы уничтожили врага. ... Я ни в чем не раскаиваюсь. И никоим образом не собираюсь молить о прощении»²⁸.

Так же и бывший глава советского правительства Молотов, вместе со Сталиным подписавший сотни «растрельных списков», повинный, вместе с другими вождями, в гибели бесчисленных людей, не видит никаких причин приносить покаяние. В беседе с писателем Феликсом Чуевым в начале 70-х г. он в частности говорит: «1937 г. был

²⁶ Цит. по Thamer, Hans-Ulrich: *Verführung und Gewalt. Deutschland 1933–1945*, Berlin 1986, S. 760.

²⁷ Цит. по Goldhagen, Daniel Jonah: *Hitlers willige Vollstrecker. Gewöhnliche Deutsche und der Holocaust*, Berlin 1996, S. 197.

²⁸ *Frankfurter Allgemeine Zeitung* 1.12.2000, S.

необходим... Мы обязаны 1937 г. тем, что у нас во время войны не было пятой колонны.»²⁹

Молотов решительнейшим образом возражает против утверждения, что большинство жертв террора были невиновны. Нет, заявляет этот ближайший помощник Сталина, террор был в основном направлен против тех, кто был действительно виноват.³⁰

* * *

Когда мы сегодня читаем такого рода невероятные заявления, мы невольно склоняемся к представлению о тоталитарной личности как о существе с другой планеты, не имеющем ничего общего с европейскими традициями. Однако на самом деле тоталитарный человек – это европейский феномен, точнее – продукт одного из глубочайших кризисов ценностей европейской культуры, который достиг своего апогея в первой половине XX века. Кроме того, успехи тоталитарных движений были следствием своего рода предательства, совершенного европейскими элитами по отношению к тем ценностям, которые в течение столетий формировали европейскую культуру. Французский писатель Жюльен Бенда говорит в этой связи о «предательстве интеллектуалов». Эта формула представляется мне слишком узкой. Не одни лишь интеллектуалы оказались несостоятельны пред лицом тоталитарных движений левого и правого толка, но и другие столпы европейской культуры, или европейской системы, как то: политические партии, экономические и корпоративные союзы, большая часть церковных организаций. Биограф Гитлера Конрад Хайден говорит в связи с захватом власти национал-социалистами об эпохе безответственности, о бегстве германского политического класса от ответственности.³¹ Подобный упрек можно адресовать и политическому классу России в связи с большевистским захватом власти. Впрочем, одного лишь бегства

²⁹ Чуев, Феликс: Сто сорок бесед с Молотовым, Москва 1991, с. 390.

³⁰ Там же, с. 393.

³¹ Heiden, Konrad: Adolf Hitler. Das Zeitalter der Verantwortungslosigkeit, Zürich 1936.

старых элит от ответственности было бы недостаточно для объяснения триумфального шествия тоталитаризма. Необходима была еще и частичная идентификация этих элит с целями тоталитарных движений правого или левого толка. Характернейшим примером такого рода является политика старых и новых консервативных группировок Веймарской республики, которые, при всем их скепсисе по отношению к плебейской НСДАП, все-таки считали национал-социалистов своими единомышленниками, неотделимой составной частью национального фронта. Отвращение к Веймарской демократии, казавшейся правым группировкам воплощением национального позора и политического бессилия, служило тем общим знаменателем, который объединял все группировки национального лагеря. Политолог Ханс Буххайм пишет в этой связи: «Национальная гордость, не желавшая ... признавать поражение, но до поры до времени бессильная сделать что-нибудь бывшим противникам в мировой войне, обратилась против собственного государства, как если бы его устранение было условием и первым шагом на пути к новому подъему»³².

Тотальное отвержение правыми силами Веймарской эпохи самого свободного за всю предшествующую немецкую историю государства напоминает демонизацию либерального режима Александра Второго русскими революционерами полстолетием раньше. Мы снова сталкиваемся здесь с одним из центральных свойств тоталитарного характера – с полностью неадекватным поведением, потерей чувства реальности, созданием призрачной псевдодействительности, в которой действительное положение вещей буквально переворачивается с ног на голову.

Некоторые консервативные группировки, весьма и весьма поспособствовавшие уничтожению «слабой» Веймарской республики и созданию «сильного» национал-социалистического государства, вскоре после прихода национал-социалистов к власти начали менять свою позицию. Они отвернулись от ими самими вызванных духов; как пи-

³² Buchheim, Hans: Das Dritte Reich. Grundlagen und politische Entwicklung, München 1958, S. 54.

шет философ Хельмут Кун: «Покуда дух развивал свои мысли, не считаясь с действительностью, действительность досталась адским силам»³³.

Несмотря на растущий скепсис по отношению к новому режиму, большинство консерваторов все-таки приветствовало устранение Веймарской демократии и освобождение Германии от рестрикций Версальского договора как огромное достижение Гитлера. Ради этого они были готовы смириться с заключениями инакомыслящих в концентрационные лагеря, с убийством во время «путча Рема» многих представителей консервативного сословия, с провозглашением евреев людьми второго сорта. Военный историк Манфред Мессершмидт говорит в этой связи о «частичном совпадении целей», в немалой степени способствовавшем стабилизации национал-социалистического господства.³⁴ При этом отмечаемое Мессершмидтом частичное совпадение не ограничивалось областью политики. Многие представители консервативных элит взяли на вооружение даже и некоторые идеологические постулаты НСДАП, переняли гитлеровскую лексику. Ограничимся одним примером из многих. Так, командующий 6-ой армией генерал-фельдмаршал фон Райхенау через несколько месяцев после начала германо-советской войны высказывался следующим образом: «Солдат на Востоке – это не просто боец, сражающийся по правилам военного искусства, но также и носитель неумолимой национальной идеи, мститель за все те зверства, которым подверглись немцы и родственные им народы. Поэтому солдат должен хорошо понимать необходимость сурового, но справедливого возмездия, постигающего евреев-недочеловеков».³⁵

Однако не только национал-социалистам, но и большевикам пошло на пользу предательство элит, прежде всего интеллектуалов, которые частично отождествляли себя с

³³ Kuhn, Helmut: Das geistige Gesicht der Weimarer Zeit, in: Zeitschrift für Politik, 8, 1961, S.1–10, hier S. 4.

³⁴ Messerschmidt, Manfred: Die Wehrmacht im NS-Staat, in: Bracher, Karl-Dietrich/Funke, Manfred/Jacobsen, Klaus-Adolf: Deutschland 1933–1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft, Düsseldorf 1992, S. 377–403.

³⁵ Boog u.a., Der Angriff auf die Sowjetunion, S.1246.

целями большевиков, несмотря на те террористические методы, которыми эти цели осуществлялись. Польский поэт Александр Ват, в 20–30-х гг. сочувствовавший коммунизму, очень ярко рисует этот феномен. В беседе со своим коллегой Чеславом Милошем он так характеризует свои тогдашние настроения: «Я скорее боюсь крови. Но знаешь, это же абстрактная кровь, невидимая кровь, кровь по другую сторону стены – вот как Паскаль говорит об этой стороне реки. Кровь, которую проливают там, на другом берегу реки, – каким же чистым и великим должно быть дело, за которое проливают так много крови, безвинной крови. Это было необыкновенно притягательно. Эта высочайшая цена революции... Я поддерживаю коммунизм, хоть и знаю, что коммунизм имеет серьезные последствия. Но на мне греха нет, ведь Ленин, мой спаситель, взял на себя мой грех»³⁶.

Даже коллективизация сельского хозяйства, проведенная Сталиным жесточайшими методами, и как ее следствие голод, унесший много миллионов жизней, не смогли поколебать тенденцию бесчисленных левых интеллектуалов к частичной самоидентификации с советским режимом. Артур Розенберг, в 1927 г. вынужденный выйти из КПГ из-за своих оппозиционных взглядов, писал в 1933 г.: «Когда ГПУ начало свои действия против кулаков, многие середняки полагали, что начнется преследование всего русского сельского населения. Однако Сталин и советское правительство никогда даже и в помыслах не имели идти войной против большинства русских крестьян.» Розенберг добавляет: «Снабжение продуктами питания ухудшилось. Но прямого голода нет»³⁷.

Можно ли заключить из такого рода высказываний, что Розенберг не имел доступа к информации о действительном положении вещей в тогдашнем Советском Союзе? Вряд ли. Западные и русские социал-демократы, к примеру, часто сообщали об ужасах коллективизации. Можно с уве-

³⁶ Wat, Aleksander: *Jenseits von Wahrheit und Lüge*, Frankfurt/M. 2000, S. 75f.

³⁷ Rosenberg, Arthur: *Geschichte des Bolschewismus*, Frankfurt/M. 1987, S. 243.

ренностью предположить, что хотя бы часть этих сообщений была известна автору, одному из лучших знатоков рабочего движения. То, что он эти факты принимал к сведению лишь выборочно, говорит об идеологической ограниченности и узколобости, свойственной его анализу советской действительности.

Таким образом тоталитарным режимам шло на пользу то обстоятельство, что многие круги, отнюдь не безоговорочно солидаризировавшиеся с этими режимами, упорно продолжали мыслить по схеме «левое – правое», и рассматривали тоталитарные группировки, вопреки всем их преступлениям, как своих единомышленников, как неотъемлемую часть революционного или же, наоборот, национального лагеря. Чтобы вырваться из этой схемы, особенно в 30–40-е гг., когда конфликт между правым и левым тоталитаризмом достиг своего апогея, требовалась огромная сила самопреодоления. Лишь немногие были в ту пору способны на это. К этим немногим принадлежал Манес Шпербер, в 1937 г. – во время московских показательных процессов – отошедший от коммунизма. Он рассказывает о мучительных сомнениях, сопровождавших этот отход: «Из революции уходят через одну-единственную дверь – дверь, которая раскрывается в Ничто»³⁸. Эта мучительная внутренняя борьба была не в последнюю очередь связана с тем, что любая критика генеральной линии партии воспринималась тогда изнутри коммунистического движения как косвенная поддержка фашизма. Как пишет Шпербер, сталинские пропагандисты провозгласили: «Тот, кто осмеливается критиковать коллективизацию, подавление оппозиции, ... московские процессы, тот выступает тем самым за Гитлера и против его жертв в Дахау, Ораниенбурге и Бухенвальде»³⁹.

Перед аналогичной дилеммой стояли бывшие союзники Гитлера, когда они поняли, что НСДАП не обновляет, а разрушает страну. Многие ушли тогда во внутреннюю эмиграцию, и лишь немногие решились публично заявить о сво-

³⁸ Sperber, Manés, *Zur Analyse der Tyrannis*, Wien 1977, S.15.

³⁹ там же, с.12.

ем уходе из «национального коллектива». К этим немногим принадлежал Герман Раушнинг, который вскоре после вступления германских войск в Австрию, т.е. в период беспримерных внешнеполитических успехов Гитлера, настойчиво предупреждал своих соотечественников от продолжения начавшегося в 1933 г. беснования.⁴⁰

Пример Шпербера и Раушнинга показывает, что люди с тоталитарными убеждениями все-таки имеют шанс вырваться из тоталитарного тупика. Однако это возможно лишь в том случае, если они обладают достаточно тонким слухом, чтобы слышать голос совести, который тоталитарная идеология пытается заглушить. Потому что совесть «старого», сформированного иудео-христианской этикой человека – вот главнейший противник тоталитаризма. На этом-то препятствии и споткнулись в конце концов тоталитарные режимы, еще примерно шестьдесят лет назад выдававшие себя за исторических победителей. XX в., начавшийся беспримерным триумфальным шествием тоталитаризма в Европе, закончился его крушением. Но опыт тоталитаризма радикально изменил политический климат старого континента. Этот опыт показал, что падение в варварство возможно с любой высоты, что никакая нация не застрахована от него. Ведь и в тех странах, где тоталитарные партии не пришли к власти, имелись и до сих пор имеются многочисленные адепты тоталитарных идеологий. Люди с тоталитарными склонностями есть в любом обществе. Но для того, чтобы они переместились с периферии в центр власти, необходимы особенные исторические обстоятельства, как в России в 1917 и в Германии в 1933 г. Эти обстоятельства можно охарактеризовать как беспримерный внутренний развал демократической государственности. Потому что и первая русская, и первая немецкая демократия рухнули не из-за силы своих тоталитарных противников, но из-за слабости своей собственной воли. Пред лицом готовых к решительной борьбе противников у тоталитарных сил нет абсолютно никаких шансов. Наоборот,

⁴⁰ Rauschning, Hermann: Die Revolution des Nihilismus, Zürich 1964.

пред лицом слабости они проявляют исключительную жестокость. Рыцарское отношение, благородство по отношению к побежденным им совершенно чужды. Величайшие преступления как большевиков, так и национал-социалистов были совершены по отношению к незащищенным людям. Опыт показывает, таким образом, что только обороноспособная демократия может противостоять тоталитарным врагам открытого общества.

*Перевод с немецкого Алексея Рыбакова
Опубл. в «Вестнике Европы», 3, 2001*

2.2. КОМИНТЕРН И ПРАВЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В ГЕРМАНИИ В 1923 ГОДУ.

2.2.1. Значение Германии в политике Советской России и Коминтерна

Вплоть до захвата власти национал-социалистами Германия была для большевиков важнейшим участком на революционном фронте. Если бы в Германии возникла «диктатура пролетариата», то объединенных сил советской Германии и советской России было бы достаточно, по мнению ведущих большевистских идеологов, чтобы победить «капиталистический» мир.⁴¹ Отношение большевиков к Германии было окрашено исключительно сильными эмоциями, которые отсутствовали в отношении к любой другой стране. Творец марксизма родился в Германии, классические марксистские труды были изданы на немецком языке, здесь было самое сильное в мире и самое организованное рабочее движение, наконец, Германия была крупнейшей индустриальной страной Европы. Когда большевики гово-

⁴¹ В апреле 1918 г. Ленин писал: «Победоносная пролетарская революция в Германии сразу, с громадной легкостью, разбила бы всяческую скорлупу империализма (сделанную, к сожалению из лучшей стали...), осуществила бы победу мирового социализма наверняка, без трудностей или с ничтожными трудностями ...» (В.И. Ленин, Полное Собрание Сочинений (ПСС), Москва 1958–1965, т. 36, с. 300–301).

рили об электрификации, индустриализации и «цивилизации» России, они в первую очередь подразумевали Германию.⁴² Особый оттенок в отношении к ней привносился большевистскими вождями еврейского происхождения. Многие еврейские интеллектуалы Восточной Европы рассматривали немецкую культуру как высшую форму европейской культуры и отождествляли себя с ней в большей степени, нежели с культурами тех стран, откуда были родом. В Восточной Европе они пропагандировали немецкие культурные ценности поистине с миссионерским рвением.

Пристальное внимание большевиков к Германии связано было также с тем, что непосредственное воздействие большевизма на немецкое общество было значительно большим, чем на ход событий в других европейских странах. Коммунистическая партия Германии после объединения с левым крылом Независимой социалистической партии в конце 1920 г. стала массовой партией со значительным политическим влиянием. Большинство членов КПГ в 1920–1923 гг., как правило, прислушивалось к приказам, идущим из Москвы, иногда даже в противовес собственным убеждениям.

Таким образом, русские большевики смогли оказать немалое воздействие на внутреннюю политику Германии. Но они нашли средство влиять и на внешнюю политику этой страны.

Находясь под давлением победителей – стран Антанты – Германия нуждалась в России как в противовесе. Стесненное положение, в котором Германия оказалась после Версаля, отнюдь не было помехой для большевиков. Они рассматривали конфликт между Германией и силами победителей как некую константу европейской политики.⁴³ При выработке своей внешнеполитической тактики в первые годы после Мировой войны большевики исходили из того, что примирение Германии и Запада немислимо. На этом основывались их далеко идущие внешнеполитические амбиции. Излюбленной концепцией Ленина, которой он сле-

⁴² См. Ленин, ПСС, т. 36, с. 82

⁴³ E. H. Carr, *The Bolshevik Revolution*, Band 3, S. 305–311.

довал в продолжение всего своего руководства страной, было сотрудничество высокоразвитой индустриальной Германии и богатой природными ресурсами, но экономически недостаточно развитой России.⁴⁴ Когда после поражения немецких коммунистов в марте 1921 г. стало ясно, что ожидать победы революции здесь пока что не приходится, Ленин еще настойчивей стал добиваться союза с «буржуазной» Германией. Он был убежден в том, что объективные обстоятельства принудят немецких «капиталистов» к этому союзу. Такая кооперация, по его мысли, способствовала бы достижению независимости обоих государств.⁴⁵ Вождь русской революции исходил из кажущейся слабости обеих стран и недостаточно принимал во внимание то, что такое состояние может быстро измениться. Он упустил из виду тот факт, что еще недавно Германия была достаточно сильна, чтобы вести войну против чуть ли не всех крупнейших держав мира; лишь четырехлетняя борьба сломала ее.

Правда, Ленин недооценивал не только политический и военный потенциал Германии, но и хозяйственные возможности собственной страны. На рубеже веков Россия переживала стремительную индустриализацию – не в последнюю очередь в результате мероприятий министра финансов Сергея Витте. Тогда многие наблюдатели ожидали, что Россия очень скоро станет одной из сильнейших индустриальных стран мира.⁴⁶ Потенциальная мощь России была одной из причин – как убедительно показал в своем исследовании немецкий историк Фриц Фишер, – заставивших политическое и военное руководство империи Вильгельма планировать превентивную войну.⁴⁷ Эта мысль играла не последнюю роль в развязывании первой Мировой войны.

В противоположность многим другим политикам и ученым, Ленин недооценил потенциал России. Хотя он мечтал об электрификации и индустриализации страны, но думал,

⁴⁴ Cp. R. Abramovitch, *Die Sowjetrevolution*, S. 227 ff.; D. Geyer, *Sowjetrußland und die Deutsche Arbeiterbewegung*, S. 5–9.

⁴⁵ Ленин, ПСС, т. 42, с. 68 и посл. и с.105 и посл.

⁴⁶ См. Parvus, *Der Klassenkampf des Proletariats*, Berlin 1911, S. 48.

⁴⁷ Fritz Fischer, *Griff nach der Weltmacht. Die Kriegspolitik der kaiserlichen Deutschland 1914–1918*, Düsseldorf 1961.

что «чудовищная отсталость» оттянет решение этой задачи на многие десятилетия.⁴⁸ Военное и хозяйственное превосходство стран-победителей было в глазах Ленина столь неоспоримым, что для выживания и Германии, и России ему казалось необходимым объединить силы обеих стран, чтобы хоть как-то защититься от этого превосходства. Поэтому он рассматривал Рапалльский договор как один из триумфов своей внешней политики. Договор должен был стать основой будущей внешней политики Советской России.⁴⁹

Между тем, Рапалльский договор привел в смятение Коммунистическую партию Германии. Бывший член руководства КПГ Рут Фишер сообщает, что многие немецкие коммунисты не приняли союз советского руководства с немецкой «контрреволюцией».⁵⁰ Троцкий попытался успокоить КПГ и заявил, что Рапалло означает не союз, а лишь начало нормализации отношений Советской России с «капиталистическими» государствами.⁵¹ Однако это утверждение Троцкого было ослаблено высказываниями Бухарина и Радека на IV конгрессе Коминтерна в конце 1922 г. Бухарин заявил, что советское руководство имеет право заключить союз с буржуазией определенной страны, чтобы уничтожить буржуазию другой страны. Это вопрос исключительно тактической и стратегической необходимости. Коммунисты же других стран обязаны поддержать такой блок.⁵²

Еще определеннее высказался Радек. В декабре 1922 г. он сказал, что западная политика подавления Германии имеет также своей целью уничтожение России как мировой державы. Независимо от того, какой режим будет в Германии, Россия нуждается в ее технологической поддержке и немецком противовесе могуществу Антанты – без этого Россия не сможет остаться мощным государством.⁵³

⁴⁸ Ленин, ПСС, т. 42, с. 110–117, т. 43, с. 68 и посл.

⁴⁹ Ленин, ПСС, т. 45, с. 183

⁵⁰ R. Fischer, Stalin und der Deutsche Kommunismus, S. 235.

⁵¹ См. W. Angress, The Communist Bid for Power, S. 236.

⁵² Protokoll des 4 Kongresses der Komintern, S. 420.

⁵³ Radek, Die Liquidation des Versailler Friedens. Bericht an den 4 Kongreß der Kommunistischen Internationale, Hamburg 1922, S. 22.

Таким образом, борьба немецких коммунистов против собственного «буржуазного» правительства весьма осложнилась из-за того, что это правительство оказалось в союзе с Советской Россией. К своему ужасу немецкие коммунисты узнали, что сотрудничество между Веймарской республикой и Советской Россией охватывает не только хозяйственную и политическую, но и военную область. Тот самый рейхсвер, который стрелял в немецких рабочих, получил в Советском Союзе возможность производить запрещенное Версальским договором оружие и вооружать им своих солдат.⁵⁴

2.2.2. Реакция советского руководства на оккупацию Рура

Оккупация Рурской области французскими и бельгийскими войсками в начале января 1923 г. подтвердила тезис большевистских вождей о том, что Германия находится в глубокой депрессии и постепенно превращается в колонию Антанты. В одной из своих последних статей опубликованной 2 марта 1923 г., Ленин писал: «Все капиталистические державы так называемого Запада клюют (Германию) и не дают ей подняться».⁵⁵ Оккупация Рура чрезвычайно взволновала советское руководство. Как писал ведущий советский публицист Стеклов 21 января того же года, беспомощность Германии может оказаться очень опасной для СССР. Теперь Франция может попытаться вместе с Польшей и Румынией напасть на Россию.⁵⁶ В феврале Чичерин заявил, что Советский Союз отвергает оккупацию Рура: она нарушает процесс нормализации в Европе, служащий со-

⁵⁴ См. E. H. Carr, *German-Soviet Relations between the two World Wars 1919–1939*, Baltimore 1951; G. Freund, *Unholy Alliance. Russian-German Relations from the Treaty of Brest-Litovsk to the Treaty of Berlin*, London, 1957; L. Kochan, *Russia and the Weimar Republic*, Cambridge 1954; G. Hilger, *Wir und der Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918–1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten*, Frankfurt/Main 1955.

⁵⁵ Ленин, ПСС, т. 45, с. 403.

⁵⁶ X. Eudin und H. Fischer, *Soviet Russia and the West*, S. 200 f.

ветским интересам.⁵⁷ Но оккупация Рура вызвала у московских руководителей не только негативную реакцию. Более или менее осторожно высказывалось мнение, что обострение немецко-французского конфликта будет содействовать оживлению революционного движения в Европе, которое уже к весне 1921 г. явно начало затухать.

В этом смысле высказался Бухарин на XII съезде РКП(б) в марте 1923 г.⁵⁸ За несколько недель до этого Бухарин выразил ироническую благодарность французскому премьер-министру за то, что оккупацией Рурской области он вновь поколебал международную стабильность, которая только было установилась в Европе. Коммунисты приветствуют такой поворот событий, потому что стабилизация «капиталистической» системы была для них небезопасной, утверждал Бухарин. В период стабильности «пролетариат» удовлетворяется несущественным улучшением своих жизненных условий, становится жертвой реформистских иллюзий. В период же потрясений рабочие становятся более восприимчивыми к коммунистическим идеям.⁵⁹ Столь противоречивые суждения иллюстрируют внутреннюю противоречивость позиции большевиков и Коминтерна по германскому вопросу. Коммунистам хотелось бы, чтобы Германия была одновременно и сильной, и слабой. От сильной Германии ожидали, что она станет преградой антисоветской агрессии Антанты. С другой стороны, в Германии было больше шансов на революцию, на то, что осуществится большевистская мечта о «советской Германии». Такая неоднозначность в немалой степени определяла отношение Коминтерна к Веймарской республике на протяжении всего кризисного 1923 г.

Что касается КПГ, то она высказалась за революционное решение кризиса. Несмотря на внешнюю угрозу немецкому государству, компартия была против компромисса с собственной буржуазией. Когда в берлинском рейхстаге было получено известие об оккупации Рурской области

⁵⁷ Там же, S.198.

⁵⁸ Двенадцатый съезд РКП(б), с. 276.

⁵⁹ X. Eudin und H. Fischer, *Soviet Russia and the West*, S. 211.

французами и бельгийцами, депутаты всех партий встали, чтобы минутой молчания выразить свой протест против насилия. Остались сидеть лишь депутаты КПГ. Депутат от коммунистов сказал, что Либкнехт учил партию отвечать на национальную войну войной классовой. Лозунг КПГ – не классовый мир, а гражданская война.⁶⁰ Эта первая спонтанная реакция КПГ совершенно не совпадала с тактическими соображениями Москвы. Это стало ясно на лейпцигском съезде КПГ, состоявшемся в январе 1923 г., сразу после оккупации Рура. Карл Радек, который был делегатом Коминтерна, стремился не допустить на съезде дискуссии о революционных перспективах, открывающихся в Германии из-за Рура.⁶¹ Рут Фишер вместе с левым крылом КПГ настаивала на такой дискуссии. Позднее она писала, что Радек не допустил дебатов, видя в них опасность для установившихся немецко-советских отношений.⁶²

2.2.3. Годы 1914 и 1923 – сравнение

Оккупация Рура вызвала в Германии волну националистических настроений и охватила широкие слои населения. Это обстоятельство повлияло на тактические установки теоретиков Коминтерна. Многим из них стало ясно, что плыть против течения, с порога отвергать национальные интересы Германии значит обречь КПГ на изоляцию. К такого вывода пришли, например, авторы статьи, напечатанной 15 февраля 1923 г. в органе КПГ «Ди Интернационале». «По Германии движется национальная волна, исход которой нельзя предугадать. Значит, нужно использовать эту волну для нас, вместо того, чтобы она была использована против нас. Немецкое среднее сословие – мелкая буржуазия ... носитель этого движения».⁶³ В статье говорилось о

⁶⁰ W. Angress, *The Communist Bid for Power*, S. 294 f.

⁶¹ Ruth Fischer, *Stalin und der Deutsche Kommunismus*, S. 277 ff.

⁶² Там же, S. 278–282.

⁶³ Leonid u. A. Friedrich, *Der Mittelstand, Faschismus, Nationalbolschewismus und die Partei*, in: *Die Internationale*, 15. 2. 1923, S.115.

том, что немецкий фашизм рекрутирует своих сторонников из мелкобуржуазных масс, разочарованных в социал-демократии и «крупном капитале». Эти массы пытаются преодолеть кризис существующей системы общим восстанием народа, направленным как против внутренней, так и против внешней политики государства. Но влияние фашизма не ограничивается мелкобуржуазной средой, он глубоко проникает и в рабочую среду, глубже, чем фашисты в Италии. Вывод: немецкие коммунисты мало чему научились после победы фашизма в Италии; это можно заметить и по тому, как они борются за массы, поддерживающие фашизм в Германии.⁶⁴

Борьба за влияние на националистические настроенные слои Германии была главным элементом тактики Коминтерна и КПГ в последующие месяцы. На XII съезде РКП(б) (март 1923 г.) Бухарин заявил: Германия – одна из стран, поработанных Антантой, и КПГ должна привлечь на свою сторону те слои населения, которые противятся этому поработанию. Немецким коммунистам надо найти в себе мужество встать на защиту немецкой нации.⁶⁵ Аугуст Тальхаймер в статье, опубликованной 18 апреля 1923 г. в «Ди интернационале», писал, что объективно борьба против французского империализма в данной ситуации окажется борьбой революционной. Немецкий пролетариат должен возглавить национальную борьбу против французской оккупации, с тем чтобы привлечь на свою сторону националистически настроенные мелкобуржуазные массы.⁶⁶

В этих условиях тактика Коминтерна в Германии становилась весьма неоднозначной. Коминтерн все еще отстаивал идею единого фронта с социал-демократией и выступал за образование правительства рабочих в различных германских землях – например, в Саксонии и Тюрингии. С помощью этой политики Коминтерн хотел привлечь на свою сторону большинство немецких рабочих из СПГ. В то же

⁶⁴ Там же, S.118.

⁶⁵ Двенадцатый съезд РКП(б), с. 292.

⁶⁶ A. Thalheimer, 1914 und 1923. Noch einmal zu unserer Taktik im Ruhrkrieg, in: Die Internationale, 18. 4. 1923, S. 243.

время он апеллировал и к националистическим кругам в Германии, пытаясь в этом смысле конкурировать с нацистами. Другими словами, германские коммунистическая партия должна была одновременно выступать и как классовая, и как национальная партия. Ей предстояло стать рупором националистических идей, оставаясь инструментом антикапиталистического протеста. В одно и то же время партия обращалась к силам, стремившимся сокрушить существующий порядок в Германии посредством классовой борьбы, и к силам, которые рассматривали классовый мир перед лицом высшей опасности как главную национальную заповедь немцев. Эта тактика была слишком сложной и противоречивой, чтобы привести к успеху.

2.2.4. Требование союза с правыми экстремистами

Национальный курс КПГ был подтвержден на III пленуме исполнительного комитета Коминтерна в июне 1923 г. В своей речи на пленуме Радек заявил, что не следовало бы пренебрегать национальными идеалами и целями в коммунистической пропаганде. Компартия должна превратиться во всеохватывающую национальную организацию, только так она сможет стать решающим фактором в политической жизни страны. А этого можно достигнуть лишь в союзе с националистически ориентированными немецкими массами.⁶⁷ К тезисам Радека присоединился Зиновьев. В речи на пленуме он спрашивал, чем можно объяснить нигилизм относительно национального вопроса в отдельных секциях Коминтерна. Тем, отвечал Зиновьев, что нерусские коммунистические партии еще не чувствовали себя партиями, способными завоевать большинство населения в своих регионах и руководить собственным народом. Такие партии отнюдь не представляют нацию, это всего лишь узкие классовые группировки. Они вообще не нацелены на то, чтобы в ближайшее время свергнуть буржуазию собственных стран и образовать свое правительст-

⁶⁷ Protokoll des 3 Plenums des EKKI, S.148.

во. Вот почему они недооценивают значение национального вопроса.⁶⁸

Чтобы объединить националистическую пропаганду с интернациональным кредо и установкой на классовую борьбу, вожди Коминтерна теперь настойчиво подчеркивали, что националистическая идеология в «порабощенных» странах носит революционный характер. А так как они характеризовали Германию как страну, угнетаемую «западным капиталом», то и сотрудничество с немецкими националистами обрело «прогрессивный» и «революционный» смысл. На III пленуме исполкома Коминтерна Радек заявил, что «значительное акцентирование национального вопроса в Германии есть революционный акт, такой же, как усиление национализма в колониях».⁶⁹

Речь Радека на пленуме в июне 1923 г. принадлежит к интереснейшим и важнейшим эпизодам тактики сближения Коминтерна с немецкими националистами и правыми экстремистами. Оратор восхищался правым экстремистом Лео Шлагетером, который был осужден на смерть французским военным судом. Речь Радека содержит прямое требование союза с немецкими правыми экстремистами. По словам Радека, друзья Шлагетера по партии никогда не смогут достичь своей цели – освобождения Германии от Версальского договора, если будут рассматривать немецкий рабочий класс как своего врага, а не как союзника.⁷⁰

Историки Эдвард Халлет Карр и Вернер Ангресс считают, что речь К. Радека в защиту Шлагетера была лишь тактическим маневром, в действительности же Радек не верил в возможность союза коммунистов и немецких правых экстремистов. Скорее всего Радек хотел, как считает Ангресс, своим призывом к правым экстремистам сорвать с них маску, чтобы показать немецким массам, что только под коммунистическим руководством возможна настоящая

⁶⁸ Там же, S. 30 f.; см. также P. Böttcher, *Der Weg und Wille zur Macht. Ergebnisse der Erweiterten Exekutive der Komintern*, in: *Die Internationale*, 1. 8. 1923, S. 424 f.

⁶⁹ Protokoll des 3. Plenums des EKKI, S. 67.

⁷⁰ Protokoll des 3. Plenums des EKKI, S. 240–245.

борьба против Версальского мира.⁷¹ Но это заключение малоубедительно. Курс, провозглашенный Радеком, не был маневром, он был закономерным продолжением тактической линии Коминтерна, выработанной примерно через месяц после начала рурского кризиса. В определенном смысле его можно охарактеризовать как перенос политики Рапалло на немецкую внутривнутриполитическую арену. Немецко-советский союз против стран-победителей должен был укрепиться благодаря сотрудничеству КПГ с немецкими националистическими силами.

Рапалльский договор не привел к преодолению страха в Берлине и в Москве перед превосходящими силами Антанты. Помимо всего прочего в Германии и России опасались санкций Запада. Противники усиления связи Германии с Советской Россией, например, Густав Штреземан, видели в оккупации Рура не в последнюю очередь возмездие за советско-германское сотрудничество. Так что страх – и в Берлине, и в Москве – перед карательными мерами Запада оправдался.⁷²

Через пять месяцев после оккупации Рура последовал еще один наступательный акт Антанты – ультиматум, предъявленный советскому правительству английским министром иностранных дел лордом Керзоном 8 мая 1923 г. Среди прочего Керзон потребовал отказа большевиков от революционной антибританской пропаганды в Азии и отмежевания советского правительства от Коминтерна.⁷³ В том, что Керзон выступал против уже давно ставших обычными явлений, большевики усмотрели сознательную провокацию. Им казалось, что Англия умышленно подталкивает ситуацию к войне.⁷⁴ Чтобы не обострять положение, правительство СССР дало на ультиматум весьма сдержанный ответ, в котором принималось, по крайней мере на словах, многое из требований Керзона.⁷⁵ Но положение все же ос-

⁷¹ W. Angress, *The Communist Bid for Power*, S. 335 ff.; см. также E. H. Carr, *The Interregnum 1923–1924*, London 1960, S.180 f.

⁷² См. G. Freund, *Unholy Alliance*.

⁷³ L. Fisher, *The Soviets in World Affairs*, S. 439 ff.

⁷⁴ Там же, с. 443 и посл.

⁷⁵ Там же, с. 445 и посл.

тавалось напряженным. Как раз в это время Радек произнес свою речь в защиту Шлагетера. Таким образом, можно предположить, что Радек, призывая к союзу с правыми экстремистами, хотел усилить фронт, противостоящий странам-победителям, которые в это время были в высшей степени агрессивны и опасны.⁷⁶

В своей речи Радек, разумеется, апеллировал не только к правым экстремистам, но и к коммунистам. Он назвал Шлагетера храбрым солдатом контрреволюции, весьма лестно описал его национальный идеализм, причем сделал это не столько с целью привлечь симпатии немецких правых экстремистов, сколько для того, чтобы преодолеть опасения немецких коммунистов по поводу роста национализма в стране. Коммунисты Германии должны научиться видеть в правых экстремистах не только врагов, но и «заблудших братьев», которые-де лишь по недоразумению воюют с коммунистами. Вожди Коминтерна не хотели видеть, как глубока в действительности была идеологическая пропасть между коммунистами и правыми экстремистами.

Зато многие немецкие коммунисты ясно отдавали себе в этом отчет. В отличие от русских товарищей они понимали, как далека от реальности выработанная в Москве стратегия, и пытались противостоять идеализации немецкого национализма руководством Коминтерна.⁷⁷ Немецко-чешский коммунист Зоммер опубликовал в начале июня в «Ди Интернационале» статью, где говорил о непреодолимой враждебности национализма к коммунизму и выступал против тех, кто хотел повысить популярность КПГ с помощью националистических лозунгов. «Пролетарская революция в Германии ... может вообще не победить, если не удастся нейтрализовать или привлечь на сторону революции хотя бы часть мелкой буржуазии, одураченной ныне националистами. Но это может случиться не тогда, когда коммунисты,

⁷⁶ R. Fischer, *Stalin und der Deutsche Kommunismus*, S. 332, 336ff.; Goldbach, *Karl Radek und die deutsch-sowjetischen Beziehungen 1918–1923*, S. 122 f.

⁷⁷ См. R. Fischer, *Stalin und der Deutsche Kommunismus*, S. 342f.; M. Buber-Neumann, *Kriegsschauplätze der Weltrevolution*, S. 92.

благодаря отважному руководству рурским сопротивлением, заставят поверить в положительные стороны национализма и при этом покажут себя профессиональными вождями нации перед «добропорядочной» националистической мелкой буржуазией, но при условии, если националистическая идеология будет разрушена. Или национализм привлечет пролетариат на сторону мелкой буржуазии и оба класса вместе с буржуазией погибнут в новой мировой войне, или ... разгром националистических иллюзий склонит пролетаризированные средние слои на сторону сознательного пролетариата». ⁷⁸

Рут Фишер вспоминает, насколько унижительным был для немецких коммунистов этот курс на Шлагетера. И все же она не совсем права, характеризуя в своих мемуарах Радека как чуть ли не единственного, кто отвечал за этот курс. ⁷⁹ За ним стояли многие влиятельные большевистские вожди. Это подтверждают, в частности, высказывания Зиновьева и Бухарина. ⁸⁰ Не говоря уже о том, что столь важное тактическое решение Коминтерна было бы невысказуемо без согласования с высшими органами большевистской партии. Нуждается в уточнении и другое высказывание Рут Фишер. Она утверждает, что «авантюристическая тактика» Радека не отражала ни ленинских идей, ни идей Троцкого. ⁸¹ Если это и верно, то лишь отчасти. Действительно, Радек, идеализируя правого экстремиста Шлагетера, не был проводником тактики Троцкого, – сам Троцкий позднее заявлял, что он всегда считал немарксистской и беспринципной политику признания националистов. ⁸² Но Р. Фишер заблуждается, говоря, что тактика Радека противоречила идеям Ленина. Радек был прилежным учеником Ленина. Известно, что Ленин отстаивал тактическую гибкость и не раз демон-

⁷⁸ Sommer, Der nächste Feind, das nächste Ziel, in: Die Internationale, 1. 6. 1923, S. 342 f.

⁷⁹ R. Fischer, Stalin und der Deutsche Kommunismus, S. 264 f., 341 ff.

⁸⁰ R. Fischer, Stalin und der Deutsche Kommunismus, S. 341 ff.

⁸¹ R. Fischer, Stalin und der Deutsche Kommunismus, S. 264 f.

⁸² См. Троцкий, Gegen den Nationalkommunismus. Kehren des „Roten“ Volkentscheids, in: Schriften über Deutschland, Band 1, S.113–137; см. также Robert S. Wistrich, Leon Trotsky's Theory of Fascism, S. 159.

стрировал блестящее умение стравливать своих противников друг с другом.⁸³ Так, в сентябре 1920 г. Ленин говорил о воодушевлении, с которым крайние немецкие националисты реагировали на успехи Красной Армии в Польше: «В Германии мы увидели такой противоестественный блок черносотенцев с большевиками».⁸⁴ Этот «противоестественный блок» Ленин приветствовал. В своей речи от 22 декабря 1920 г. Ленин оценил сближение крайних немецких националистов с большевиками как успех советской политики. Хотя шовинисты и были врагами коммунизма, но в международном плане они принуждали Германию к союзу с Советской Россией.⁸⁵ Таким образом, Радек действовал вполне в духе Ленина, когда в своей речи о Шлагетере предлагал союз немецким националистам. Несмотря на сопротивление многих немецких коммунистов этому курсу, оппозиция не смогла защитить свою собственную концепцию. Большинство в КПГ подчинилось распоряжениям из Москвы.

2.2.5. Ошибочная оценка Коминтерном немецкого правого экстремизма

Когда Радек говорил о признании немецкого национализма, дабы пристегнуть национализм к коммунистической идее, он недооценивал интенсивность националистических эмоций в тогдашней Германии. Эти эмоции достигали порой такого накала, что не позволяли подчинить себя никаким другим целям, и стали самоцелью. Попытки руководства Коминтерна сделать эти эмоции инструментом политики, диктуемой из Москвы, с самого начала были обречены на провал.

Любые идеи, которые не выдвигали на передний план болезненно раздраженное чувство национального тщеславия, оказывались неэффективными в Германии периода

⁸³ Ленин, ПСС, т. 42, с. 23 и 57 и посл.; т. 57, с. 55 и посл.

⁸⁴ Ленин, ПСС, т. 41, с. 282.

⁸⁵ Ленин, ПСС, т. 42, с. 105.

между двумя войнами.⁸⁶ На предложение коммунистов о союзе немецкие правые экстремисты отреагировали скорее отрицательно.⁸⁷ В их глазах компартия была попросту иностранным агентом на немецкой земле.⁸⁸ Исключением были так называемые «национал-большевистские круги». Их представители, например, Меллер ван ден Брук и граф Ревентлов, были готовы приступить к диалогу с коммунистами,⁸⁹ что и было торжественно отмечено Коминтерном как победа национального курса КПП. В июне 1923 г. на уже упоминавшемся III пленуме Коминтерна Зиновьев сказал, что национал-социалистская газета «Совесть» аттестовала КПП как партию националистическую. Зиновьев счел эту характеристику комплиментом и надеялся, что КПП его заслужит. Конечно, КПП не была националистической партией, даже если ее противники так ее называли, продолжал Зиновьев. Но это указывало на то, что КПП уже развилась в такую партию, которая представляла целую нацию.⁹⁰ Двумя месяцами позднее Радек говорил: «...Наводящая на размышление форма, в которой «Совесть» и многие другие печатные органы немецких националистов обратились к моей речи, показывает, что и в руководящих кругах фашизма имеются элементы, борющиеся за истину, ищущие путь».⁹¹

Однако оптимизм руководства Коминтерна не был обоснованным. Слишком глубока была пропасть между ми-

⁸⁶ См. J. Fest, Hitler, S. 694; Arthur Rosenberg, Geschichte der Weimarer Republik, S. 93 f.

⁸⁷ Klemperer, Konservative Bewegungen, S.157 ff.; Armin Mohler, Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932. Grundriß ihrer Weltanschauung. Stuttgart 1950, S. 65; W. Angress, The Communist Bid for Power, S. 349; M. Buber-Neumann, Kriegsschauplätze der Weltrevolution, S. 93 f.

⁸⁸ См. Adolf Hitlers Reden, Hrsg. E. Boepple, München 1934, S. 57, 79, 93f.

⁸⁹ См. Klemperer, Konservative Bewegungen, S.157f.; A. Mohler, Die Konservative Revolution, S. 61f.; W. Angress, The Communist Bid for Power, S. 331ff.; R. Fischer, Stalin und der Deutsche Kommunismus, S. 343ff; Otto-Ernst Schüddekopf, Linke Leute von rechts. Die nationalrevolutionären Minderheiten und der Kommunismus in der Weimarer Republik, Stuttgart 1960, S.150ff.

⁹⁰ Protokoll des 3 Plenums des EKKI, S.101.

⁹¹ Raдек, Die internationale Lage, S. 38.

ровозренческими концепциями национал-большевистской идеологии и представлениями коммунистов. Правда, Меллер ван ден Брук восхищался деятельностью большевиков в России и был готов к союзу с советским государством.⁹² Тем не менее самой большой заслугой большевиков он считал то, что они форсировали национальное обновление России, не считаясь с марксистским тезисом об интернационализме.⁹³ Меллер ван ден Брук добивался и для Германии аналогичного национального обновления с помощью революционных средств.⁹⁴ Предпосылкой для этого он считал преодоление всех конфликтов внутри нации и ее максимальную сплоченность.⁹⁵

Таким образом, КПГ, которая не могла отказаться от идеи классовой борьбы, не имела в концепции национал-большевиков права на существование. Тенденция национал-большевистских группировок искать сотрудничества с Советским Союзом исключительно на внешнеполитической арене, но не входить в равноправную внутривнутриполитическую кооперацию с КПГ, разочаровала Москву. На III пленуме Исполкома Коминтерна Радек говорил о графе Ревентлове, что тот считает борьбу против Антанты невозможной до тех пор, пока не повержен «внутренний враг». Этим «внутренним врагом» для Ревентлова был революционный рабочий класс.⁹⁶ Все же Радек надеялся убедить «национал-большевиков», что исключение КПГ из национального фронта было бы чрезвычайной утратой для национального дела.⁹⁷ Диалог Коминтерна с национал-большевистскими идеологами не привел к сколько-нибудь значительным результатам. И не только потому, что идеи «национал-большевиков» противоречили идеям коммунистов. Еще важнее был тот факт, что национал-большевистские круги сумели образовать внутри правозэкстремистского лагеря

⁹² Moeller van den Bruck, *Das Dritte Reich*, S. 67.

⁹³ Там же, S. 36 и 72 f.

⁹⁴ Там же, S. 73–78.

⁹⁵ Там же, S. 202–206.

⁹⁶ Protokoll des 3. Plenums des EKKI, S. 242.

⁹⁷ Там же, S. 242ff.

лишь мелкие разрозненные группы, которые не оказывали серьезного воздействия на массы.⁹⁸ Наибольший вес в массах имели те идеологи, которые отвергали не только сотрудничество, но и какой бы то ни было диалог с марксистскими партиями.

Судя по всему, во время рурского кризиса Радек, Бухарин, Зиновьев и другие сторонники сближения с немецким правым экстремизмом еще не знали, насколько принципиален и непримирим его антимарксизм. С точки зрения идеологов Коминтерна, отрицание правым экстремизмом парламентско-демократической системы было глубже и важнее, чем его ненависть к марксистским партиям. Вожди Коминтерна в это время полагали, что всякое противостояние существующему порядку в Германии и Европе прямо или косвенно служит на пользу их делу. Так, они придерживались мнения, что коммунистов связывает с правым экстремизмом нечто большее, чем с социал-демократией, которая стала составной частью веймарской «системы». Как считал Радек, вероятность того, что правые экстремисты примут так или иначе коммунистические идеи, превышала способность воспринять их в среде миролюбивой социал-демократии.⁹⁹ Кое-кто из теоретиков Коминтерна подчеркивал даже, что коммунистов отделяет от правых экстремистов отнюдь не такой непреодолимый барьер, как от «крупных капиталистов». Один коммунистический автор писал в августе 1923 г., что враждебность фашистов к коммунизму не навеки. Коммунисты смогли бы привлечь к себе немало фашистов, если бы вовремя проявили необходимую отвагу и инициативу.¹⁰⁰ Тогда же Радек заявил «Есть такие классы, которые отделены от нас пропастью, и такие, с которыми мы могли бы найти связь в целях дальнейшей борьбы».¹⁰¹ Очевидно, он не сознавал, что предлагает союз движению,

⁹⁸ См. Klemperer, *Konservative Bewegungen*, S.154–163.; A. Mohler, *Die Konservative Revolution*, S. 60–65.

⁹⁹ Radek, *Der Faschismus und die deutsche Sozialdemokratie*, in: *Inprekorr* 6. 7. 1923, Nr.114, S.1003f.

¹⁰⁰ L.B. „Schlageter“, *eine Auseinandersetzung*, in: *Inprekorr*, 1. 8. 1923, S.1114.

¹⁰¹ Radek, *Die internationale Lage*, S. 40.

которому лично он, Радек, был трижды ненавистен: как марксист, как еврей и как представитель верхушки Советского государства. Это движение уже тогда готовило истребительную кампанию против всего того, что представлял Карл Радек – против коммунизма, против Советского государства и против еврейства (К. Радек был еврейского происхождения).

2.2.6. Немецкий «Октябрь». Тактический поворот Коминтерна после отступления правительства Куно

Так как Веймарская республика следовала тактике пассивного сопротивления в оккупированной Рурской области, а окончания рурского кризиса не предвиделось, Коминтерн продолжал «курс Шлагетера». КПГ должна была по распоряжению Москвы оставаться частью национального антизападного фронта. В то время в Коминтерне не дебатировался вопрос о захвате власти в Германии. Немецкая компартия должна была лишь бороться за популярность среди радикализирующихся пролетарских и мелкобуржуазных масс, но не заниматься непосредственной подготовкой революционного переворота. Такая тактика встретила ожесточенное сопротивление левой оппозиции внутри КПГ. Левым казалось, что положение Германии исключительно благоприятно для революции. Они отвергали как тактику единого фронта с социал-демократами, так и курс Шлагетера, и хотели свергнуть существующий строй силами одного немецкого пролетариата под руководством КПГ.¹⁰² Радек выступил 3 августа 1923 г. со статьей, где критиковал их революционное нетерпение. Компартия, напоминал он, насчитывает в своих рядах в настоящее время всего лишь 300 000 рабочих. Слишком мало, чтобы думать о захвате власти. Немецкая буржуазия организована, как никакая другая в мире. И коммунистическая партия должна быть так же хорошо организована. Радек оговаривался, что

¹⁰² См. R. Fischer, *Stalin und der Deutsche Kommunismus*, S. 310–317.

в России большевики в 1917 г. были еще малочисленней чем немецкие коммунисты, и все же взяли власть в свои руки. Но русская буржуазия была полностью дезорганизована, и тогдашняя русская армия находилась под влиянием большевиков. Лагерь противников немецких коммунистов намного сильнее, в партии должен быть по меньшей мере миллион членов, чтобы думать о решающих битвах.¹⁰³

Высказывания Радека ясно показывают, что в начале августа 1923 г. возможность революции в Германии еще не обсуждалась в руководстве Коминтерна. Положение изменилось, когда 12 августа правительство канцлера Куно было вынуждено уйти из-за всеобщей забастовки в Берлине и новым рейхсканцлером стал Густав Штресеман. Прозападные симпатии Штресемана были хорошо известны в Москве. Теперь большевикам стало ясно, что на очереди – немецко-французское сближение; до сих пор такая возможность почти не принималась в расчет большевистским руководством. Результатом сближения бывших врагов – Германии и Франции и одновременного отхода Германии от политики Рапалло могла бы быть опасная внешнеполитическая изоляция СССР. Многие исследователи и наблюдатели с полным правом отмечали, что одной из важнейших причин тактического поворота Коминтерна во второй половине августа был страх перед немецко-западным примирением.¹⁰⁴ Руководство Коминтерна, которое еще в начале августа критиковало левую оппозицию в КПГ за ее революционное нетерпение, считая нереальным коммунистический переворот в Германии, теперь само начало подталкивать КПГ к захвату власти.

Со своей стороны Москва изменила свой курс в отношении Веймарской республики. Сохранение территориального единства немецкого государства, за которое большевики выступали с самого начала рурского кризиса, уже не рассматривалось как вопрос первостепенной важности.

¹⁰³ Radek, *Der nahende Bankrott der deutschen Bourgeoisie*, in: *Inprekorr*, 3. 8. 1923, S.1116.

¹⁰⁴ См. W. Angress, *The Communist Bid for Power*, S. 391ff.; R. Fischer, *Stalin und der Deutsche Kommunismus*, S. 368f. и 379.

Еще в начале 1923 г. советское руководство предостерегло Польшу от попыток использовать слабость Германии для аннексии Восточной Пруссии и Верхней Силезии.¹⁰⁵ Во второй половине августа позиция Москвы была уже совсем другой. Это можно видеть из разговора, который состоялся 20 августа между Радеком и польским посланником в Москве Романом Кноллем. Как сообщал Кнолль, Радек считает коммунистов и правых экстремистов в настоящий момент единственными силами в Германии, имеющими политический вес. В случае революции в Германии все остальные политические группы, не исключая правительство Штреземана, были бы уничтожены. И тогда решающую роль сыграет исход спора между КПГ и правозэкстремистскими силами. Правые экстремисты имели бы наиболее сильные позиции в Баварии и Восточной Пруссии. Зато коммунистам, как они считают, удался бы захват власти во всех других областях страны. Правые, без сомнения, развязали бы гражданскую войну против немецкой революции. В этом случае советское руководство не возражало бы против аннексирования Польшей Восточной Пруссии. Но лишь при том условии, что Польша не будет претендовать на другие немецкие земли и не будет препятствовать доставке русского зерна революционной Германии.¹⁰⁶

В это же время советский дипломат Копп предлагал то же самое польскому министру иностранных дел Сайде. Тот посчитал эти авансы советской провокацией.¹⁰⁷ В действительности трудно судить, насколько серьезными были предложения советского правительства. Во всяком случае нельзя недооценивать сам факт подобных переговоров. Большевики рассматривали Польшу как одного из своих агрессивнейших соседей, Веймарскую же республику считали единственным союзником советского государства среди

¹⁰⁵ См. Eudin und Fischer, *Soviet Russia and the West*, S. 177f.

¹⁰⁶ См. Carr, *The Interregnum*, S. 218 f.; G. Bessedowsky, *Im Dienste der Sowjets. Erinnerungen*, Leipzig 1930, S. 163; Jerzy Krasuski, *Stosunki polsko-niemieckie 1919-1932 [Немецко-польские отношения]*, Posen 1975, S. 36.

¹⁰⁷ Bessedowsky, *Im Dienste der Sowjets*, S. 171–175, Krasuski, *Stosunki polsko-niemieckie*, S. 37.

всех «капиталистических» стран. К важным мотивам немецко-советского сближения принадлежало общее для обеих стран враждебное отношение к Польше – сильнейшей опоре Версальского порядка в средневосточной Европе; обе стороны были заинтересованы в устранении Польши как помехи между Германией и Россией. И как раз этому государству большевики предлагали аннексировать немецкую провинцию. Это показывает, насколько радикальным был тактический поворот Коминтерна во второй половине августа в сфере немецкой политики.

Установка большевиков на немецкую революцию после ухода правительства Куно, а также пересмотр шлагетеровского курса были связаны не только с внутринемецкими причинами. Тот факт, что в это время большевистское руководство было охвачено таким же революционным нетерпением, какое совсем недавно ставилось в вину немецким коммунистам, связан с определенными процессами внутри самого руководства. Это обстоятельство слишком мало освещено в имеющихся исследованиях. На тактические соображения большевиков лета 1923 г. и их оценку тогдашнего положения Германии в значительной мере повлияла борьба за ленинское наследие, которая велась тогда в большевистском руководстве. Краткая характеристика ситуации этой борьбы может пролить свет на подоплеку внешнеполитической тактики большевиков.

Борьба за ленинское наследие разгорелась уже незадолго до смерти вождя. Ленин предвидел эту борьбу, в своем политическом завещании в декабре 1922 г. он предостерегал руководство партии от раскола. В конфликте между Троцким и Сталиным, которые были охарактеризованы им как две самые значительные фигуры в партии, он видел величайшую опасность для будущего большевистской партии.¹⁰⁸ Здесь проявилось тонкое психологическое и политическое чутье Ленина. В конце 1922 г., когда Ленин писал свое завещание, никому из тех, кто составлял элиту партии, не пришло бы в голову ставить Сталина на один уровень с Троцким и рассматривать Сталина как одну из

¹⁰⁸ Ленин, ПСС, т. 45, с. 344 и посл.

ведущих фигур. Недооценка Сталина старой большевистской гвардией и переоценка опасности возможной «бонапартистской» диктатуры Троцкого красной нитью проходит сквозь борьбу за наследие Ленина. Борис Бажанов, в 1923–1924 гг. секретарь Политбюро, бежавший на Запад в 1928 г., сообщает о чрезвычайно интересном и имевшем большие последствия заседании Политбюро, которое состоялось 23 августа 1923 г.; на нем ясно обозначилась конкурентная борьба между Троцким и его противниками в большевистском руководстве. Ради этой встречи многие прервали свой отпуск. В крайне накаленной атмосфере обсуждались перспективы революции в Германии.¹⁰⁹ Мотором дискуссии был Лев Троцкий. По его мнению, новая революционная волна, которую так долго ожидали большевики, уже поднялась. Победа немецкой революции приведет к краху мировой буржуазии. Теперь большевики должны отдать все свои силы немецкой революции. Или она одержит победу – и следом разразится мировая революция, или немецкий рабочий класс потерпит поражение – тогда и советское государство будет уничтожено «мировым капиталом». Для Троцкого победный исход немецкой революции был вопросом ближайших недель.¹¹⁰ Точка зрения других членов Политбюро была осторожней. Зиновьев не верил в быструю победу немецких коммунистов. Сталин был еще более скептичен. Он сомневался, в состоянии ли немецкие коммунисты хотя бы на время захватить власть в Германии.¹¹¹ Нельзя сказать, чтобы оппоненты Троцкого вовсе не придавали значения возможной революции в Германии. Но они не разделяли его уверенности, что от исхода немецкой революции зависит судьба советского государства. Точно так же они не были готовы рисковать столь многим ради этой революции, как требовал Троцкий.¹¹²

¹⁰⁹ Boris Bažanov, *Stalin, der rote Diktator. Von seinem ehemaligen Privatsekretär*, Berlin 1931, S.123; см. также W. Angress, *The Communist Bid for Power*, S. 393.

¹¹⁰ Bažanov, *Stalin*, S. 123 f.

¹¹¹ Bažanov, *Stalin*, S. 124 f; Trockij, *Stalin*, Band 2, S. 203.

¹¹² Bažanov, *Stalin*, S. 124 f.

Анализируя эти дебаты, невозможно отрешиться от впечатления поразительного сходства со спорами, которые шли в большевистском руководстве перед Октябрьской революцией в России. Тогда Ленин решительно требовал от большевистского руководства немедленного восстания, и считал, что отсрочка окажется для большевиков смертельной. Но большинство в Центральном Комитете не было убеждено в успехе восстания против Временного правительства и не соглашалось с Лениным. Вождю пришлось пустить в ход все свое полемическое искусство, даже пригрозить уходом в отставку.¹¹³ В этом споре Троцкий стоял на стороне Ленина.¹¹⁴ В конце концов им удалось убедить значительную часть большевистского ЦК в необходимости немедленного удара. Зиновьев и Каменев были единственными членами ЦК, которые до последнего момента придерживались мнения, что восстание является безответственной авантюрой и окончится катастрофой. Больше того, за несколько дней до запланированного переворота они выступили в печати против восстания, раскрыв тайные планы партии. Оба покинули все руководящие органы и вернулись в партию лишь через несколько дней после благополучно окончившегося государственного переворота.¹¹⁵ В своем политическом завещании, написанном пятью годами позже, Ленин заметил, что действия Зиновьева и Каменева в октябре 1917 г. не были случайными.¹¹⁶ Для Каменева и особенно для Зиновьева этот эпизод их политического прошлого был настоящей травмой. Зиновьев рассматривал как величайшую ошибку своей жизни то, что в решающий для истории партии момент он не встал на сторону Ленина.¹¹⁷ При анализе действий большевистского руководства

¹¹³ См. Trockij, *Geschichte der russischen Revolution*, S. 795–831; *ero же*, 1917. *Die Lehren der Revolution*, S. 50–56 и 76; E.H. Carr, *The Bolshevik Revolution*, Band 1, S. 93–97.

¹¹⁴ Deutscher, *Der unbewaffnete Prophet*, S. 277ff.

¹¹⁵ См. J. Bunyan und H.H. Fisher, *The Bolshevik Revolution 1917–1918. Documents and Materials*. Stanford/California 1965, 3 Aufl., S. 59–62. E.H. Carr, *Socialism in One Country*, Band 1, S. 154 и 160f.

¹¹⁶ Ленин, ПСС, т. 45, с. 345.

¹¹⁷ Protokoll des 4 Kongresses der Komintern, S. 7.

накануне немецкого «Октября» не следует упускать из виду события, предшествовавшие государственному перевороту в октябре 1917 г.

Троцкий не был убежден в способности старой большевистской гвардии к решительным действиям. Впоследствии он часто писал о том, как Ленину приходилось навязывать свои решения колеблющемуся и нерешительному большевистскому руководству. Но теперь, в 1923 г., Ленин был смертельно болен, и большевики должны были впервые принять решение чрезвычайной важности без него.¹¹⁸ По поведению Троцкого летом и осенью можно заключить, что он самолично хотел взять на себя роль, какую Ленин при его поддержке играл в октябре 1917 г. Теперь Троцкий одновременно был и предостерегающей, и движущей силой. Он повторял слова Ленина о том, что судьба большевиков зависит от их оперативности. Но за спиной у руководителей уже было шесть лет существования их режима. За эти годы они научились преодолевать чрезвычайные опасности и выходить с победой из почти безвыходных ситуаций. Летом 1923 г. не могло быть и речи о смертельной опасности для большевистского режима. Тем не менее Троцкий твердил, что судьба режима решается теперь в Германии. Почему? Можно предложить несколько объяснений этой позиции Троцкого. Опасности, которые видел Троцкий, были скорее внутреннего, нежели внешнего характера. Троцкий боялся возврата отсталой России к «капиталистическим» отношениям: государству не удалось успешно конкурировать с частным сектором после двух лет НЭПа.¹¹⁹ Другую опасность для режима Троцкий усматривал в бюрократическом перерождении большевистской партии и в исчезновении революционного идеализма у большевиков.¹²⁰ Всё это видел и Ленин на исходе своей

¹¹⁸ Trockij, 1917. Die Lehren der Revolution, S. 50–56 и 76; его же, Geschichte der russischen Revolution, S. 795–831; его же, Mein Leben, S. 290.

¹¹⁹ См. Троцкий, Речь на XII съезде РКП(б), в: Двенадцатый съезд РКП(б), с. 312–352; его же, Dkie Grundfragen der Revolution, in: Inprekorr, September 1923, Nr. 145, S. 1259 f.

¹²⁰ Там же.

политической деятельности. В своих последних речах и работах он вновь и вновь призывал своих соратников бороться как с отсталостью России, так и с бюрократизацией партии.¹²¹ Оба сходились в своем диагнозе, но средства, предлагаемые Лениным и Троцким, были различными. Ленин полагал, что опасности можно избежать, лишь повысив общий культурный уровень народа.¹²² Предложения же Троцкого гораздо меньше, чем ленинские, касались России. С его точки зрения, только помощь революции на промышленно развитом Западе могла воспрепятствовать перерождению партии и возврату России к «капитализму».¹²³

Требование Троцкого форсировать события в Германии, можно сказать, имело успех в большевистском руководстве.¹²⁴ Зиновьев теперь соревновался с Троцким в радикализме.¹²⁵ Потрясение от неправильно понятой ситуации в октябре 1917 года лежало, по всей вероятности, в основе его позиции: теперь он явно переоценивал перспективы немецкой революции. Кроме того, Зиновьев, как и другие противники Троцкого в Политбюро, не хотел оставлять немецкую революцию в распоряжении одного Троцкого. Большинство членов Политбюро опасалось, что в случае успеха этой революции Троцкий вновь явится в ореоле победителя перед мировым коммунистическим движением, а его конкурентов снова заклеят как нерешительных оппортунистов.

В итоге Политбюро поддержало Троцкого. Было вынесено решение о поддержке немецкой революции.¹²⁶ Но оно совпало с моментом, когда революционная ситуация в Германии уже миновала свой апогей. Многие наблюдатели и историки, например, Рут Фишер, Франц Боркенау, Вернер

¹²¹ Ленин, ПСС, т. 45, с. 383 и посл. и 389 и посл.

¹²² Там же, т. 45, с. 376 и посл. и 389–406.

¹²³ См. Deutscher, *Der unbewaffnete Prophet*.

¹²⁴ См. M.L. Goldbach, *Karl Radek und die deutsch-sowjetischen Beziehungen 1918–1923*, S. 131f.

¹²⁵ См. Zinov'ev, *Die Probleme der deutschen Revolution*, in: *Inprekorr*, 19. 10. 1923, Nr. 163, S. 1387ff.

¹²⁶ См. W. Angress, *The Communist Bid for Power*, S. 393 ff.; R. Fischer, *Stalin und der Deutsche Kommunismus*, S. 379; Bažanov, *Stalin*, S. 125 ff.

Ангресс и другие, считают кульминацией революционного развития июль и первую половину августа – до генеральной забастовки 12 августа 1923 г., которая привела к падению правительства Куно. Проект немедленного революционного удара был тогда отвергнут руководством Коминтерна.¹²⁷

2.2.7. Революционные ожидания в Москве

В первые сентябрьские недели 1923 г. атмосфера в Москве была полна революционных ожиданий, сознания близкого всемирно-исторического поворота. Казалось, непосредственно приблизился разгром «мирового капитала». Похожие настроения царили и в советской столице три года тому назад, когда Красная Армия стояла под Варшавой. По крайней мере часть большевистского руководства была тогда охвачена революционной романтикой: надеялись одним ударом покончить с «мировым капиталом». Даже Ленин, утратив свойственный ему здравый смысл, поддался этим чувствам.¹²⁸ Зато Троцкий и Радек предостерегали большевиков от чрезмерного революционного оптимизма и вторжения в исконно польские области.¹²⁹ Теперь же, осенью 1923 г. Троцкий сам стал революционным романтиком.

С трезвой и осторожной оценкой, которая в определенной степени соответствовала позиции Троцкого в 1920 г., выступил Сталин. И все же теперь, как и тогда, оптимисты сумели одолеть своих более осторожных оппонентов и добились принятия своих программ. Эти победы говорят многое о шкале идеологических и политических ценно-

¹²⁷ R. Fischer, *Stalin und der Deutsche Kommunismus*, S. 391; Borkenau, *The Communist International*, S. 247; W. Angress, *The Communist Bid for Power*, S. 392; K. H. Tjaden, *Struktur und Funktion der KPD-Opposition (KPO). Eine organisatorisch-soziologische Untersuchung der „Rechts“-Opposition im deutschen Kommunismus zur Zeit der Weimarer Republik*, Meisenheim 1964, S. 32 f.

¹²⁸ См. Троцкий, *Über Lenin*, S. 85f.; Louis Fisher, *The Soviets in World Affairs*, S. 268–271.

¹²⁹ Louis Fisher, *The Soviets in World Affairs*, S. 268-271; Deutscher, *Der unbewaffnete Prophet*, S. 434, 436 и 439.

стей на тогдашнем этапе истории большевистской партии. Идеал мировой революции до такой степени владел партией, что аргументы защитников этой революции почти автоматически приобретали больший вес, чем все возражения скептиков, едва только открывалась перспектива такой революции – как бы ни была мала эта перспектива.

Изменение политики Коминтерном в Германии после падения правительства Куно неизбежно должно было повлиять на отношение коммунистов к правым экстремистам. Правда, коммунисты еще настойчивей подчеркивали идею пролетарской революции в своей пропаганде, направленной на немецкие мелкобуржуазные массы.¹³⁰ Но это не означало, что из их программы исчезли националистические лозунги. Коминтерн пытался связать их с лозунгами коммунизма. Политика союза с немецкими правыми экстремистами сменилась конкурентной борьбой за влияние на националистически настроенные мелкобуржуазные массы. В этой связи Зиновьев сказал 22 октября 1923 г.: «Немецкие коммунисты не только вправе, но и обязаны вырывать из-под власти буржуазных националистов те слои неимущих, которые следуют за фашистами из верной и справедливой ненависти к угнетателям из Антанты».¹³¹

Чтобы не отдать немецкую мелкую буржуазию «фашистам», коммунисты наперебой с правыми экстремистами состязались в радикализме своей националистической пропаганды, в нападках на «капитулянтское» правительство Штреземана. Прекращение Штреземаном пассивного сопротивления в Рурской области 26 сентября 1923 г. рассматривалось Радеком как полная капитуляция Германии.¹³² Он считал, что в личности Штреземана воплощено банкротство всей немецкой буржуазии в целом. Глубинный смысл события в Германии Радек усматривал в том, что

¹³⁰ R. Fischer, *Stalin und der Deutsche Kommunismus*, S. 379 f.; M. Buber-Neumann, *Kriegsschauplätze der Weltrevolution*, S. 106 f.; W. Angress, *The Communist Bid for Power*, S. 408–415.

¹³¹ Zinov'ev, *Die Probleme der deutschen Revolution*, in: *Inprekorr*, 22. 10. 1923, S. 1396.

¹³² Radek, *Die Kapitulation der deutschen Bourgeoisie*, in: *Inprekorr*, 2. 10. 1923, Nr. 155, S. 1327.

правлящие классы в этой стране отказались от своей главной функции – обеспечения национального единства и независимости страны. И поэтому они обречены на смерть.¹³³ Второго октября 1923 г. Радек призывал немецкий народ отомстить за все унижения, испытанные им со стороны стран-победительниц;¹³⁴ его аргументация не отличалась от доводов немецких националистов.

Вопреки всем попыткам немецких коммунистов перегнать правых экстремистов на поприще националистической пропаганды, они не имели шансов на успех; в националистической агитации коммунистов чувствовалась раздвоенность, чего не было, например, у национал-социалистов. Коммунисты, чтобы сохранить верность самим себе, не могли проповедовать безоглядную национальную ненависть, хотя бы потому, что им постоянно приходилось подчеркивать необходимость дружбы с Советским Союзом, важность международной солидарности пролетариата. Нацистская партия в подобных оговорках не нуждалась.

2.2.8. Октябрьское поражение

Начиная с сентября 1923 г. коммунисты полным ходом вели подготовку к перевороту в Германии. Повсеместно создавались пролетарские сотни. Тысячи немецких коммунистов проходили военную подготовку под руководством советских инструкторов. По плану, выработанному в Москве, ядром германской революции должны были стать земли Саксония и Тюрингия. В начале октября успешно прошли переговоры о создании коалиции между левыми социалистическими правительствами этих земель и коммунистами. Коммунисты должны были войти в состав саксонского правительства Цайгнера и тюрингского правительства Фрелиха. Этот шаг должен был означать начало революционных

¹³³ Radek, Die Kapitulation der deutschen Bourgeoisie, in: Inprekorr, 2. 10. 1923, Nr. 155, S. 1327 f.

¹³⁴ Radek, Die Kapitulation der deutschen Bourgeoisie, in: Inprekorr, 2. 10. 1923, Nr. 155, S. 1328.

преобразований по всей Германии.¹³⁵ Ведущим немецким коммунистам было понятно, сколь вызывающим выглядел этот шаг в глазах консерваторов, не говоря уже о правых экстремистах. Председатель КПГ Брандлер пытался сопротивляться нажиму большевистских вождей, требовавших от него немедленно вступить в земельные правительства Средней Германии. Он хотел подождать до тех пор, пока коммунисты не завоюют на свою сторону большинство населения в обеих землях.¹³⁶ Но большевики все же смогли навязать свою волю.

Непосредственно перед вступлением КПГ в саксонское правительство один из идеологов КПГ Пауль Беттхер анализировал возможную реакцию имперского правительства и «фашистов» на этот процесс. Беттхер был далеко не так оптимистичен, как некоторые большевистские вожди. По его мнению, средненемецкий пролетариат окружен «гитлеровскими гвардейцами» с юга и соединениями рейхсвера с севера. И хотя КПГ, войдя в правительство, временно перехватила инициативу, контрреволюция может нанести удар в любой момент и начать карательные акции против пролетариата. Беттхер обратился с призывом к рабочему классу всей Германии не допустить разгрома рабочих правительств в Саксонии и Тюрингии.¹³⁷ Таким образом, он весьма реалистически оценивал угрозу, нависшую над коммунистическо-социалистическими правительствами в Средней Германии.

Опасность сознавал и Радек. Его статья в «Правде» в конце сентября была посвящена этой теме. Он указал на то, что и «фашисты» во главе с Людендорфом и Гитлером, и имперское правительство в одинаковой мере стремятся уничтожить «красную» Среднюю Германию. Однако Радек

¹³⁵ См. Die Lehren der deutschen Ereignisse. Das Präsidium der Kommunistischen Internationale zur deutschen Frage. Januar 1924, Hamburg 1924, S. 60.

¹³⁶ R. Fischer, Stalin und der Deutsche Kommunismus, S. 380, 410; W. Angress, The Communist Bid for Power, S. 400 f.; Deutscher, Der unbewaffnete Prophet, S. 145.

¹³⁷ Paul Böttcher, Die sächsisch-thüringische Regierung, in: Inprekorr, 12. 10. 1923, Nr. 160, S. 1364.

находил правительство Штреземана слишком слабым для решающей борьбы со своими внутривнутриполитическими противниками.¹³⁸

В бессилии веймарского правительства были убеждены не только коммунисты, но и национал-социалисты, которые всего лишь через год после похода итальянских чернорубашечников на Рим планировали свой собственный поход на Берлин, чтобы покончить с парламентским государством, как это сделали фашисты в Италии. Нацисты упустили из виду, что положение тогдашнего веймарского правительства было куда благоприятней, чем положение либерального итальянского правительства накануне переворота. Либеральные правительства в предфашистской Италии не пользовались поддержкой ни одной значительной массовой партии. Это чрезвычайно осложнило сопротивление итальянских либералов фашизму. В то же время правящий слой в Италии все больше поддавался соблазну сомкнуться с массовым правым движением, которое явно стремилось защищать существующий строй от марксистов. Веймарское же правительство пользовалось в 1923 г. поддержкой двух партий с массовой базой: католического центра и, что еще важнее, социал-демократов. Другими словами, правительство в своей борьбе против попыток переворота располагало массовой базой как на левом, так и на правом фланге.

Вот почему правящие круги Германии не испытывали в то время столь сильного соблазна воспользоваться одной из экстремистских партий в борьбе с другой, как это было в предфашистской Италии. На эту разницу указывал еще в 1946 г. советский историк Слободской. Он говорил о том, что итальянская буржуазия, в отличие от немецкой, не могла полагаться на сочувствие социал-демократов. Поэтому консервативные круги Италии в ходе послевоенного кризиса с самого начала отвергли демократию и парламентаризм

¹³⁸ Радек, Капитуляция Германии и фашистский переворот в Баварии, в: Правда, 28. 9. 1923.

и сравнительно быстро пошли на сговор с фашистами.¹³⁹ Этот тезис Слободского полностью соответствует действительности. Пропасть между «буржуазным» итальянским государством и социалистами способствовала установлению союза между консерваторами и фашистами. Само собой разумеется, что в Германии тоже существовала глубокая взаимная антипатия между социал-демократами и консерваторами. Тем не менее определенным силам в обоих лагерях удалось временно ее преодолеть, что и позволило создать Веймарскую республику.

Однако эти силы столкнулись с мощной оппозицией внутри собственных партий. Оппозиционные силы стремились объединиться с другими партнерами. Какие альтернативы имели при этом в виду эти оппозиционные силы, стало ясно осенью 1923 г. на примере Средней Германии и Баварии. Там в локальном масштабе сложились коалиции, которые стремились вынести на общегосударственный уровень, с одной стороны, требования оппозиции внутри СДПГ, а с другой – требования оппозиции внутри консервативного лагеря. Левая социал-демократическая оппозиция предпочла союз с коммунистами союзу с консерваторами, а оппозиция внутри консервативного лагеря, со своей стороны, считала, что национал-социализм – лучший союзник, чем социал-демократия. Но распространить «баварскую» или «саксонскую» модели на всю страну не удалось. Веймарская коалиция была еще достаточно крепка, чтобы противостоять экстремистским требованиям с обеих сторон. Да и сами эти модели уже осенью 1923 г. продемонстрировали, до какой степени двойственными, внутренне раздробленными были оба этих союза, альтернативных веймарской коалиции.

В октябре этого года коммунисты вступили в союз с политической группировкой, боеспособность и политические цели которой сами коммунистические лидеры оценивали по меньшей мере скептически. Хотя вожди Коминтерна и приветствовали то, что левые социал-демократы предпочли

¹³⁹ Slobodskoj, *Der italienische Faschismus und sein Zusammenbruch*, Berlin 1948, S. 42, 50 ff.

сотрудничество с КПГ практиковавшемуся большинством СДПГ союзу с буржуазными партиями, это признание было обставлено множеством оговорок. 25 октября 1923 г. Зиновьев сравнил левых социал-демократов с левыми эсерами, которые после Октябрьской революции некоторое время сотрудничали с большевиками, чтобы затем выступить против них.¹⁴⁰ По словам Зиновьева, радикализация масс вынудила левую социал-демократию пойти на сотрудничество с коммунистами, чтобы не допустить окончательного перехода масс на сторону коммунистов. С этим не вполне добровольным партнером надо быть начеку, коммунисты не должны допустить, чтобы левые социал-демократы играли самостоятельную роль в коалиционном правительстве: «Как только эти господа вступят в революционное правительство, они наверняка предпримут попытку в решающий момент превратить революционное правительство в дискуссионный клуб. В тот момент, когда потребуются железная диктатура и стальная решимость, они будут висеть на революционном правительстве, как гири на ногах. Излишняя «поддержка» со стороны левого крыла СДПГ может оказаться роковой для пролетарской революции».¹⁴¹ С такими настроениями коммунисты вступили в союз с левыми социал-демократами. Сомнения коммунистов в готовности левых социал-демократов противостоять общегерманскому правительству оправдались. Когда рейхсвер приступил к ликвидации «саксонского эксперимента», левые социал-демократы отвергли требование коммунистов предпринять насильственные контрмеры. «Ненадежность» социал-демократии нанесла окончательный удар и без того мало-реальным революционным планам Коминтерна.

Но и Гитлер несколько недель спустя имел возможность убедиться в «ненадежности» своих консервативных союзников. Марш на Берлин потерпел такое же поражение, как и «немецкая Октябрьская революция». Гитлер увидел, что его консервативные партнеры не хотят вооруженного

¹⁴⁰ Zinov'ev, Die Probleme der deutschen Revolution, in: Inprekorr, 25. 10. 1923, Nr. 165, S. 1404.

¹⁴¹ Там же.

столкновения с государственной властью. Опыт политического флирта с мнимыми союзниками, приобретенный коммунистами и национал-социалистами, оказался весьма сходным. Но обе группировки сделали из этого принципиально разные выводы. В отличие от коммунистов, не подвергавших сомнению правильность собственной тактики и считавших причиной своего поражения лишь «неустойчивость» своих союзников, Гитлер не настаивал на непогрешимости своей тактики. Лучше коммунистов он понял, что нельзя ждать многого от политических сил, отвергающих применение прямого насилия. Поэтому он решил изменить не характер своих союзников, а собственную тактику. Тогда, быть может, колеблющиеся союзники превратятся в надежных партнеров.

Так зарождалась гитлеровская идея «легализма» - прихода к власти при помощи государственного аппарата, а не вопреки ему.

Перевод Ларисы Лисюткиной

Опубл. в моей книге «Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921-1935», Stuttgart 1985.

2.3. ЕВРАЗИЙСТВО И КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. СОБЛАЗН АНТИЗАПАДНИЧЕСТВА В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Первая мировая война завершилась крахом авторитарно управляемых империй и убедительной победой западных демократий. Следствием этой победы было, однако, восстание против Запада, протест против присущих Западу ценностных ориентаций, заявленный с небывалым для подобных движений радикализмом.

Примечательно, что во главе этого движения оказались выдающиеся умы. Уже в 1927 г. Жюльен Бенда

заговорил о "предательстве интеллектуалов". Антизападный дискурс с особым упорством вели представители немецкой и русской духовной элиты, продолжая тем самым глубоко укорененную в обеих странах традицию противостояния западному пути развития. Свои упреки они адресовали не только Западу, но и собственным правительствам, ослепленным, как им казалось, чужими приманками. Веймарская парламентская система представлялась противникам Запада в Германии чем-то вроде западного оккупационного режима, навязанного стране державами-победительницами. Впрочем, и в России воинствующие антизападники считали большевизм импортированным из-за границы феноменом; по их мнению, это было новое издание петровского плана европеизации России.

Действительно, большевики вовсе не были склонны отвергать Запад как таковой. Тезис о предстоящем "закате Европы" их не убеждал. Европейская буржуазия – вот кто был обречен, а отнюдь не весь Запад. Предчувствие близящегося конца у правящих классов, утверждали большевики, лишь подтверждает коммунистический прогноз – крушение капитализма, которое стоит уже на пороге. Модная на Западе пессимистическая философия Освальда Шпенглера – верное классовое предчувствие буржуазии, не замечающей, однако, пролетариата, который должен ее заменить, писал Троцкий в 1922 г.¹⁴²

Ленин еще в начале века считал нелепостью пророчества о гибели Запада. Они стимулировались победой Японии над царской Россией в 1905 г. Триумф Японии развеял миф о непобедимости Европы. Ленин приветствовал победу японцев. Для этого у него было две причины: во-первых, поражение царского режима ускоряло революционный процесс в стране; во-вторых, как думал Ленин, поражение России было свидетельством непрочности всего мирового порядка. Россия принадлежала к кругу европейских великих держав,

¹⁴² Троцкий Л. Пять лет Коминтерна. М., 1924. С. 549.

поделивших мир между собой. Теперь пробуждающаяся Азия нанесла удар по мировому владычеству европейской буржуазии. Такое потрясение геополитических основ было Ленину, разумеется, на руку. Но это вовсе не означало, что он верил в некий особый азиатский путь, отличный от пути Европы. Вот что писал Ленин накануне первой мировой войны о борьбе Азии за освобождение, усилившейся после русско-японской войны: "Не значит ли это, что сгнил материалистический Запад и что свет светит только с мистического, религиозного Востока? Нет, как раз наоборот. Это значит, что Восток окончательно встал на дорожку Запада, что *новые сотни и сотни миллионов* людей примут отныне участие в борьбе за идеалы, до которых доработался Запад. Сгнила западная буржуазия, перед которой стоит уже ее могильщик-пролетариат"¹⁴³.

Все это свидетельствует о том, что большевиков лишь с большими оговорками можно считать противниками Запада. В традиционном русском споре западников и славянофилов большевики занимали скорее западническую, радикальную позицию. Веру в особый путь России они не разделяли. Если у России и было своеобразие, то оно сводилось, по мнению большевиков, к ее отсталости. Подобно другим русским западникам от Петра I до Сергея Витте, они только и мечтали о том, чтобы догнать высокоразвитые страны Запада.

После Октябрьской революции большевики устранили всех своих идеологических противников; непогрешимость партии исключала всякую критику провозглашенных ею догм. Продолжение дискуссии между приверженцами особого русского пути и теми, кто его отрицал, отныне стало возможным лишь в эмиграции. Здесь безусловную инициативу захватили радикальные критики Запада.

Хотя во многом они опирались на традиционное славянофильство, их критика содержала и ряд существенно новых положений. Революционный катаклизм 1917–1920 гг. взорвал старые идеологические схемы. Качественно новая точка зрения нашла свое выражение

¹⁴³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 402.

уже в появившейся в 1920 г. работе лингвиста Николая Трубецкого "Европа и человечество". Доводы Трубецкого принципиально отличались от аргументации его предшественников – славянофилов и панславистов. Коренное противоречие эпохи, по Трубецкому, – не в противостоянии славян и западноевропейцев, а в конфликте между Европой и остальным человечеством. Европа считала себя венцом создания и даже не давала себе труда задуматься над собственным беспримерным эгоцентризмом, утверждает Трубецкой. Все европейское автоматически считалось универсальным, обязательным для всех. Самодовольство европейцев, не знающее границ, деморализует другие народы, продолжает Трубецкой. Они начинают стыдиться своих идеалов, ибо идеалы эти не совпадают с европейскими. Автор "Европы и человечества" не рассматривает Россию как европейскую державу, для него она – часть остального мира, духовно и материально поработанного Европой. России предстоит присоединиться к всемирному восстанию неевропейцев против засилья старого континента. Но бунт против Европы должен быть нацелен не только на Европу – в первую очередь он должен происходить внутри: неевропейцы обязаны преодолеть внушенное Западом предубеждение против мнимой неполноценности их собственной культуры, они должны разоблачить эгоизм, который скрывается за хваленым универсализмом европейцев.

Довольно скоро у Трубецкого нашлись единомышленники, исходившие, как и он, из непримиримого противоречия между Востоком и Западом. В 1921 г. вышла книга группы авторов с программным названием "Исход к Востоку". Так возникло движение, получившее название евразийства.

Чаяния славянофилов, их надежды на особую роль славянства не оправдались¹⁴⁴, писали издатели книги. Вот почему евразийцы обратили свой взор на Восток, к народам, населяющим Российскую империю. Ни одно

¹⁴⁴ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921. С.VII.

европейское государство не может сравниться с Россией, говорится далее в книге "Исход к Востоку", ибо Россия – не нация в обычном смысле слова, но целый континент – Евразия: "Русские люди и люди народов "Российского мира" не суть ни европейцы, ни азиаты. Слияясь с родною и окружающею нас стихией культуры... мы не стыдимся признать себя – евразийцам»¹⁴⁵.

По убеждению евразийцев, европейские формы жизни неприменимы к России. Они для нее слишком узки. Как писал Н. Трубецкой, русский панславизм представлял собой не более чем карикатуру на пангерманизм и был нежизнеспособен¹⁴⁶.

На евразийском континенте сложился симбиоз культур, по сути дела не имеющих себе равных. Особо подчеркивают евразийцы легкость, с которой русские усвоили многие элементы восточных культур. Ничего подобного не произошло во взаимоотношениях России с Западом. Западные ценности не удалось соединить с русскими, они не вошли в плоть и кровь народа. Лучшее доказательство этому – неудача петровской реформы. Никакой завоеватель не сумел разрушить *русскую национальную культуру* так, как это сделал Петр, – пишет Трубецкой. И революция 1917 г. – таково убеждение евразийцев – была не чем иным, как возмущением народа против дела Петра Великого, она была следствием раскола нации, в котором повинен царь-преобразователь¹⁴⁷.

В разработке концепции евразийства приняли участие этнологи, географы, языковеды, историки, правоведы и пр. Это разительно отличает евразийство от большинства идеологий, возникших в Европе между двумя мировыми войнами. Тут за дело взялись не дилетанты и политические

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Трубецкой Н. Об истинном и ложном национализме. В кн.: Исход к Востоку... С. 84.

¹⁴⁷ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин, 1925. С. 35–39; Флоровский Георгий. О патриотизме праведном и греховном. В кн.: На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая, М. – Берлин, 1922. С. 230–293; Alexejew N. Das russische Westertum. Der russische Gedanke 1 (1929/1930). S.149–162.

доктринеры, а люди, прошедшие научную школу, владевшие искусством изощренного анализа. Вот почему воздвигнутое евразийцами построение не так просто было повалить, хотя большинство русских эмигрантов было изрядно шокировано их откровениями. Так, совершенно по-новому оценивалась евразийцами эпоха господства татар на Руси. До сих пор татаро-монгольское иго считалось самой трагической страницей русской истории. Евразийцы, напротив, его прославляли. Не Киевская Русь, доказывали они, была прямой предшественницей русского царства, а держава Чингисхана. Киевская Русь занимала всего лишь одну двадцатую часть нынешней российской территории. Империя монголов территориально почти совпадала с современной Россией. Чингисхан стоит у истоков грандиозной идеи единства Евразии; в XVI столетии Москва перенимает от татар эту идею.

Катаклизмы XX в. привели к тому, что в Евразии возникла альтернатива доселе господствовавшей в мире европейской цивилизации. Евразиец Петр Савицкий патетически вопрошал: "Не уходит ли к Востоку богиня культуры, чья палатка столько веков была раскинута среди долин и холмов Европейского Запада? ... Не уходит ли к голодным, холодным и страждущим? ..." ¹⁴⁸.

На первый взгляд этот вопрос повторяет слова Достоевского, призывавшего русских отвернуться от неблагодарного Запада и обратить взгляд на Азию. На самом деле речь идет о другом. Достоевский не подвергал сомнению европейский характер русской культуры. Наоборот, русские с их способностью вчувствования в тончайшие нюансы европеизма для Достоевского – больше европейцы, чем сами жители Европы. Но так как надменные европейцы не желают признать за русскими это преимущество, нам следует устремить наш цивилизаторский порыв в сторону Азии: "В Европе мы были приживальщики

¹⁴⁸ Савицкий Петр. Поворот к востоку. В кн.: Исход к Востоку... С. 3.

и рабы, а в Азию явимся господами, В Европе мы были татарами, а в Азии мы европейцы".¹⁴⁹

С рассуждениями евразийцев эта мысль мало согласуется. Если уж искать духовных предков евразийства, то скорее придется признать сходство с Константином Леонтьевым, которому тоже хотелось отгородить Россию от Запада глухой стеной. Леонтьев указывал на туранский компонент национального характера русских: "Только из более восточной, из наиболее, так сказать, азиатской – Туранской, нации в среде славянских наций может выйти нечто от Европы духовно независимое"¹⁵⁰. Вместе с тем между взглядами Леонтьева и евразийством существуют принципиальные различия. Леонтьев – в противоположность евразийцам – не отвергал западную культуру как таковую. Его критика была в первую очередь направлена на буржуазный и демократический дух, который восторжествовал, как казалось Леонтьеву, в этой культуре в результате Французской революции. Все симпатии Константина Леонтьева принадлежали старой, феодально-аристократической Европе.

Таким образом, отыскать прямых предшественников евразийства среди русских мыслителей прошлого нелегко. Радикально порывая со всеми феноменами западно-европейской культуры, выдвигая в истории русской государственности на передний план татаро-монгольское наследие и призывая чуть ли не весь мир подняться против господства Европы (тут у евразийцев были очевидные точки соприкосновения с большевиками), идеологи евразийства по существу встали на новый путь. Взвинченная риторика, странноватый комплекс идей евразийства отвечали революционному характеру эпохи, породившей их концепцию.

Но с такими же крикливыми декларациями, с не менее причудливыми идеями выступали в те годы и некоторые

¹⁴⁹ Достоевский, Федор. Дневник писателя за 1877 год, Париж, YMCA-Press, с. 609.

¹⁵⁰ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. СПб., 1885–1886. Т.1. С. 285.

властители дум в Германии. И они тоже грезили о преодолении гегемонии Запада, а заодно – о разрушении традиционных принципов цивилизации.

Не "восстание масс" (Х. Ортега-и-Гассет), а бунт интеллектуальных элит – вот что нанесло гуманизму самый ощутимый удар, писал об этом в 1939 г. русский историк и публицист Георгий Федотов¹⁵¹. Наглядным подтверждением этих слов может служить так называемая консервативная революция в Веймарской республике. Подобно евразийству, консервативная революция насчитывала в своих рядах немало рафинированных умов и блестящих стилистов. В отличие от нацистских демагогов они подкапывались не только под политический, но и под духовный фундамент первой немецкой демократии. Хотя у "консервативных революционеров" были кое-какие предтечи (непрямые предшественники были и у евразийцев), как особое явление консервативная революция приобрела отчетливые черты лишь в связи с событиями 1918–1919 гг. Без "переживания войны", без Версаля и без Веймара подобный идеологический феномен едва ли был возможен.

Само по себе обозначение "консервативная революция", оксюморон, составленный из несовместимых понятий, говорит о необычности, парадоксальности того, что под ним подразумевалось. "Национальная спесь, не желающая... смириться с военным поражением, – пишет в этой связи политолог Ханс Бухгейм, – пока что еще не могла двинуться на своего врага и потому ополчилась против собственного государства, как если бы ликвидация этого государства была первым условием национального возрождения"¹⁵².

В то же время – и это резко отличало их от большевиков – сторонники консервативной революции отрицали настоящее не во имя "светлого будущего", а ради торжества старой, восходящей к средневековью имперской идеи. И здесь параллели с евразийством особенно

¹⁵¹ Федотов Г. К смерти или к славе. В кн.: Новый Град 14 (1939). С.102.

¹⁵² Buchheim Hans. Das Dritte Reich. Grundlagen und politische Entwicklung. München, 1958. S. 54.

бросаются в глаза. Радикальная новизна, говорил Н. Трубецкой, есть не что иное, как обновленная далекая старина; всякое радикальное обновление апеллирует к древнему, а не к недавнему прошлому. Трубецкой имел в виду отталкивание евразийцев от послепетровской России во имя Святой Руси. В свою очередь немецкие "консервативные революционеры" отвергали эпоху Вильгельма II и прославляли средневековый рейх.

Для них тяжелые условия Версальского договора (впрочем, не более тяжелые, чем условия, продиктованные Германией большевистскому правительству в Брест-Литовске) были достаточным основанием для того, чтобы разнести в щепы существующий европейский порядок. Уязвленное национальное самолюбие – вот что стало господствующим мотивом их умонастроения и основой их тактики; утолить эту боль не могли никакие ссылки на общее европейское и христианское наследие.

"Мы – народ в узах, – писал в 1923 г. Артур Меллер ван ден Брук, одни из зачинателей консервативной революции. – Тесное пространство, в котором мы зажаты, чревато опасностью, масштабы которой непредсказуемы. Такова угроза, которую представляем мы, – и не следует ли нам претворить эту угрозу в нашу политику?"¹⁵³

Отвращение к Западу и либерализму у немецких антизападников приняло, пожалуй, еще более решительные формы, чем у евразийцев. Несомненно, это было вызвано тем, что в Германии радикальные идеологи обратили свою критику прежде всего против внутривнутриполитического противника, то есть против политического строя, установившегося после 1918–1919 гг. Евразийцы же рассматривали своего политического контрагента внутри страны – большевизм – при всех оговорках все-таки как альтернативу западной демократии¹⁵⁴.

¹⁵³ См. *Moeller van den Bruck Arthur. Das Dritte Reich. Hamburg, 1931; Moeller van den Bruck A. Der politische Mensch. Breslau 1933. S. 32–43, 69–71, 110–111, 121–122.*

¹⁵⁴ См. *Luks Leonid. Die Ideologie der Eurasier im zeitgeschichtlichen Zusammenhang. B.: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 34 (1986). S. 374–395.*

Многое из того, что присуще было советскому режиму – террор и в особенности культурную политику советской власти, – евразийцы не принимали. Пропагандируемая большевиками так называемая пролетарская культура, говорили они, на самом деле – лишь примитивное подражание все той же западной культуре. Вместе с тем евразийцы считали особой заслугой большевиков то, что те сумели в значительной мере восстановить распавшуюся в 1917 г. Российскую империю. С сочувствием отнеслись евразийцы и к солидаризации советского государства с колониальными народами в их борьбе против европейских метрополий¹⁵⁵.

Что касается "консервативных революционеров", то их отношение к собственному государству было непримиримым. Заимствованный у Запада либерализм был объявлен смертельным врагом немцев – да и всего человечества. Для Мёллера ван ден Брука либерализм – "моральный недуг народов": он являет собой свободу от убеждений и выдает ее за убеждение¹⁵⁶. Здесь отчетливо слышится характерная для певцов консервативной революции наставительная, морализаторская нота. Гуманизм для авторов, находящихся под впечатлением несправедливого Версальского договора и потому готовых разрушить весь мир, – это "слюни", предмет насмешек, что не мешает им, не моргнув глазом, обвинить либералов и либерализм в нравственном индифферентизме.

Неудивительно, что этот морализирующий аморализм, который дает незамедлительное отпущение грехов собственным неправедным деяниям, а противника клеймит как неисправимого злодея, – так притягательно действовал на многих.

Вовлечение Германии в круг либерально-демократических государств – результат, интриг коварного Запада, считает Мёллер ван ден Брук. Сам то Запад, продолжает идеолог «консервативной революции», к либеральному яду

¹⁵⁵ См. *Трубецкой Н.* Мы и другие. В: Евразийский временник. Книга четвертая. Берлин, 1925. С.77.

¹⁵⁶ *Moeller van den Bruck Arthur.* Das Dritte Reich.

нечувствителен, на самом, деле никто там не верит всерьез в принципы либерализма. А вот в Германии их принимают за чистую монету. Не видят, что либерализм несет с собой разложение и гибель. Западные державы не сумели одолеть немцев в честном бою – и теперь пытаются погубить Германию с помощью революционной и либерально-пацифистской пропаганды. И глупые немцы покорно глотают эту отраву¹⁵⁷.

То, что немецкое Верховное командование в 1917 г. обеспечило Ленину беспрепятственный проезд в Россию, то, что оно рассматривало экспорт революции как законное средство борьбы с противником, попросту сбрасывалось со счетов. Нужно было любой ценой отвлечь внимание от собственной вины и собственной несостоятельности. Тем громче и назойливей были инвективы против мнимого врага. Герман Раушнинг, в прошлом сторонник консервативной революции, находил позднее, что мифы и легенды, которыми было окутано поражение Германии в Мировой войне, довели страну до состояния, близкого к массовому помешательству. По его словам, самые благородные планы и начинания не в силах удержать нацию, находящуюся в подобном состоянии, от движения к пропасти¹⁵⁸.

Таким же безграничным, как их мания величия, было упоение "консервативных революционеров" национальными бедами. Теперь оказывалось, что единственное средство утолить страдания немцев – это мировое господство. "Владычество над землей – таково средство сохранить жизнь, предоставленное... народу перенаселенной страны, – считает Мёллер ван ден Брук. – Вопреки всем противоречиям, устремления людей в нашей перенаселенной стране направлены к единой цели: нам необходимо пространство"¹⁵⁹.

О геополитическом переустройстве мира толковали и евразийцы. Однако их программа не имела ничего общего с мечтаниями веймарских интеллектуалов. Евразийцев инте-

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ *Rauschnig Hermann*. The Conservative Revolution. New York, 1941.

¹⁵⁹ *Moeller van den Bruck Arthur*. Das Dritte Reich. S. 63, 71–72.

ресовала не власть над миром, а идейная рама для единой многонациональной российской державы. Они понимали, что пролетарский интернационализм, на основе которого большевики сплотили заново развалившееся было государство, долго не продержится. Цементировать государство он не может. Сегодня мы видим, что их сомнения были оправданы. Национальные чувства у рабочих, как правило, выражены сильнее, чем классовая солидарность, утверждал в 1927 г. Трубецкой. Чтобы оставаться единым государством, Россия должна найти другую основу для своей консолидации, и такой основой может быть только евразийство, апеллирующее к тому общему, что есть у всех российских народов¹⁶⁰.

Перед глазами евразийцев вставало видение краха большевиков в результате торжества евразийской идеи. Они гордились тем, что их движение нашло отклик не только в эмигрантской среде, но и в самой России. Евразиец Чхеидзе даже выражал надежду (1929), что постепенно удастся преобразовать большевистскую партию в партию евразийства. И в этом отношении он был в рядах движения не одинок¹⁶¹.

Евразийцы были выраженными изоляционистами. Они не собирались спасать Европу, но хотели, как некогда Леонтьев, оградить Россию от губельного, как им казалось, западного влияния. В Германии же – если вернуться к консервативной революции – критики Запада мечтали о новом вооруженном походе против западных держав. Война была, по их убеждению, той стихией, где немец чувствует себя вольготно. Эрнст Юнгер писал, что немец, обряженный и гражданское, буржуазное одеяние, выглядит смехотворно. Почему? Да потому, что он по своей натуре бесконечно далек от идеи индивидуальной свободы и, следовательно, от буржуазного общества¹⁶².

¹⁶⁰ Трубецкой Н. Общеевропейский национализм. В: Евразийская хроника 9 (1927). С. 24-30.

¹⁶¹ См. Luks L. Die Ideologie der Eurasier

¹⁶² Jünger Ernst. Der Arbeiter. Herrschaft und Gestalt. Hamburg, 1932.

Существует только одна масса, которая не вызывает смеха: это армия, – добавляет Юнгер¹⁶³. Освальд Шпенглер вещает: "История государств есть история войн. Идеи, требующие решений..., отстаивают не словами, а силой оружия"¹⁶⁴. Британский историк Льюис Немиер даже называет войну одной из форм немецкой революции¹⁶⁵. Похоже, что спасение, которое чаяли обрести последователи консервативной революции в "переживании войны", оправдывает этот тезис.

Американский историк Генри Тёрнер полагал, что первая мировая война поставила под вопрос старинный европейский идеал храбрости. Анонимное, методическое истребление людей дезавуирует традиционные воинские добродетели. Для миллионов людей вера в личный героизм стала абсурдом. Как бы вторя Тёрнеру, другой, немецко-американский историк Вольфганг Зауэр говорит о мощном пацифистском брожении в послевоенной Европе; это брожение грозило, по его мнению, развенчать самый образ солдата¹⁶⁶.

Успех воинственной и прославляющей войну право-экстремистской идеологии в период между двумя войнами, прежде всего в Германии и Италии, начисто опровергает этот тезис. Гипноз войны, всесокрушающей военной техники был куда сильнее, чем всякие сомнения относительно смысла войны. Этот примечательный феномен еще в 1928 г. привлек внимание немецкого публициста Морица Юлиуса Бонна. Идеализация войны, писал он, – анахронизм, война в наше время – это не наивно-безотчетное упоение битвой, как во времена легендарных героев, современная война – это машина, это предприятие по мас-

¹⁶³ *Jünger Ernst*. Der Kampf als inneres Erlebnis. 5 Aufl. Berlin, 1933.

¹⁶⁴ *Spengler Oswald*. Preußentum und Sozialismus. München, 1920. S. 52–53.

¹⁶⁵ *Namier Lewis*. The Course of German History. B: Facing East. London, 1947. P. 25–40.

¹⁶⁶ *Turner Henry A*. Faschismus und Kapitalismus in Deutschland. Göttingen, 1972. S.168–169; *Sauer Wolfgang*. National Socialism: Totalitarianism or Fascism? B: The American Historical Review, 1967. P. 411.

совому уничтожению людей. И все-таки такую войну прославляют!¹⁶⁷

Немецким противникам парламентской демократии она представлялась "нерыцарственной". Ноябрьская революция 1918 г. оказалась неспособной защитить страну, писал Эрнст Юнгер. Она обернулась против солдат на фронте. Мужество, честь, мужская стойкость – эти понятия были ей чужды¹⁶⁸. Освальд Шпенглер с презрением пишет о "неописуемо безобразных" ноябрьских событиях: "Никакого величия, ничего вдохновляющего. Ни одной по-настоящему крупной фигуры. Ни единого слова, выдерживающего испытания временем. И даже ни одного отважного преступления"¹⁶⁹.

Поборники консервативной революции повторяют избитый тезис консерватизма: либерализм враждебен живой жизни. Либерализм разрушает народную общность, поощряет низменные эгоистические устремления индивидуума. В атомизированном либеральном социуме на переднем плане оказывается не служение общему делу, а эгоизм, себялюбие, собственные корыстные интересы¹⁷⁰.

Эти заявления почти буквально совпадают с критикой Запада у евразийцев. Правовед Н. Алексеев считает, что борьба за права индивидуума – центральный мотив всей европейской культуры. Сперва боролись за свои права сословия, со времен Ренессанса начинается борьба личности за свои собственные права. Что же касается обязанностей по отношению к обществу, то различные

¹⁶⁷ См. *Landauer/Honegger*. Internationaler Faschismus. Karlsruhe. 1928. S. 131–132.

¹⁶⁸ См. *Bastian Klaus-Friedrich*. Das Politische bei Ernst Jünger. Heidelberg, 1963. S. 66.

¹⁶⁹ *Spengler Oswald*. Preußentum und Sozialismus. S. 11.

¹⁷⁰ См. *Moeller van den Bruck Arthur*. Das Dritte Reich; *Schmitt Carl*. Der Hüter der Verfassung. Tübingen, 1931; *Schmitt Carl*. Legalität und Legitimität. München-Leipzig, 1932; *Schmitt Carl*. Der Begriff des Politischen. 4. erw. Aufl., Berlin, 1963.

заинтересованные группы смирились с ними лишь после упорного сопротивления¹⁷¹.

Внутренне расколотому Западу евразийцы пытались противопоставить русский идеал общественной гармонии, выпестованный православием. В православном мире, по их мнению, царит не эгоистическая грызня индивидуумов, не конфликт, а мир – человеческая солидарность. Этот гармонический идеал будто бы придавал древнерусскому обществу беспрецедентную однородность¹⁷².

Альтернативу либеральной общественной модели выдвигали и "консервативные революционеры". Но для них это было общество, облагороженное военным энтузиазмом 1914 г. Летом Четырнадцатого года немцы, охваченные единым порывом, казалось, преодолели все свои политические, социальные и межрегиональные раздоры. Нация, доселе разрываемая противоречиями, "больше не знала никаких партий". Идеалы 1914 г. «преданы» Веймарской демократией. Поэтому она представляла собой в глазах "консервативных революционеров" нечто временное, промежуточное и эфемерное. На смену ей придет "Третья империя" и, как в Четырнадцатом, борьба правых и левых, столкновения католиков с протестантами, противоборство Юга и Севера – отпадут сами собой.

Для Карла Шмитта веймарская либеральная интермедия по сути вообще не была государством. Отдельные сегменты общества (партии, союзы, связанные общими интересами, и т.п.) захватили власть в стране и злоупотребляют ею ради собственной выгоды. Государство как воплощение общего дела практически упразднено; Шмитт темпераментно доказывал необходимость президентского правления, то есть режима во главе со "стражем конс-

¹⁷¹ Алексеев Н. Н. Обязанность и право. В: Евразийская хроника 10 (1928). С. 19–26.

¹⁷² Шахматов Мстислав. Подвиг власти (Опыт по истории государственных идеалов в России). В: Евразийский временник 3 (1923). С. 55–80; Шахматов М. Государство правды (Опыт по истории государственных идеалов в России). В: Евразийский временник 4(1925). С. 268–304; Сувчинский Петр. Страсти и опасности. В: Россия и латинство. Сборник статей. Берлин, 1923. С. 27–29.

титуции" – рейхспрезидентом. Новое, чиновничье государство должно оградить себя от разлагающего влияния общества, с тем чтобы заново вести политику в традиционном смысле слова¹⁷³.

В 1930 г. грезы Шмитта осуществились. В Германии установился якобы надпартийный президентский режим. Он все больше ускользал от общественного контроля и в конце концов, в январе 1933 г., выдал государство его смертельным врагам.

И русские евразийцы, и немецкие "консервативные революционеры" усматривали неисцелимый недуг либерального, иначе законодательного, государства в его мнимой неспособности принимать решения, справляться с "критическими ситуациями". В законодательном государстве, сетует Карл Шмитт, распоряжаются не люди и не начальство, а законы. Исконное и нерушимое понятие власти подменено абстрактными нормами¹⁷⁴.

Ученик Шмитта Эрнст Форстхоф добавляет: честь и достоинство – личностные категории; правовое государство устраняет все личное; поэтому оно не знает понятий чести и достоинства¹⁷⁵.

Так в стане консервативной революции распространилась мечта о настоящем хозяине – тоска по Цезарю. Харизматический вождь, явление которого еще и XIX и начале XX в. предрекали, одни с тревогой, другие – связывая с ним великие надежды, некоторые видные европейские умы¹⁷⁶, должен был заменить господство вневличных институтов владичеством воли.

Цезаристская идея имеет в Западной Европе давнюю традицию. Еще Макиавелли был одержим мечтой о властителе, чьи деяния и свершения вызволят Италию из-под гнета старых установлений, о вожде, который объединит страну. Образцами для Макиавелли служили

¹⁷³ *Schmitt Carl*. Der Hüter der Verfassung.

¹⁷⁴ *Schmitt Carl*. Legalität und Legitimität.

¹⁷⁵ *Forsthoff Ernst*. Der totale Staat. Hamburg, 1933. S. 13, 20.

¹⁷⁶ См. *Nietzsche Fr*. Gesammelte Werke. München, 1926. Bd. 19. S. 273; *Weber Max*. Gesammelte politische Schriften. 2. Aufl. Tübingen, 1958. S. 21.

кондотьеры эпохи Возрождения. Эти люди поднялись из низов, всем были обязаны самим себе и благодаря своим выдающимся талантам стяжали славу и власть. Кондотьеры сметали древние династии и отжившие институты, смело вводили новый порядок в своих государствах. Таким же новым Цезарем, но в несравненно большем масштабе, был и Наполеон.

Кризис парламентарной системы, с особой остротой поразивший после 1918 г. Италию и Германию, подогрел в обеих странах тоску по харизматической личности. В лице этого сверхчеловека должен был возродиться исконно-личный характер политики. Отныне пусть снова властвуют герои, а не доктрины, классы или анемичные учреждения.

Эрнст Никиш, приверженец консервативной революции, впоследствии отошедший от нее, писал в 1936 г.: "(Немецкая буржуазия) насытилась безликой законностью, презирала свободу, охраняемую законом; эти массы хотели служить конкретному человеку, преклониться перед личным авторитетом, перед диктатором... Неожиданные зигзаги, прихоть и произвол "вождя" они готовы были предпочесть строгой предсказуемости раз и навсегда гарантированного законного порядка"¹⁷⁷.

В своих поисках альтернативы либерализму евразийцы значительно отличались от "консервативных революционеров".

Прежде всего им была совершенно чужда мечта о "цезаре". Новая власть, новый порядок должны были в первую очередь ориентироваться не на личности, а на идеи. Европа, подчеркивали идеологи евразийства, вступила ныне в идеократическую эру. Справиться с нынешним кризисом может только великая, пронизывающая все сферы жизни идея. Идеи такого масштаба должны стать

¹⁷⁷ *Niekisch Ernst*. Das Reich der niederen Dämonen. Hamburg, 1953. S. 87.

основанием для нового типа государственного правления, который евразийцы окрестили идеократией¹⁷⁸.

Здесь они опирались на традицию, глубоко укорененную в России. В конце концов и царское самодержавие, и диктатура большевиков были идеократическими системами. Вместе с тем русской традиции были чужды цезаристские грезы. И до, и после революции в России имела место лишь в ограниченной степени автономия внеличных социальных и политических институтов, равно как и автономия внеличных правовых норм. Вот почему уповать на "Цезаря", который придет и отменит либеральное государство, лишённое "субстанции" и "величия", для русских условий было бы неестественно. В русской истории практически не фигурировало ни одного "цезаристского" деятеля. В России были цари, осуществлявшие порой не менее радикальные нововведения, чем западные "цезари"; но речь при этом шла об эзотастических реформах сверху, и проводились они легитимными властителями страны. То же можно сказать о почитании царя низшими слоями народа: оно имело мало общего с западным поклонением "Цезарю". Царя почитали не столько благодаря его личным качествам и поступкам, сколько ради выполняемой им функции. В нем видели защитника православной веры, он был естественным завершением освященного религией политического порядка.

Не будучи вполне беспочвенным в русской традиции; евразийство как духовное образование имело весьма мало общего со своими советскими современниками. Мечты о Святой Руси, об утраченных корнях, были абсолютно чужды тогдашней советской интеллигенции. В Советской России 20-х годов царил исторический оптимизм и культ будущего. Атеистическая и материалистическая пропаганда, которая шла рука об руку с преследованиями церкви, добилась значительного успеха среди широких масс. Популяризация чудес науки и техники была призвана вытеснить и заменить

¹⁷⁸ Трубецкой Н. О государственном строе и форме правления. В: Евразийская хроника 8 (1927). С. 3–9. Евразийство. Опыт систематического изложения. Париж, 1926. С. 52–55.

веру в религиозные чудеса. Науковерие в большевистской России в самом деле приняло почти религиозный характер. Россия переживает эпоху наивного Просвещения, писал в 1930 г. Георгий Федотов. Материализм обретает статус нового вероучения¹⁷⁹.

Что же касается идеологии евразийцев, то ее культурно-пессимистический компонент по сути отражал процессы, которые шли в Западной Европе, а не в России. Да и в своей критике парламентаризма и эгоизма партий и разного рода заинтересованных групп евразийцы опирались в первую очередь не на русский, а на западноевропейский опыт. В России не было кризиса парламентской системы со всеми сопровождающими его явлениями – просто потому, что парламентаризм западного покроя здесь не успел развиться.

Евразийцы предпринимали отчаянные усилия к тому, чтобы "шагать в ногу" с послереволюционной Россией, пытались отождествить себя с нею, Тем не менее весь их духовный настрой куда больше роднил их с Западной Европой, чем с соотечественниками в СССР. В конечном счете они сами принадлежали, нравилось им это или нет, к европеизированному верхнему слою, гибель которого в революции они почти безоговорочно приветствовали. И тут снова приходится констатировать их отличие от "консервативных революционеров" в Германии. Эти были выразителями настроений значительной части своего народа. Их мечты о "Третьем рейхе", их радикальный антимодернизм, отказ от просветительско-либеральной традиции – все это было вполне в духе времени. Консервативная революция была симптомом кризиса модернизации, который уже на переломе столетия охватил западный мир и с особой остротой проявился в "запоздавших" странах, таких, как Германия или Италия.

Мировой экономический кризис 1929 г. нанес еще один удар по либеральному мировоззрению. Рухнула вера в то, что либеральная система способна к саморегуляции.

¹⁷⁹ Федотов Георгий. Новая Россия. В: Современные записки. 1930. С. 297.

Свободная игра экономических сил, принцип конкуренции оказались не в состоянии предотвратить небывалый хозяйственный крах.

Впрочем, зашаталась не только либеральная модель. Кризис испытало и марксистское мировоззрение, – кризис, похожий на то, что произошло спустя много лет, в 1989 г. Вспомним еще раз Федотова: еще в 1931 г. он писал, что идея социальной справедливости и защиты угнетенных явно потеряла привлекательность; вместо этого в Европе повсеместно растет самый безудержный национальный эгоизм, готовый оправдать всякое распространение собственной нации в ущерб другим народам¹⁸⁰.

Оказалось, что либерализм и марксизм переживают общую судьбу, что ров между ними не так уж глубок, как казалось вначале.

Что же связывало неуступчивый и нетерпимый, притязающий на владение абсолютной истиной марксизм с релятивистским и плюралистичным либерализмом? В первую очередь это была и осталась вера в разум, в человеческую способность овладеть как природными, так и социально-экономическими процессами. Оба мировоззрения торжествуют в эпохи, когда господствует вера в науку и прогресс. Когда уже увядает эта вера, бьет час идеологов культурного пессимизма, певцов иррационализма, – бьет час консервативной революции. В 1927 г. Гуго фон Гофмансталь определил консервативную революцию как восстание против невыносимо-неромантического девятнадцатого века, как поиск связей и уз, несовместимых со свободой. Эти искатели – не масса, а одиночки; своего рода нация одиночек¹⁸¹.

Элитарная поза "консервативных революционеров" – пре красная иллюстрация к этим словам. На так назы-

¹⁸⁰ Федотов Георгий. Социальный вопрос и свобода. В: Современные записки 47 (1931). С. 421–438; Федотов Г. Сумерки отечества. В: Новый Град 1 (1931).

¹⁸¹ Hugo von Hofmannstahl. Schrifttum als geistiger Raum der Nation. В: H.v. Hofmannstahl. Gesammelte Werke. Prosa. Bd. 4. Frankfurt/Main, 1955. S. 390–413.

ваемые народные массы, равно как и на массовые партии, "консервативные революционеры" взирали сверху вниз. С их точки зрения эти партии были неотъемлемой частью веймарской системы, внушавшей им отвращение. Многие представители консервативной революции посмеивались над планами Гитлера совершить в Германии "легальную революцию" с помощью избирательных бюллетеней. Эрнст Юнгер считал, что, пересев на парламентского коня, Гитлер лишь демонстрирует свою ослиную глупость. Эрнст Никиш добавлял (в 1932 г.): кто избегает открытого столкновения, – как Гитлер – тот уже побежден¹⁸².

Некоторые круги консервативной революции – и прежде всего группа, объединившаяся вокруг журнала "Ди Тат" ("Деяние") и его издателя Ганса Церера, – искали сближения с нацистской партией, пытаясь подчинить ее своему влиянию. В июле 1932 г. немецко-русский социал-демократ Александр Шифрин опубликовал статью о группе "Деяние". Замечания Шифрина во многом предвосхищают выводы современной исторической науки. Кружок "Деяние", писал автор, намерен использовать национал-социалистическое движение с целью осуществить "немецкий социализм". Однако и национал-социалисты сумели употребить этих союзников с пользой для себя, ибо получили духовную поддержку и дополнительные возможности инфицировать общественное мнение своей идеологией. Наивность таких людей, как Церер, не может служить для них, по мнению Шифрина, оправданием, эти люди "хотят быть обманутыми", хотят "соединить реакцию с социализмом"¹⁸³. Строго говоря, А. Шифрин в этом пункте все же заблуждался. "Консервативные революционеры", действительно, были поразительно наивны. Они считали себя хладнокровными политиками, их расчет был – позволить нацистам провести предварительную подготовку к последующей "подлинной" национальной революции. Решающим моментом подготовительной работы было свержение Веймарской респуб-

¹⁸² *Niekisch Ernst. Hitler – ein deutscher Verhängnis. Berlin, 1932.*

¹⁸³ *Schifrin Alexander. Adelfaschismus und Edelfaschismus. B: Die Gesellschaft 7 (1932). S. 97–108.*

лики. А там уж "консервативные революционеры" возьмут руководство в свои руки. Что же произошло? После 30 января 1933 г. они уже никому не были нужны. Вместо того чтобы пожать плоды чужой "работы", они сами расчистили путь нацистам.

Так существование консервативной революции оказалось неразрывно связанным с существованием столь нелюбимой "консервативными революционерами" Веймарской республики. Крушение Веймара – самый большой "успех" консервативной революции – разрушило и фундамент, на который опирались эти революционеры. В отличие от веймарских правительств большевики в России не терпели никаких идеологических конкурентов. Большевики рассматривали себя как победителей истории и в самом деле казались непобедимыми. Эта уверенность в себе не могла не произвести впечатления и на многих евразийцев. Отношение евразийцев к большевикам становилось все менее критичным.

В 1929 г. движение раскололось. В Париже образовалось просоветское евразийское крыло во главе с Сергеем Эфроном (мужем Марины Цветаевой) и князем Дмитрием Святополк-Мирским. Группа сплотилась вокруг газеты "Евразия". Позднее выяснилось, что Эфрон был агентом советской разведки. В тридцатых годах Эфрон и Святополк-Мирский вернулись в Советский Союз, где пали жертвой сталинского террора¹⁸⁴.

Параллелизм в мышлении евразийцев и "консервативных революционеров" бросается в глаза. Встает вопрос, существовали ли между ними прямые контакты, влияли ли друг на друга оба течения? Если это и было, то крайне редко. Петр Савицкий жалуется (в 1931 г.) на неожиданно вялый отклик немецкой общественности на публикации евразийцев. В таких странах, как Польша, Чехословакия, Югославия, дело обстояло иначе¹⁸⁵.

¹⁸⁴ См. *Струве Глеб*. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956. С. 73–77; *Струве Г.* Кн. Д.П. Святополк-Мирский о П.Б. Струве. В: Вестник Русского Христианского Движения 130 (1979). С. 232–236.

¹⁸⁵ *Савицкий Петр*. В борьбе за евразийство, 1931.

Может быть, слабое эхо евразийства в Германии объяснялось языковым барьером? Вряд ли. Антизападный манифест одного из отцов евразийства Н. Трубецкого "Европа и человечество", обнародованный в 1920 г., был переведен на немецкий язык уже в 1922 г. Весьма подробно писал о русских евразийцах в 1927 г. Ганс Римша в монографии "Зарубежная Россия"¹⁸⁶. Так что связывать неуспех евразийцев и Германии с языковыми препятствиями нет оснований. Скорее этот неуспех был связан с тем, что "заграничная Россия" интересовала публицистов консервативной революции куда меньше, чем советское государство. Они были загипнотизированы (как, впрочем, и сами евразийцы) большевистским экспериментом и хотели "учиться у Советского Союза, чтобы научиться побеждать Запад".

А как обстояло дело с реакцией евразийцев на идеи консервативной революции? Реакция тоже была сравнительно слабой. Правда, евразийцы внимательно изучали писания Освальда Шпенглера и других интеллектуалов Веймарской республики. Однако феномен консервативной революции как таковой занимал их очень мало. Среди немногих исключений нужно назвать статью А. Антипова "Новые пути Германии" в евразийском сборнике "Новая эпоха"¹⁸⁷. Автор анализирует программы разных группировок консервативной революции – от кружка "Деяние" до группы "Спротивление" во главе с Эрнстом Никишем. Антипов не мог не заметить сходства с евразийством. Например, он пишет о том, что эти "младонемецкие" группировки, как и евразийцы, – враги либеральной экономики, что они точно так же выступают за сильное, интервенционистское государство и хозяйственную автаркию, верят в могущество идей и отстаивают идеократический режим. Вместе с тем автор статьи "Новые пути Германии" не может скрыть своей тревоги по поводу геополитических

¹⁸⁶ *Rimscha Hans v. Rußland jenseits der Grenzen 1921–1926. Ein Beitrag zur russischen Nachkriegsgeschichte.* Jena, 1927. S.182–193.

¹⁸⁷ Антипов А. Новые пути Германии. В: Новая эпоха. Идеократия. Политика. Экономика. Обзоры. Ред. В. Пейль. Нарва, 1933. С. 35–43.

планов консервативной революции, фанатической веры в предназначение Германии установить новый порядок в Центральной и Восточной Европе. Такой порядок, по мнению Антипова, неминуемо приведет "молодую" Германию к столкновению с Россией.

Лишь очень немногие участники тогдашних событий видели, подобно А. Антипову, разительное сходство консервативной революции с идеологией евразийства, несмотря на то что оба течения развивались совершенно независимо друг от друга. Общим было у них прежде всего отталкивание от Запада и поиск альтернативы западной эволюционной модели. Этого общего знаменателя оказалось достаточно, чтобы сблизить всё мировоззрение.

Раскол 1929 г. нанес евразийскому движению удар, от которого оно уже не могло оправиться. Вторая половина 30-х гг. была временем его разложения. Таким образом, евразийство сошло со сцены приблизительно тогда же, когда угасла консервативная революция. Но в отличие от "консервативных революционеров" евразийцы, по-видимому, не оставили никаких идеологических следов. Третий рейх, провозглашенный в 1933 г., во главе с харизматическим "фюрером", все же являл собой, хоть и в карикатурной форме, осуществление некоторых надежд "консервативных революционеров". Евразийская же империя так и не возникла. Отныне доктрина евразийства представлялась всего лишь курьезом – закрытой страницей идейной истории русского Зарубежья.

Тем не менее в мире идей царят свои законы, чреватые всякими неожиданностями. Евразийским идеям, казалось бы, похороненным навсегда, суждено было спустя 50 лет пережить совершенно непредвиденное возрождение.

Крушение большевизма, этого идеологического контрагента евразийцев, способствовало в конце 80 – начале 90-х гг. обновлению их популярности. После того, как потерпел фиаско "пролетарский интернационализм", в России ищут новое знамя, под которым могли бы сплотиться все народы и конфессии евразийского континента. С новой силой

разгорелся спор о путях развития России. Для новых западников совершенно так же, как и для их предшественников в прошлом веке, Россия – европейская окраина, и только. Своеобразие этой страны, с их точки зрения, состоит прежде всего в ее "отсталости". Западная эволюция – это норма, и к ней рано или поздно должна будет приноровиться Россия.

Национально настроенные группировки считают такой взгляд далеким от действительности. Россия, по их убеждению, никогда не превратится и "нормальное" европейское государство. Российские институты, российские традиции настолько своеобразны, что механическое перенесение западных моделей на русскую почву неизбежно провалится.

Активным критиком неозападников – или, как их теперь иногда называют, "атлантиков" – является бывший советник президента Ельцина Сергей Станкевич. Он напоминает, что Россия более чем наполовину расположена в Азии и отделена от Запада поясом вновь возникших независимых государств. Россия сдвинулась на Восток, и правительство в Москве должно сделать из этого соответствующие выводы. Стремясь войти в клуб западных индустриальных наций, Россия ни в коем случае не вправе пренебрегать своим азиатским компонентом¹⁸⁸.

Позиция С. Станкевича расценивается многими как возрождение идеологии евразийства. В значительно более агрессивной форме эта идеология представлена людьми, группирующимися вокруг газеты "Завтра". Эти люди хотели бы на базе евразийской идеи восстановить советскую империю. Евразийские мотивы подхвачены и другими журналами и газетами.

Слабость нового евразийства – в том, что оно так и не сумело добиться широкого признания. Речь идет лишь об отдельных элитарных кружках – совершенно так же, как это было в 20–30-х гг. Для русских националистов евразийская

¹⁸⁸ Станкевич Сергей. Держава в поисках себя. Заметки о российской внешней политике // Независимая газета. 28.03.1992; Станкевич С. Россия, 1992-й. Предел допустимого // Комсомольская правда. 26.05.1992.

идея чересчур абстрактна, то же можно сказать и о большинстве интеллигентов в исламских республиках бывшего СССР. При всей своей оригинальности программа евразийства, судя по всему, вновь обречена на провал.

Перевод Б. Хазанова

Опубл. в «Вопросах философии», 3, 1996. По немецки в Gerd Koenen/Lew Kopelew, Hrsg., Deutschland und die russische Revolution 1917-1924, München 1998.

Глава 3

ФАШИЗМ, ЛЕНИНИЗМ, СТАЛИНИЗМ

3.1. БОЛЬШЕВИЗМ, ФАШИЗМ, НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ – РОДСТВЕННЫЕ ФЕНОМЕНЫ?

3.1.1. Заметки к одной дискуссии

I.

В центре внимания моих заметок – три движения или режима, взорвавшие все традиционные понятия политической науки. Цели, которых они пытались достичь, были сформулированы уже некоторыми радикальными мыслителями XIX в., однако вообще по характеру своему эти цели были совершенно утопическими. В XX в. выяснилось, однако, что эти утопии не столь далеки от жизни, как это представлялось вначале.

Осуществление утопических грез XIX столетия стало возможно не в последнюю очередь благодаря тому, что проводились они в жизнь действительно революционными методами. Уже первая мировая война с ее тотальной мобилизацией и высокоразвитой технологией уничтожения людей показала, на каком основании до сих пор базировалась европейская цивилизация. Не зря многими современниками эта война расценивалась как "мировая катастрофа". Все три движения, о которых мы говорим, – большевизм, итальянский фашизм, национал-социализм – обязаны своим возвышением именно этой войне. Однако первая мировая война, несмотря на революцию в технике уничтожения, которая ей сопутствовала, не руководствовалась какими-либо революционными целями. Цели участников войны, этой "мировой катастрофы", не взрывали рамок

традиционной великодержавной политики. И только режимам, возникшим на развалинах европейского порядка 1914 г., предстояло перевернуть все прежние представления о политике.

Классический тезис: "политика – искусство возможного" также был грубо осмеян ими. Искать компромисса с внутриполитическим оппонентом, как это было характерно для времен либерализма, им и в голову не приходило. Общий процесс эмансипации, развернувшийся в последнее столетие, приведший к освобождению общества из-под государственного контроля, новейшими тираниями был мгновенно свернут. Но в отличие от авторитарных государств старого толка деспотии XX в. не ограничились политическим подавлением своих подданных.

Они не только исключили общество из политики и атомизировали его, но и подчинили его идеологической доктрине. Прежнего, скептического человека, доставшегося им от либеральных времен, они постарались уничтожить и создать вместо него нового человека. Этот новый человек должен был слепо повиноваться вышестоящим и верить в непогрешимость вождя и партии.

Неудивительно, что в этом отношении большевизм, фашизм и национал-социализм, одновременно возникшие на исторической арене и знаменовавшие приход новой политической эпохи, многим авторам, в том числе и некоторым коммунистам, представлялись сущностно родственными явлениями.

В ноябре 1922 г., то есть вскоре после так называемого похода на Рим, один из коммунистических авторов писал о Бенито Муссолини:

"У фашизма и большевизма общие методы борьбы. Им обоим все равно, законно или противозаконно то или иное действие, демократично или недемократично. Они идут прямо к цели, попирают ногами законы и подчиняют все своей задаче"¹.

Несколько месяцев спустя Николай Бухарин добавил:

¹ Die Kommunistische Internationale 4.11.1922, S. 98.

"Характерным для методов фашистской борьбы является то, что они больше, чем какая бы то ни было партия, усвоили себе и применяют на практике опыт русской революции. Если их рассматривать с формальной точки зрения, то есть с точки зрения техники их политических приемов, то это полное применение большевистской тактики и специально русского большевизма: в смысле быстрого собирания сил, энергичного действия очень крепко сколоченной военной организации, в смысле определенной системы бросания своих сил (...) и беспощадного уничтожения противника, когда это нужно и когда это вызывается обстоятельствами"².

Эти и подобные тезисы лежали в основе теории тоталитаризма, которая подчеркивала поразительное сходство между коммунистическими и фашистскими режимами и движениями.

Верно ли, что большевистская тактика служила образцом для фашистов, а впоследствии для национал-социалистов? Верно ли, что своим первоначальным успехом они были обязаны в первую очередь той бескомпромиссности и воле к власти, которой научились от большевиков? Конечно, нет. В отличие от большевиков, ни фашисты, ни национал-социалисты не были в состоянии захватить власть в одиночку. Они нуждались в мощных союзниках и вербовали их себе в рядах господствующего истеблишмента Италии (или, соответственно Веймарской республики).

В своем очерке истории русской революции Лев Троцкий пишет, в частности, что одного-двух верных правительству и дисциплинированных полков было достаточно, чтобы предотвратить большевистский переворот. То, что таких подразделений не нашлось, свидетельствует о степени развала в российском государственном аппарате, достигнутой в промежутке между февральской и октябрьской революциями. Ни в Италии, ни в Германии не было и речи о подобной деморализации в правящих верхах. Послевоенный кризис их, разумеется, ослабил, но ключевые позиции в ап-

² Двенадцатый съезд РКПб, 1923. Стенографический отчет. М., 1968. С. 273.

парате власти они прочно удерживали в своих руках. Все революционные выступления, все попытки переворота как слева, так и справа ими успешно отражались. Из того обстоятельства, что в странах Запада практически невозможно оказалось захватить власть против воли правящей элиты, крайне правые очень скоро сделали соответствующие выводы. Они обнаружили большую гибкость, большую способность учиться, нежели Коминтерн. Если на Востоке коммунисты продолжали свои фронтальные атаки на государство, итальянские фашисты, а несколько позднее и национал-социалисты начали борьбу за тех, в чьих руках была сосредоточена власть. Они следовали двойственной тактике: подобострастно "легалистской" по отношению к правящей верхушке и бескомпромиссно насильственной – к "марксистам". Расходясь с существующей правовой системой ничуть не менее радикально, чем коммунисты, они вместе с тем подчеркивали, что сама их борьба, ведомая нелегальными методами, служит лишь восстановлению порядка и авторитета власти. "Фашизм возник вслед за социалистическим экстремизмом как логическое, закономерное (...) средство противодействия", – утверждал Муссолини в ноябре 1920 г. Гитлер сам в ходе мюнхенского процесса 1924 г. называл себя фюрером революции против революции. Но качественное различие между применением насилия справа или слева видели не только фашисты и национал-социалисты. Сходным образом мыслили многие итальянские и немецкие консерваторы, и это стало решающим фактором успеха крайне правых.

Гитлеровская идея "легальной революции", вызывавшая насмешки многих современников, в условиях Веймарской республики была явно предпочтительнее программы "пролетарской революции". Сходным образом дело обстояло и в Италии 1920-х гг. Там новый режим также возник не вследствие насильственного переворота, а на основе компромисса. Поэтому смена власти в том и другом случае не носила насильственного характера, как то было в случае большевистского выступления осенью 1917 г. Как фашисты, так и национал-социалисты пытались затушевать это об-

стоятельство, им тоже хотелось бы гордиться тем, что они открыли новую эру в истории. Поэтому в обоих случаях свой приход к власти они старались стилизовать под захват, может быть, и под революцию. Широкие массы сторонников двух этих движений воспринимали события 1922 г. в Италии и 1933 г. в Германии как своего рода революции. Вместе с тем, путь социальной революции в обеих этих странах был из-за заключения союза с консервативной правящей элитой закрыт. Территориальная экспансия оказалась, в сущности, тем единственным клапаном, через который можно было выпустить создавшееся при этом напряжение.

То, что тоталитарные режимы в России, с одной стороны, и в Италии и Германии, с другой – имели разные истоки, обусловило и различный характер этих режимов, в том числе и в более поздних фазах их развития. До конца 1950-х гг. эти различия нередко оставались без внимания западными теоретиками тоталитаризма.

Лишь в 1960-е гг. в теории начались заметные сдвиги. Чем более детальному исследованию подвергали фашизм, национализм, большевизм, тем больше обнаруживалось отличий. Поэтому некоторые даже поставили под вопрос само понятие фашизма³. Исследователи большевизма, со своей стороны, начали все жестче разделять сталинский, до- и послесталинский периоды развития советского государства⁴. Интенсивное изучение особенностей отдельных тоталитарных диктатур не сопровождалось сравнительным анализом. Исследования фашизма и коммунизма развивались теперь сравнительно независимо друг от друга, и у них становилось все меньше точек соприкосновения. Мало что изменил так называемый спор немецких историков

³ *Turner H.A. Fascism and Modernisation // World Politics 24, 1974, p. 547–564; Allardyce, G. What Fascism is Not: Thoughts on the Deflation of a Concept // American Historical Review 84, 1979, p. 361–388.*

⁴ *Cohen S.F. Bolshevism and Stalinism / Tucker R.C., Ed. Stalinism. Essays in Historical Interpretation. NY, 1977. Tucker R.C. Stalin as Revolutionary 1879–1929. NY, 1973. Hough J.F., Fainsod, M. How the Soviet Union is Governed. Cambridge / Mass 1979, p. 522 f. Deutscher I. Russia in Transition / Ironies of History. Essays on Contemporary Communism. L., 1967, p. 27–51.*

1986 г. Пытаясь снять с Третьего рейха и Освенцима клеймо исторической исключительности, Эрнст Нольте и его единомышленники указывали на множество параллелей между советским режимом и фашистским государством. Эти параллели давно известны, их подробно исследовали еще классические теоретики тоталитаризма. И если отвлечься от апологетических пассажей его работ, Нольте в "споре историков" не сказал ничего принципиально нового.

II.

В конце 1980-х гг., в пору горбачевской Перестройки, теория тоталитаризма неожиданно возродилась в Советском Союзе. В течение нескольких десятилетий она представлялась догматикам сталинского толка средством идеологической борьбы в руках классового врага – капиталиста. Вследствие горбачевских реформ расшатались некоторые догмы, прежде казавшиеся неколебимыми, что привело, в частности, к снятию табу с теорий тоталитаризма. Многие русские авторы с этого момента также начали, вслед за некоторыми западными коллегами, продолжая дело создателей теории тоталитаризма 1920-х гг., говорить о разительном сходстве между большевизмом и фашизмом⁵. Однако новейшие русские представители концепции родства двух феноменов, как и их предшественники, недооценивали тот факт, что между коммунизмом и фашизмом, по крайней мере в прошлом, существовала почти непреходимая пропасть.

Эта несопоставимость связана не в последнюю очередь с тем, что большевизм в идеологическом плане был укоренен в принципиально иной традиции, нежели фашизм, а в особенности национал-социализм. Большевики были

⁵ *Игрицкий Ю.И.* Концепция тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на Западе // История СССР, 6, 1990. С.172–190. *Gadshijew K.* Totalitarismus als Phänomen des 20. Jahrhunderts v: / *Jesse E.*, Hrsg.: Totalitarismus im 20 Jahrhundert. Eine Bilanz der internationalen Forschung. Baden Baden 1996, S. 320–339. *Хорхордина Т.Ш.* Архивы тоталитаризма (Опыт сравнительно-исторического анализа) // Отечественная история, 6, 1994. С.145–156.

страстными приверженцами веры в прогресс и науку, унаследованной от классиков марксизма.

Маркс развивал свои идеи в эпоху, когда в Европе господствовали позитивистский оптимизм, вера в прогресс. Научная революция начала XX в., в корне перевернувшая позитивистские верования в устойчивость материального мира и законов природы, не коснулась марксизма как системы. В начале века отдельные представители марксизма испытали влияние таких мыслителей, как Бергсон, Ницше, Владимир Соловьев или Эйнштейн, попытались соединить марксизм с некоторыми новыми идеями. Ленин принадлежал к числу наиболее ожесточенных противников подобного рода экспериментов. Нельзя исправлять Маркса, повторял он снова и снова. Партия – не семинар, на котором обсуждаются разные новые идеи. Это боевая организация с определенной программой и с четкой иерархией идей. Вступление в такую организацию влечет за собой безусловное признание ее идей⁶. Ленин оставался верен наивному материалистическому оптимизму XIX в., не имея достаточно полного представления о новых идеях и проблемах, затронутых европейской культурой в XX в. И этой его установке предстояло стать характерной для большевизма в целом.

Но у большевиков были и иные причины верить в прогресс – причины, неразрывно связанные с особенностями развития России. К началу века Россия оставалась промышленно неразвитой страной, технологический прогресс был ей остро необходим. На Западе же, напротив, индустриализация и урбанизация достигли к этому времени такой стадии развития, что породили сомнения в осмысленности самих этих процессов. Понять, в чем состояла сущность того кризиса модернизации, в котором находился Запад, большевики не могли. Они исходили из российской ситуации и полагали, что страна тем ближе подходит к решению всех своих социальных проблем, чем больше она производит промышленного продукта. Чтобы именно в Германии, крупнейшей индустриальной державе Европы, могло при-

⁶ Валентинов Н.В. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1979. С. 252 ссл.

дти к власти НСДАП, движение, отвергавшее модернизацию и мечтавшее об "аграрной Германии" – такого большевики не могли понять. Всякую критику в адрес научно-рационального и материалистического миропонимания они воспринимали как пережиток темных суеверий прошлого. Свою веру в науку они считали последним словом европейской культуры. Популяризация научных и технологических "чудес" должна была заменить в большевистской России веру в религиозные чудеса. И надо сказать, что в 1920–1930-е гг. вера в науку в России действительно приобрела почти религиозный характер.

III.

У национал-социалистов коммунистическая вера в прогресс, в будущее, могла вызвать лишь насмешку. Они не собирались плыть по течению истории. Напротив, они пытались любой ценой овладеть им, обратить его вспять. Повсюду им виделись приметы разложения и упадка, за которыми мерещились тени мощного всемирного заговора. "Закат Европы", по их мнению, можно было предотвратить, обезвредив инициаторов этого заговора, – евреев, масонов, плутократов и марксистов. К числу идеологических предтеч фашизма и национал-социализма относятся европейские пессимисты, еще на рубеже веков распространявшие видения близящегося заката европейской культуры. Одну из величайших опасностей, грозящих европейской цивилизации, они усматривали в так называемом "восстании масс". Организованное рабочее движение они считали наиболее опасной силой такого восстания. Чтобы противостоять этой опасности, угрожающей снизу, идеологические предшественники фашистов и национал-социалистов, такие, например, как социал-дарвинисты, предлагали пересмотреть существующие понятия морали. Так, по их мнению, не слабых и угнетенных нужно защищать от сильных, а наоборот, сильных и лучших – от слабых, то

есть от большинства, массы. Сострадание к слабому представлялось совершенно отжившей идеей⁷.

Позднее эту идею подхватили национал-социалисты. Они идеализировали законы биологической природы и пытались целиком перенести право сильного, царящее в природе, на человеческое общество.

По своей хозяйственной и социальной структуре Италия занимала промежуточное положение между Россией и Германией. Большая разница между Югом и Севером в уровне индустриального развития привела к тому, что в Италии одновременно разворачивались два противоположных процесса. С одной стороны, кризис модернизации, кризис либерализма со всеми его пессимистическими выводами, – как в Германии, с другой же – тенденция к модернизации отсталой части страны, как в России. Итальянский фашизм соединял в себе обе эти тенденции.

Немецко-русский социал-демократ Александр Шифрин писал в 1931 г.: в Италии есть самый современный фашизм внутри слабо развитого капитализма, в Германии же напротив, отсталый фашизм в сложном, высоко развитом и высоко чувствительном капиталистическом пространстве. Шифрин полагал, что попытка национал-социалистов реализовать их утопические социальные и хозяйственные проекты не выдержит жесткого отпора со стороны немецких капиталистов. Гитлер не понимал законов современного высокоиндустриализованного общества. Отсюда его ненависть к "сокрушительной мощи" крупного капитала⁸. Как считал Шифрин, большинству немецких капиталистов было ясно, что национал-социалистическое мировоззрение идет вразрез с важнейшими хозяйственными принципами тогдашнего немецкого общества. Однако он переоценивал дальновидность тогдашнего большинства немецких промышленных магнатов.

⁷ Zmarzlik, H. G. Der Sozialdarwinismus in Deutschland. Ein geschichtliches Problem // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1963, S. 246–273.

⁸ Schifrin A. Wandlungen des Abwehrkampfes // Die Gesellschaft, 4, 1931, S. 409 f.

Установку итальянских фашистов на модернизацию можно обозначить как промежуточную между позициями национал-социалистов и большевиков. Она была, с одной стороны, более оптимистичной, чем позиция национал-социалистов, но с другой стороны, в ней присутствовали пессимистические ноты, которых не было у большевиков. Либеральная парламентаристская система работала в Италии хуже, чем где-либо в Западной Европе, поэтому и критика парламентаризма в Италии была особенно остра. Здесь очень рано начались поиски альтернативы парламентско-демократической системе. Вопрос об обновлении, о возрождении правящей элиты был в Италии начала XX в. особенно насущным. Анализируя механизм образования элиты, итальянские мыслители достигли примечательных результатов.

Многие мыслители из других европейских стран работали над сходными проблемами и тоже создавали модели, по которым можно было бы заново создавать элиты. Однако в Италии критика существующей системы должна была иметь особенно весомые политические последствия, так как социально-политическая структура Италии отличалась необычайной лабильностью. Из-за этой лабильности Италии пришлось сыграть роль сейсмографа, особенно чувствительного к определенным политическим процессам в новой Европе. Возможно, поэтому Италия и стала первой европейской страной, в которой к власти пришло антипарламентаристское, праворадикальное массовое движение, ставившее целью обновление правящей элиты.

IV.

Для большевиков иерархически-элитарный принцип представлялся идеалом "реакционного", отмирающего класса. Идеал равенства они считали единственно возможной и оправданной целью массовых революционных движений. Эту веру большевики унаследовали от дореволюционной русской интеллигенции.

Русская интеллигенция, сама будучи элитой нации, считала, что кризис, в котором находилась Россия на рубе-

же веков, можно преодолеть не путем воссоздания новой, сильной и жизнеспособной элиты, а путем отказа от каких бы то ни было элит. Русская этика – этика эгалитаристская и коллективистская, пишет эмигрантский историк Георгий Федотов⁹. Из всех форм справедливости равенство для русских – на первом месте. Чувство вины русской интеллигенции перед собственным народом, возмущение социальными несправедливостями достигали беспрецедентной интенсивности. Простой народ идеализировался русской интеллигенцией как воплощение добра. Все понятия, все культурные достижения, недоступные пониманию угнетенных классов, отбрасывались как излишние и безнравственные.

"Долгое время у нас считалось почти безнравственным отдаваться философскому творчеству, – пишет русский философ Николай Бердяев, – в этом роде занятий видели измену народу и народному делу. Человек, слишком погруженный в философские проблемы, подозревался в равнодушии к интересам крестьян и рабочих"¹⁰.

Представители интеллигенции сами себя считали лишними – коль скоро им не удавалось все силы отдавать на служение народу.

Большевики унаследовали от русской революционной интеллигенции то убеждение, что "истинная" революционная партия непременно должна бороться за свержение любой элиты, против самого иерархического принципа. Правда, у большевиков было определение партии как "авангарда рабочего класса", но оно существенно отличалось от фашистского понятия элиты. Цель авангарда – по крайней мере, в теории – проведение в обществе эгалитарного принципа, а не нового иерархически-элитарного. Несмотря на тот факт, что общество, построенное большевиками после революции, все-таки носило иерархический характер, идея равенства в большевистской идеологии по меньшей

⁹ Федотов Г. Народ и власть // Вестник Российского Студенческого Христианского Движения, 94, 1969. С. 89.

¹⁰ Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда / Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1991. С.12.

мере до начала 1930-х гг. придавалась высочайшая ценность.

Хотя большевики установили беспримерный по своей жесткости деспотический режим, сами себя они продолжали считать защитниками угнетенных и обездоленных. Тем самым они остались верны некоторым традиционным европейским представлениям, восходящим к Ветхому и Новому Завету. Правда, большевики грубо подавляли любые конфессиональные объединения. Но при этом они сами претендовали на то, что смогут честнее и эффективнее, чем церковь, отстаивать идеалы социальной справедливости и равенства. Национал-социалисты, напротив, совершенно отказались от этих идей. И их враждебность по отношению к исходному европейскому образу человека привела к тому, что их самих в конце концов стали считать врагами всего человечества. Это обстоятельство легло в основу одного из самых противоестественных во всемирной истории альянсов – союза англосаксонских демократий со сталинским режимом, режимом, гора трупов под которым была ничуть не меньше, чем под Третьим Рейхом. При этом не следует забывать, что западные державы первоначально позволяли себе заигрывание с Гитлером. Гитлер разыгрывал роль защитника Европы от большевистской угрозы, и поначалу ему вполне удалось убедить некоторых западных политиков. Однако в конце концов в Лондоне и Париже поняли, что Гитлер не способен к самоограничению, что вероломство относится к числу его основных принципов. Уже в 1936 г. – то есть во времена западной политики умиротворения – это заметил немецкий социал-демократ, биограф Гитлера Конрад Хейден. Он писал: "Гитлер не тот человек, с которым находящийся в здравом уме станет заключать договоры, это – явление, которое можно или победить или быть поверженным им"¹¹.

К пониманию этого обстоятельства в Лондоне пришли в 1940 г., когда руководство перешло к Черчиллю. Когда в июне 1941 г. началась война Германии против Советского

¹¹ *Heiden K. Adolf Hitler. Das Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Eine Biographie. Zürich, 1936. S. 347.*

Союза, Черчилль, с 1917 г. принадлежавший к числу самых радикальных антикоммунистов, ни минуты не сомневался, какую из двух деспотий следует поддерживать Великобритании.

Эрнст Нольте, которого никак невозможно подозревать в симпатии к большевикам, пишет по этому поводу: "Советский Союз, невзирая на ГУЛАГ, был ближе западному миру, чем национал-социализм с его Освенцимом"¹².

Поведение Гитлера на международной арене соответствовало модели, которую позднее сформулировал Генри Киссинджер, назвавший внешнюю политику революционной силой. Эта сила в принципе неспособна к самоограничению. Дипломатия в традиционном смысле, сущность которой составляют компромисс и признание собственных границ, была практически отброшена революционными государствами, так как шла вразрез с их конечными целями.

Конечной целью Гитлера было: завоевание жизненного пространства на Востоке, уничтожение евреев и коммунистов. И было твердо решено добиться осуществления этих целей уже при жизни фюрера. Он снова и снова повторял, что не хочет оставлять исполнение этой великой задачи своим преемникам. В то же время, у него было чувство, что время работает против "нордической расы", что она постепенно разрушает саму себя. К этим характерным особенностям многие историки возводят головокружительную радикализацию национал-социалистической политики, попытки за одну ночь создать новый мировой порядок, то есть мир без евреев, цыган и душевнобольных. Коммунисты тоже стремились к установлению нового мирового порядка. Однако у них никогда не было точной даты, когда это "светлое будущее" должно наступить. Их время было не столь ограничено, как время Гитлера. Они действовали в убеждении, что история на их стороне, так как всемирная победа коммунизма была по их мнению исторически неотвратима. Поэтому и рискованные политические шаги в направлении скорейшего приближения этой победы были не нужны. По-

¹² *Nolte E. Der Europäische Bürgerkrieg 1917–1945. Nationalismus und Bolschewismus. B., 1987. S. 549.*

этому внешняя политика большевиков как правило была достаточно осторожной и гибкой. Большевики не раз совершали однозначно агрессивные шаги, но как правило – в отношении изолированных, в силовом отношении безнадежно уступающих Советскому Союзу государств, так что риск сводился к минимуму. Случаи игры ва-банк – характерная черта гитлеровской модели поведения – в советской политике встречались редко.

V.

И еще несколько слов о фашистской Италии. Следует заметить, что итальянский фашизм, несмотря на свои агрессивные жесты и вопреки своей жажде войны, не сумел придать нового измерения самому понятию войны. Поле действий Муссолини, благодаря сильной позиции итальянских консерваторов, оказалось сильно ограничено, да и военные силы Италии были весьма скромны. Консерваторам, поддерживавшим Муссолини, удалось взять под контроль процесс радикализации фашистской диктатуры и ввести режим в институциональные, прежде всего династические рамки. Поэтому многие авторы справедливо оценивают итальянский фашизм как "незаконченный тоталитаризм"¹³. Массовых убийств, ставших конститутивной чертой как национал-социализма, так и сталинизма, здесь не было. Как заметил в 1941 г. немецко-американский политолог Зигмунд Нойманн, итальянский фашизм, несмотря на свою манию величия, не призывал к мировой революции; это впервые сделал национал-социализм¹⁴.

В развитие новых представлений о войне НСДАП могла опереться на то, что милитаризация политической мысли в Германии имела давнюю традицию. Английский историк Льюис Нэмьер даже назвал войну одной из форм не-

¹³ *Aquarone A.* L'organizzazione dello Stato totalitario. Turin, 1965; *Sarti R.* Fascism and the Industrial Leadership. The Study in the Expansion of Private Power under Fascism. Berkeley, 1971, p. 69; *Bracher K.D.* Zeitgeschichtliche Kontroversen. Um Faschismus, Totalitarismus, Demokratie. München, 1976. S. 23.

¹⁴ *Neumann S.* Permanent Revolution. Totalitarianism in the Age of International Civil War. NY, 1965, p.111.

мецкой революции¹⁵. Но было бы неверно считать, что Гитлер довел до конца прусский милитаризм. Ведь мировоззренческая война на уничтожение, развязанная национал-социалистами, не имела ничего общего с прусской традицией. Однако новый способ ведения войны, при котором были сметены все до тех пор существовавшие нормы этики и военного права, оказался возможным потому, что нашел поддержку у существенной части немецкого офицерского корпуса. Другой английский историк, Алан Баллок указал на то, как мала, в сущности, была роль столь самодовольного германского генштаба во второй мировой войне¹⁶. Легко заметить также, что офицеры, принявшие гитлеровское понятие войны без какого-либо существенного сопротивления, сильно сомневались, следовать ли законам прусского кодекса чести, поскольку речь шла об их отношении к основателю стратегии уничтожения. Заметное сопротивление тирании способны были оказать лишь немногие. Многие боялись "анархии" и "коммунистической угрозы" в случае свержения Гитлера.

Нельзя не заметить здесь параллели с поведением большевистских противников Сталина, так называемых "старых большевиков", подавляющее большинство которых отказалось от применения силы против тирана¹⁷. И здесь решающую роль сыграл страх перед анархией и распадом системы. О систематическом и последовательном противодействии сталинской деспотии со стороны старых большевиков не может быть и речи. И при этом не следует забывать, что старые большевики отнюдь не были пацифистами, чуждыми насилия. Они без какого бы то ни было сомнения применяли грубо террористические методы борьбы против так называемого "классового врага". Но поместить Сталина в категорию "классовых врагов" они были не в состоянии.

¹⁵ *Namier L.* The Course of German History. / Facing East. London 1947, p. 25–40.

¹⁶ *Bullock A.* Hitler, Eine Studie über Tyrannei. Düsseldorf, 1977. S. 651f.

¹⁷ См. *Авторханов А.* Происхождение партократии. Т. 2. Франкфурт, 1973. С. 244.

Сталин и Гитлер знали моральные колебания и табу своих оппонентов и бессовестно пользовались ими. Конрад Хейден говорил о Гитлере, что тот знает своих противников лучше, чем они сами знают себя, поскольку он внимательно следит за ними и поскольку игра на чужих слабостях составляет важную часть его политики¹⁸. Эти слова Хейдена можно применить и к Сталину. Как Сталин, так и Гитлер понимали, каких границ не смогут переступить их политические противники.

VI.

В заключение еще некоторые соображения относительно культа вождей, представлявшего собой как при крайне правых режимах, так и в Советском Союзе при Сталине своего рода государственную доктрину.

Фюрерские претензии Муссолини и Гитлера были с такой готовностью поддержаны многочисленными группировками в Италии и Германии, поскольку оба диктатора играли на тоске многих итальянцев и немцев по "государю", "цезарю", возникшей еще на рубеже веков.

Харизматический вождь, пришествие которого многие европейские мыслители предсказывали еще в XIX в. и в начале XX в. – кто с тревогой, кто с надеждой, – призван был заместить господство безличных институций господством личной воли. Непрозрачные, сложные институциональные образования, с одной стороны, подавляют человека своей анонимностью, с другой – обнаруживают бессилие, когда речь идет о преодолении кризиса. Отсюда широко распространенное желание вернуть в политику личность, тоска о харизматическом герое. Эта тоска, в сочетании с твердым убеждением самого Муссолини, как и Гитлера, что они-то и есть "цезари", которых так ждала Европа, расчистили обоим дорогу к власти. Цезаристская идея также имела свою давнюю историю в европейской традиции. Уже Макиавелли мечтал о вожде, который своими подвигами и героическими деяниями освободит Италию от закостеневших традиционных установлений и объединит страну.

¹⁸ Heiden K., Op. cit., S. 266.

Примером для "князя" Макиавелли стали итальянские кондотьеры эпохи Возрождения. Они возникали из ничего, всем бывали обязаны только самим себе и благодаря своим выдающимся личным качествам достигали славы и власти. Они смещали все династии и институты и проводили коренные преобразования в государствах, подчиненных их господству.

Наполеон также воплощал собой, разумеется, в гораздо больших масштабах, тот же самый принцип.

В русской истории, напротив, "цезаристские" тенденции практически не имели места. На Руси бывали цари, проводившие в русском обществе не менее радикальные преобразования, чем "цезари" на Западе. Но всякий раз речь шла при этом об этатистской революции сверху, которую инициировали и осуществляли легитимные правители России. Поддержка низших слоев русского народа, на которую иногда опирались цари, также мало похожа на европейское преклонение перед фигурами "цезаристского" толка. Царя почитали не за его личные качества или подвиги, а скорее как носителя определенных функций. В нем видели хранителя православной веры и естественного лидера религиозно-санкционированного политического порядка.

Первоначально большевизму также был чужд культ вождей. В этом он отличался от фашизма и национал-социализма, которые с самого начала фиксировались на личности фюрера. Напротив, большевизм был первоначально структурирован по идеократическому принципу. Здесь высшей инстанцией выступало учение, сначала марксистское, потом марксистско-ленинское. Но в 1930-е гг. партия большевиков постепенно превратилась в партию с вождем во главе. Культ Сталина приобрел в СССР характер государственной доктрины. В создании этого культа принимали участие не только марионетки и выученики Сталина, но и многие большевики первого поколения, вовсе не убежденные в его непогрешимости и всеведении. Почему же они преклонялись перед Сталиным? Они делали это по вполне макиавеллистскому расчету. Культ вождя, по их мнению, должен был прежде всего придать стабильность

партии, переживавшей после смерти Ленина период разброда и фракционной борьбы.

Так и в Германии в создании культа фюрера участвовали не только его преданные сторонники, но и представители старой элиты, следовавшие совсем иным традициям. С НСДАП их связывала общая ненависть к Веймарской республике. Веймар воплощал собой разброд, декаданс, внешнеполитическую приниженность, а также не в последнюю очередь – "гнилой" компромисс с внутривнутриполитическим противником, то есть с социал-демократией. Они идеализировали старый патриархальный порядок, но при этом хорошо сознавали, что в современном политизированном обществе их реставраторская программа не имеет шансов осуществиться. Принцип вождизма казался им в данном случае идеальным выходом из положения. С одной стороны, он связывал воедино политизированные массы и в то же время означал конец эпохи компромиссов с классовым врагом, то есть с социал-демократическим рабочим движением.

Эрнст Никиш – один из самых радикальных критиков Гитлера – характеризовал поведение правящей элиты Германии в 1936 г. такими словами:

«(Они) были сыты по горло господством безличного закона и презирали ту свободу, которую он дает; они хотели служить "человеку", личностному авторитету, <...>, фюреру. Они предпочитали перепады настроения, самодурство и произвол личного "вождя" строгой регламентации и жестким правилам нерушимого законного порядка»¹⁹.

Расчет их, в конце концов, оказался в высшей степени опрометчивым. Так же ошиблись и большевики, на чьих плечах была выстроена новая система. Как в Германии, так и в Советском Союзе не учли, что система с вождем-фюрером во главе означает неограниченный и неконтролируемый произвол, который неизбежно обрушится однажды и на тех, кто его создавал. Ибо всякая критика в адрес непогрешимого вождя рассматривалась как святотатство, и

¹⁹ *Niekisch E. Das Reich der niederen Dämonen. Hamburg, 1953, S. 87.*

это обстоятельство надолго сковало всякое сопротивление диктаторам.

*Перевод с немецкого
Опубл. в «Вопросах философии», 7, 1998*

3.2. БЫЛ ЛИ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ УНИКАЛЬНЫМ ЯВЛЕНИЕМ? ТОЧКА ЗРЕНИЯ ЭРНСТА НОЛЬТЕ

В 1986 г. в Германии разгорелся так называемый спор историков, который длится до сих пор. В центре спора стоит берлинский профессор Эрнст Нольте, которого гамбургский еженедельник «Дер Шпигель» назвал недавно самым спорным немецким историком. Нольте не может смириться с фактом, что Германия в годы Третьего Рейха совершила невиданные в истории преступления. Ведь и другие диктаторские режимы совершали и совершают подобные преступления, утверждает Нольте, и тем самым ставит под вопрос тезис об уникальности национал-социализма.

Но этим спорные выступления Нольте не исчерпываются. В последнее время он все чаще берет под защиту так называемых «ревизионистов», то есть правых радикалов, утверждающих, что никакого массового уничтожения евреев в эпоху Третьего Рейха не было, и что это всего лишь выдумка самих евреев. В поисках ответа надо учитывать и голоса «ревизионистов», считает Нольте, ставя, таким образом, по сути дела, на одну ступень серьезный исторический анализ и неонацистскую пропаганду. Чем же объяснить эти выступления берлинского историка, в прошлом признанного ученого? Чтобы понять ход его мыслей, необходимо познакомиться с главной его работой, написанной во время «спора историков» – с книгой «Европейская гражданская война 1917–1945 гг.»²⁰. О ней и пойдет речь ниже.

²⁰ *Nolte Ernst. Der europäische Bürgerkrieg (1917–1945). Nationalsozialismus und Bolschewismus. Berlin, 1987.*

I.

В 60-е годы Эрнст Нольте немало способствовал тому, что была поколеблена теория тоталитаризма, утверждавшая родство между правыми и левыми противниками парламентской демократии. В значительной мере благодаря анализу внутренней динамики и идеологии фашистских движений, произведенному Нольте, выявилась пропасть, отделяющая фашизм от большевизма — движения, укорененного в другой идеологической традиции и выполняющего совершенно иные социальные и политические задачи.

В книге, о которой идет речь, автор предпринял попытку радикально пересмотреть свои прежние взгляды. Он дает эпохе фашизма дополнительное определение: это эпоха «европейской гражданской войны». Некоторые черты фашизма или национал-социализма, которые ранее описывались как первичные, вытекающие из внутренней динамики, теперь рассматриваются всего лишь как реакция на большевизм. Коммунизм, этот «старший из тоталитарных режимов», в новой книге Э. Нольте сопровождает национал-социалистов на каждом шагу в качестве «образца и пугала» и по существу определяет их тактику.

II.

До сих пор исследователи считали антисемитизм идеей-фикс гитлеровского мировоззрения, его краеугольным камнем. Нольте оспаривает эту точку зрения. Для него ненависть Гитлера к евреям — это, по сути дела, лишь проявление антикоммунизма, хотя и очень важное. Страх перед большевистскими зверствами — вот что было подлинной пружиной деятельности нацистского вождя, считает Нольте.

Автор говорит о потрясении, будто бы вызванном у будущего фюрера и его единомышленников многочисленными сообщениями о «красном» терроре после 1917 г. В сущности, это была, по словам Э. Нольте, «буржуазная» реакция, ибо такое же отвращение методы большевистской власти вызвали и в других слоях немецкой и европейской буржуазии. Зато «небуржуазной» была месть — формиро-

вание контридеологии, своей жестокостью и «последовательностью» подчас превосходившей большевизм. Нольте, однако, считает возникновение этой контридеологии, для которой «перегибы» были почти необходимы, принимая во внимание масштабы и беспрецедентность того, что ее вызвало к жизни, – возмездием истории, которого едва ли можно было избежать.

Аргументы, которыми обставлено это безапелляционное заявление, не кажутся убедительными.

Автор книги приводит воинственно звучащие цитаты из «Роте Фане» (центральный орган КПП) и из коммунистических брошюр, «где самым тщательным образом разработаны вопросы насильственного захвата власти» (с.190). Достаточно ли этого, чтобы говорить о нависшей угрозе коммунизма в Германии? Как выглядела на самом деле эта постулируемая Нольте угроза?

Несколько плохо подготовленных попыток поднять восстание (январь 1919 г., март 1921 г., октябрь 1923 г.), неизменно заканчивавшихся поражением, – вот и все. В отличие от большевиков, имевших дело в 1917 г. с полностью дезорганизованным государственным аппаратом, с противниками, потерявшими веру в свое дело, – немецкие коммунисты, мечтавшие совершить переворот, столкнулись с эффективно действующей машиной власти «буржуазного» государства и чрезвычайно воинственными боевыми отрядами крайне правых.

Решающее отличие исходных позиций большевиков от ситуации, в которой находились западные коммунисты, весьма наглядно обрисовал в свое время русско-немецкий социал-демократ А. Шифрин: «В России вооруженное меньшинство одержало победу над беззащитным государством, в Европе беззащитному коммунистическому меньшинству противостоит вооруженное до зубов буржуазное государство».

Фактическое бессилие немецкого, да и всего западного коммунизма делает понятным, почему на его долю остался лишь словесный радикализм, с помощью которого коммунисты пытались запугать своих противников. Э. Нольте

вынужден и сам признать в одном месте (с. 89), что радикализм КПГ был «скорее угрозой, чем реальностью».

Но, может быть, революционная риторика сама по себе была достаточным поводом к тому, чтобы субъективно возбудить у немецких правых чувство смертельной опасности? Для Нольте, по-видимому, это и служит отправным пунктом. Но даже если согласиться с этим, то уж во всяком случае с весны 1933 г. национал-социалисты не могли не убедиться, насколько необоснованными были их опасения. «Страшная компартия», чьей «потенциальной жертвой» они якобы рассматривали себя, была распущена и уничтожена одним росчерком пера Гитлера. Ничего, кроме презрения, не испытывал к этому моментально поверженному врагу новоиспеченный рейхсканцлер. Где же этот столь педалируемый Эрнстом Нольте страх перед коммунистическим ГУЛАГом, страх, который будто бы стал чуть ли не главной причиной Освенцима? Или, быть может, воплощением коммунистической угрозы для нацистов стала не КПГ, а Советский Союз?

Действительно, этой теме в книге Нольте уделено немало внимания. Но в чем, собственно заключалась эта угроза? Как уже сказано, дело было отнюдь не в коммунистической теории мировой революции. Чувствовали ли себя национал-социалисты беспокойно перед лицом военной мощи СССР? В этом тоже можно усомниться. Презрительные замечания Гитлера о «славянских недочеловеках», у которых будто бы отсутствует всякий инстинкт государственного строительства, достаточно известны.

По мнению Нольте, советская угроза обрела новое качество, после того как московскому руководству удалось претворить в жизнь программу индустриализации. «Правомочно было, – пишет он, – задать вопрос, не является ли полностью отгороженная от мира и вооруженная до зубов страна уже в силу этих своих особенностей опасной для ее соседей» (с. 460). С помощью такой умозрительной конструкции автор книги пытается доказать, что субъективное чувство угрозы стало для властителей Третьего Рейха руководством к действию.

Однако этому тезису противоречат неоднократные – и цитируемые самим автором – заявления нацистских руководителей о военной слабости восточного соседа и соперника.

III.

Нольте не жалеет стараний представить политику Третьего Рейха, которая, как правило, являла собой в чистом виде неспровоцированную агрессивность – реактивной и даже оборонительной. Получается, что злодеи были не столько злодеями, сколько жертвами угрожающего, агрессивного поведения других стран. При этом автор нередко оказывается не в ладах с хронологией, что для историка по меньшей мере странно.

Например, он упрекает Черчилля за некоторые чрезвычайно резкие выражения по адресу национал-социалистического режима, за грубое поведение британского премьера, заведомо исключавшего компромисс с противником. Но достаточно вспомнить о том, как обошелся Гитлер с готовыми к уступкам предшественниками Черчилля, чтобы перестать удивляться решительному курсу лондонского кабинета, взятому начиная с лета 1940 г.

Автор высмеивает беспринципность английского государственного деятеля, этого убежденного антикоммуниста, который, однако, выразил готовность оказывать Советскому Союзу безоговорочную поддержку после нападения немцев. Как далек от реальности этот неожиданный этический ригоризм! Будучи трезвым политиком, Черчилль хорошо понимал, что в иных ситуациях приходится поступиться определенными моральными соображениями во имя защиты еще более высоких ценностей. Для него не было сомнений, с какой стороны теперь исходила наибольшая опасность для фундаментальных ценностей, оплотом которых была его страна на протяжении жизни многих поколений. Впрочем, косвенно Нольте отдает должное британскому премьер-министру, когда пишет, что, «несмотря на Архипелаг ГУЛАГ, Советский Союз внутренне (был) ближе западному миру... чем национал-социализм с его Освенцимом».

IV.

В книге сделано еще одно открытие. Оказывается, Третьему Рейху угрожала не только Англия (спровоцированная многочисленными нарушениями международных договоров), не только Россия (на которую было совершено нападение). Третьему Рейху угрожали... евреи.

Автор пытается быть «справедливым». Ему, конечно, ясно, что народ, чьи представители годами подвергались издевательствам со стороны национал-социалистов, не мог питать симпатий к организаторам этих гонений.

Тем не менее, говорит он, надо понять и нацистов: именно в этой еврейской антипатии они усматривали, по мнению Нольте, для себя угрозу. Так как евреи в Третьем Рейхе числились «враждебными иностранцами», «невозможно с порога отрицать, что депортации (евреев) в глазах населения могли выглядеть необходимостью» (sic!) (с. 510).

Действиям эйнзатц-команд на оккупированной советской территории, в ходе которых были убиты сотни тысяч евреев, в книге тоже дается «оборонительное» объяснение. С точки зрения эсэсовцев, да и многих военнослужащих вермахта, евреи якобы были основной силой партизанского движения, «поэтому антиеврейские акции воспринимались ими (эсэсовцами и солдатами) как необходимая мера пресечения» (с. 511). После этой невероятной фразы автор принимается рассуждать о том, не были ли подозрения массовых убийц в какой-то мере оправданы активным участием евреев в партизанской борьбе, и в конце концов приходит к соломонову решению, что мнения в литературе на этот счет расходятся.

Нольте не преминул коснуться еще одной псевдоисторической «контroversы», а именно: вопроса о том, имело ли место вообще уничтожение евреев национал-социалистами.

Автор бросает упрек исторической литературе в том, что она уделила недостаточно серьезное внимание тем, кто усомнился в убийстве евреев, заклеив их вместо этого в качестве «праворадикальных элементов». Все же – таков его вывод – «тот, кто принимает Гитлера всерьез, не может

отрицать акции уничтожения в Освенциме и Трешлинке, так же как и газовые камеры» (с. 515). То, что эти пассажи, вызывающие чувство неловкости, были встречены с возмущением частью общественности, нельзя считать неожиданным.

Неожиданной представляется скорее наивность самого Нольте, который вновь и вновь подчеркивает, что ему непонятна досада, вызванная его высказываниями. Неужели запрещено ставить вопросы, твердит он. Зададим, в свою очередь, вопрос: не сталкиваемся ли мы с воскресшим типом «аполитичного немца», который предается мыслительным экспериментам, не задумываясь о том, к каким последствиям они могут привести?

*Опубл. в «Вопросах философии», 6, 1995. Сокращ.
немецкий вариант был напечатан в
„Sozialwissenschaftliche Informationen“, 2, 1988.*

3.3. „ДЕМОН РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ“ ИЛИ ЕЕ ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК? – ТРОЦКИЙ В БОРЬБЕ ПРОТИВ СТАЛИНА И ГИТЛЕРА

Физическое уничтожение старой большевистской гвардии, которая после 1917 г. диктаторски властвовала в России, – одно из самых поразительных явлений новейшей истории. Внешне эта трагедия, отчасти, напоминает события во Франции времен якобинского террора. Но во Франции 9 термидора 1794 г. режим Робеспьера, просуществовавший не более двух лет, рухнул. В Советском Союзе, напротив, „термидора“ никогда не было, вопреки утверждениям некоторых авторов. Не могло быть и речи о сколько-нибудь последовательном сопротивлении тирану со стороны ленинской гвардии, за немногими редкими исключениями – такими как Мартемьян Рютин и некоторые другие. Вот что пишет в этой связи биограф Сталина А. Антонов-Овсеенко:

„Часто спрашивают, неужели на Сталина не было ни одного покушения? Да, ни одного... Да их не было у нас,

заговорщиков, ибо уже к началу 30-х гг. с именем Сталина связывали все победы социалистического строительства. И разгром „троцкизма“. И укрепление единства коммунистических рядов”.²¹

Упорная борьба Троцкого против Сталина, которую бывший соратник Ленина вел начиная с 1929 г. вплоть до своей гибели в 1940 г., нетипична для тогдашнего большевизма. Высылка из СССР, которую так тяжело пережил Троцкий, в конечном итоге оказалась подарком судьбы, так как эффективная борьба с новой деспотией была возможна только из заграницы.

Но не только внутреннюю политику Сталина, но и его губительную для страны и для европейского рабочего движения внешнюю политику можно было после 1929 г. в сущности критиковать лишь из эмиграции. Это особенно касается абсурдной концепции „социал-фашизма“ восторжествовавшей в Коминтерне в 1929 г., чуть ли не накануне захвата власти нацистами. Сталинское руководство Коминтерна беспощадно пресекало любую попытку немецких коммунистов объединиться с социал-демократами в борьбе против фашизма, клеймило этих коммунистов как беспринципных оппортунистов.²² Это о них сказал Эрнст Тельман в декабре 1931 г., что они не видят из-за нацистских деревьев социал-демократического леса.²³ О возможности единого фронта с социал-демократами стали говорить в Коминтерне лишь в середине 1934 г., когда рабочее движение в Германии было уже уничтожено Гитлером.

К числу немногих коммунистов, которые открыто боролись против отождествления социал-демократии с фашизмом и предостерегали от катастрофических последствий подобной тактики, в первую очередь принадлежал Троцкий.

²¹ А. Антонов-Овсеенко, Сталин и его время, в: Вопросы истории 10/1989, с. 84.

²² См. L. Luks, Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921–1935, Stuttgart 1935.

²³ Die Kommunistische Internationale, 10.12.1931, с.1906.

Можно обвинять Троцкого в чем угодно, но только не в том, что он недооценивал нацистской угрозы. Его полемика с официальной линией Коминтерна в начале тридцатых годов – это блестящая и уничтожающая критика сталинского упрощательства.

Но близорукими с точки зрения Троцкого оказались и другие противники национал-социализма. Сыгравший в 1917 г. важнейшую роль в уничтожении русской демократии, он в начале тридцатых годов с бессильным раздражением наблюдал, как немецкие демократы совершают почти те же ошибки, какие в свое время допускали демократические противники большевиков в России.²⁴ Нацисты сумели использовать слабость парламентарного государства и близорукость своих конкурентов несколько не хуже большевиков.

Одним из элементов этой тактики, особенно сблизившим большевиков с нацистами, было специфическое сочетание легальных и нелегальных средств в борьбе за власть. Этот факт особенно беспокоил Троцкого. Противники НСДАП (Национал-Социалистической Рабочей Партии) слишком односторонне ориентировались на легальную, парламентскую борьбу. Не только СДПГ (социал-демократы) но и КППГ по сути дела полагалась на конституционный порядок и верила, что Гитлер будет соблюдать правила парламентской игры.²⁵ Троцкий же понимал, что рано или поздно нацисты перейдут к внепарламентским действиям. В декабре 1931 г. он писал, что национал-социалисты никогда не получат абсолютного большинства на выборах.²⁶ Иными словами, Троцкий был уверен, что демократическим путем нацизм не придет к власти. Но господствующие группировки в Германии могут передать нацистам

²⁴ См. I. Deutscher, *Der verstoßene Prophet*, Stuttgart 1963, с. 263; H. Brahm, *Trockijs Aufrufe gegen Hitler 1930-1933*, в: *Jahrbücher für Geschichte Osteropas*, 1963, с. 521–542; R. S. Wistrich, *Leon Trotsky's Theory of Fascism*, в: *Journal of Contemporary History*, 1976, с. 157–184; L. Trotzki, *Schriften über Deutschland*, hrsg. von H. Dahmer, Frankfurt/Main 1971, том 1, с. 184, 345; *ero же*, *Diary in Exile 1935*, Cambridge/Mass. 1968, с. 3.

²⁵ L. Trotzki, *Schriften über Deutschland*, т.1, с. 164–165, 310, 391–392.

²⁶ Там же, с. 164–165.

власть добровольно; такую возможность Троцкий тоже учитывал. В этом случае государственный переворот был бы естественным следствием передачи власти.²⁷

Задолго до победы Гитлера Троцкий не уставал повторять: без уничтожения парламента, многопартийной системы и прежде всего организаций рабочего класса, господство нацистов немислимо.²⁸

Единственное, что может предотвратить нацистский переворот – это единый фронт коммунистов и социал-демократов. Сталинское же руководство, продолжает Троцкий, признает лишь один вид единого фронта – когда все другие партии безоговорочно подчиняются приказам Коминтерна. Сталинскую теорию „социал-фашизма“ Троцкий называет бессмысленной конструкцией, у которой есть лишь одно преимущество: никто из членов Коминтерна не смеет против нее протестовать.²⁹

Такой же безжалостной критике Троцкий подвергал тактику немецких социал-демократов. СДПГ, пишет Троцкий, не верит, что фашисты перейдут от слов к делу. Социал-демократы судят по себе о поведении нацистов. Для этой партии всегда был характерен страх перед решительными действиями. Такую же нерешительность она невольно приписывает и НСДАП. А когда вырисовывается реальная опасность, СДПГ уповает на прусскую полицию, на армию, на верность президента конституции. СДПГ, миллионная партия, хотела бы, чтобы государственные чиновники защитили ее от другой миллионной партии.³⁰

Все эти черты, подмеченные Троцким, были присущи и русским социал-демократам и социал-революционерам, что конечно облегчило большевикам захват власти в 1917 г. Непосредственно после большевистского переворота Троцкий в одной из своих речей, обращенной к социал-демократическим противникам, презрительно указал им

²⁷ Там же, с. 391–392.

²⁸ Л. Троцкий, Что есть Социалфашизм, в: Бюллетень оппозиции, май 1930, номер 15–16, с. 29.

²⁹ L. Trotzki, Schriften über Deutschland, т.1, с.193–194.

³⁰ Там же, с.187–188.

дорогу на свалку истории.³¹ Тринадцать лет спустя он видит в союзе с движением, которое он когда-то с таким высокомерием изгнал с политической сцены в России, чуть ли не единственную возможность преградить национал-социализму дорогу к власти.

Между прочим, Гитлер после своей победы почти дословно повторил давнее высказывание Троцкого о крахе социал-демократии. Однако он распространил это утверждение на всех марксистов, т.е. и на коммунистов.³²

Очень рано Троцкий предсказывал смертельную угрозу, какую нацистская Германия представит для Советского Союза. Лишь фашистская Германия может решиться на войну с Советским Союзом, чтобы отвлечь внимание народа от неразрешимых внутренних проблем, писал Троцкий еще в 1932 г., до победы нацистов.³³

Троцкий даже советовал советскому руководству провести частичную мобилизацию, как только нацисты захватят власть в Германии.³⁴ Сталинское руководство Коминтерна квалифицировало эти советы как провокацию. Сталинист Отто Куусинен утверждал в сентябре 1932 г., будто Троцкий добивается, чтобы Советский Союз без всякой необходимости ввязался во внешнеполитическую авантюру и тем самым поставил на карту свою безопасность.³⁵

Когда национал-социалисты действительно пришли к власти, Троцкий заявил, что их стремление к неограниченной экспансии можно подавить лишь силой. Попытаться вести с ними мирные переговоры бесполезно. На западные державы он однако в этой борьбе не слишком надеялся. Троцкий достаточно рано распознал политическую близорукость тогдашних западных руководителей. Западные державы,

³¹ Trotzki, *Geschichte der russischen Revolution*, т.1–3, Frankfurt/Main 1973, с. 951.

³² M. Domarus, Hrsg., *Hitler, Reden und Proklamationen. 1932–1945*, München 1965, Band 1, Erster Halbband 1932–1934, с. 232.

³³ L. Trotzki, *Schriften über Deutschland*, т.1, с.157–158, 313–315, т. 2, с. 559.

³⁴ Там же, т.1, с. 315.

³⁵ XII Пленум ИККИ. 27.VIII.–15.IX.1932. Стенографический отчет, Москва 1932.

писал он в 1933 г., лелеют надежду, что национал-социалистическая экспансия устремится на Восток. Поэтому они и не возражают против вооружения Германии. В действительности же национал-социализм стремится не только к завоеванию Востока но и к мировому господству. Поэтому его война с западными странами тоже рано или поздно неизбежна.³⁶

Ясное понимание того, что гитлеризм представляет собой небывалую опасность для европейской цивилизации, совмещалось у Троцкого, как ни странно, с определенной недооценкой Гитлера, не говоря уже о его презрении к личности нацистского вождя и к его „абсурдному“, „сумбурному“ и „ненаучному“ мировоззрению (как выражался Троцкий). Подобно другим высокообразованным интеллектуалам он недооценивал Гитлера – примитивного и полуобразованного самоучку. Но также отнеслись к Гитлеру и Курцио Малапарте и Освальд Шпенглер и многие другие, видевшие в Гитлере лишь карикатуру на Муссолини.³⁷

Впрочем в недооценке Троцким Гитлера сыграло роль еще одно обстоятельство. Троцкий – герой и вдохновитель русской революции, полководец гражданской войны и признанный лидер мирового коммунистического движения – долгое время был кумиром масс, объектом безмерного восхищения. Его судьба сложилась, однако, так, что сначала его изгнал за пределы страны один примитивный самоучка – Сталин, а затем ему пришлось пассивно наблюдать, как другой такой же самоучка – Гитлер – достиг абсолютной власти в Германии, в стране, которую Троцкий считал ключевой в мировой политике и в мировой революции. Троцкий не мог примириться с тем, что многие объясняли удивительные успехи Сталина и Гитлера их личными качествами и способностями. Ему казалось, что триумф этих жалких деятелей объясняется действием анонимных исторических

³⁶ L. Trotzki, Schriften über Deutschland, том 2, с. 555–566.

³⁷ L. Trotzki, Schriften über Deutschland, т. 2, с. 573–574; C. Malaparte, Technik des Staatsreiches, Leipzig 1932, с. 219–232; O. Spengler, Jahre der Entscheidung. Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung, München 1953, с. 146–148.

сил, которые, так сказать, „воспользовались“ Сталиным и Гитлером.³⁸ Когда Троцкий это писал, Сталин завершил коллективизацию – беспримерную по своим преступным масштабам революцию сверху, а Гитлер стал единоличным властителем крупнейшей индустриальной державы Европы.

И всё же Троцкий ставил Гитлера в определенном смысле выше Сталина. Троцкому до некоторой степени импонировал демагогический талант нацистского вождя. У Сталина же, по его мнению, не было никаких сколько-нибудь выдающихся политических способностей. Как политик, Сталин по мнению Троцкого не идет ни в какое сравнение ни с Гитлером, ни тем более с Муссолини.³⁹

Троцкий называет Сталина „термидорианцем“.⁴⁰ Тем самым он показывает полнейшее непонимание сути сталинской революции сверху. Ведь когда мы говорим о сталинизме, речь отнюдь не идет о попытке покончить с утопически-террористической фазой революции. Наоборот, Сталин довел эту линию развития русской революции до логического предела. Троцкий же считал верность идее мировой революции неотъемлемой частью всякой „истинно-революционной“ политики. Отсюда и его недооценка беспримерной динамики сталинской „революции сверху“.

Не все поклонники Троцкого разделяли его взгляды на этот счет. Исаак Дейчер – автор одной из самых основательных биографий Троцкого – хотя и повторяет слова Троцкого о „термидорианском“ характере сталинского режима, но одновременно выдвигает противоположную концепцию, которая несомненно гораздо точнее отражает суть сталинской эпохи. По мнению Дейчера, сталинский переворот по своим последствиям был еще значительно больше, чем

³⁸ Trotzki, Stalin. Eine Biographie. Reinbek b. Hamburg 1971, т. 1, с. 13, т. 2, с. 233–234; его же, Schriften über Deutschland, том 2, с. 233–234; см. также H. Brahm, Trockijs Aufrufe, с. 526–527.

³⁹ Trotzki, Stalin, т. 1, с. 12–13, т. 2, с. 260; см. также L. Trotzki, Stalin als Theoretiker, в: его же, Schriften 1, Sowjetgesellschaft und stalinistische Diktatur. Band 1.1 (1929–1936), Hrsg. von H. Dahmer, R. Segall u. R. Tosstorff, Frankfurt/Main 1988, с. 192–223.

⁴⁰ L. Trotzki, Schriften 1, Sowjetgesellschaft, Band 1.1, с. 47, 227, 403, 581.

октябрьская революция. Ибо Сталин, и только он, создал ситуацию, которая полностью исключала возврат к дореволюционным порядкам.⁴¹

Работы Троцкого написанные в изгнании, изобилуют разного рода ошибочными оценками, но вместе с тем представляют собой блестящий вклад в развитие марксистского политического мышления. В особенности касается это предложенного Троцким анализа фашизма и сталинизма.

В Советском Союзе эти работы долгие годы оставались практически неизвестными. Перестройка поначалу мало что изменила в этом отношении. Она лишь продолжила начатую еще в 1923–1924 гг. „демонизацию“ Троцкого. В глазах многих приверженцев перестройки Лев Троцкий – вдохновитель красного террора во время гражданской войны (впрочем тут он мало чем отличался от других большевистских лидеров) и критик НЭПа – был предтечей Сталина. Характерно в этой связи например заявление литературоведа Юрия Карякина: „Я всегда Троцкого терпеть не мог. Троцкий – это Сталин вчера, а Сталин – это Троцкий сегодня.“⁴²

Сотрудник журнала „Коммунист“ Отто Лацис вообще отказывает Троцкому в праве называться большевиком. Лацис считает, что большевистская партия всегда оставалась чуждой Троцкому.⁴³

Между тем именно Троцкий тяготел к непомерному возвеличиванию партии и в высочайшей степени отождествлял себя с ней. В 1924 г., уже после того как началась партийная кампания против Троцкого, архитектор переворота 7 ноября 1917 г. говорил: „Никто из нас не хочет и не может быть правым против партии. Партия в последнем счете всегда права“.⁴⁴

Особенно отчетливо сказываются сталинские клише в характеристике Троцкого, которую дает автор первой „пе-

⁴¹ I. Deutscher, *Russia after Stalin with a postscript on the Beria affair*, London 1953, с. 97–98.

⁴² Огонек, 12/1988, с. 18.

⁴³ О. Лацис, *Перелом*, в: *Знамя*, 6/1988, с. 124–178.

⁴⁴ Тринадцатый съезд РКП(б) 1924. Стенографический отчет, Москва 1963.

рестроечной" биографии Сталина генерал Дмитрий Волкогонов. Он описывает Троцкого как карьериста, которому важны не принципы, а личная власть: „... Если бы Троцкий стал у руля партии, ее бы ждали еще более тяжкие испытания, чреватые утратой социалистических завоеваний. Тем более, что у Троцкого не было научной и ясной программы построения социализма в СССР".⁴⁵ А разве у Сталина была такая программа? И можно ли себе представить более тяжкие испытания и для партии, и для страны, чем те, которые связаны с именем Сталина?

Есть однако и авторы, выступающие против этой смеси предвзятости и недостаточной осведомленности. К ним относится историк Игорь Клямкин. Он указывает, в частности, что выдвинутая Троцким в 1918–1920 гг. концепция „казарменного коммунизма" полностью совпадает с тогдашними взглядами Ленина. Клямкин отмечает и существенные различия в позициях Троцкого и Сталина по отношению к НЭПу. По мнению Клямкина, Троцкий, остро критикуя Новую Экономическую Политику, в то же время действовал, оставаясь в ее рамках. Он добивался радикальной реформы НЭПа, Сталин же поставил своей целью его ликвидацию.⁴⁶

Как бы то ни было, ссылки на верность Троцкого Ленину и большевизму – не лучший способ поправить его репутацию в сегодняшнем Советском Союзе. В стране происходит радикальный демонтаж культа Ленина, да и всех большевистских святых. Причем это наступление ведется главным образом с двух флангов: либерально-демократического и шовинистически-антисемитского. Для обоих лагерей Троцкий абсолютно неприемлем.

И всё же, как это ни удивительно, начиная с 1989 г. происходит „возвращение" Троцкого в Советский Союз. Его работы переиздаются, начинается робкое научное изучение его идей.⁴⁷ Интерес к Троцкому вызван, как правило, не

⁴⁵ Д. Волкогонов, феномен Сталина, в: Литературная газета, 50/1987, с.13.

⁴⁶ И. Клямкин, Какая улица ведет к храму?, в: Новый мир, 11/1987, с.150–188.

⁴⁷ См. В. Данилов, Мы начинаем познавать Троцкого, в: ЭКО, 1/1990, с. 47–62; А. Подщеколдин, Новый курс. Пролог Трагедии, в: Молодой Ком-

идеологическими или партийными соображениями, а скорее любопытством к этому деятелю, некогда преданному анафеме.

Идеи Троцкого вот уже более шести десятилетий стимулируют многие идеологические и политические дискуссии на Западе. Теперь к этим дискуссиям хотели бы приобщиться и некоторые советские исследователи. Пробив окно в Европу, советские авторы нашли там, к своему удивлению, не только приверженцев рыночной экономики, но и поклонников Троцкого. Однако в этом и состоит принцип выработанного многими поколениями западного плюрализма: там могут уживаться совершенно противоположные идеи, которые в других условиях стремились бы к взаимному уничтожению.

Опубл. в журнале „Kommune“, 10, 1990

3.4. АНТИСЕМИТИЗМ В ПОЛИТИКЕ СТАЛИНА

Превращение советского коммунизма из силы, осуждавшей антисемитизм и наказывавшей за его проявления, в одного из главных вдохновителей борьбы против т.н. космополитизма и сионизма, т.е. борьбы против евреев, представляет собой одну из примечательных метаморфоз XX века, происшедших во время правления И.В. Сталина. Поэтому вопрос об отношении Сталина к евреям интересен не только для психолога⁴⁸. Эта проблема, несмотря на частичное открытие для исследователей фондов российских и восточноевропейских архивов, содержит много загадок. В отличие от антисемита-фанатика Гитлера, для которого физическое уничтожение евреев с началом германо-

мунист, 8/1989, с. 45–50; В. Старцев, в: Вопросы истории, 7/1989, с.135–137; А. А. Гусейнов, Мораль и насилие, в: Вопросы философии, 5/1990; с.127–136, А.В. Панцов, Лев Давидович Троцкий, в: Вопросы истории, 5/1990, с. 65–87.

⁴⁸ Этой проблеме был посвящен международный симпозиум „Поздний сталинизм и еврейский вопрос“, состоявшийся в мае 1997 г. в Айхштетте. – Der Spätstalinismus und die jüdische Frage. Zur antisemitischen Wendung des Kommunismus. Hrsg. L. Luks, Köln, 1998.

советской войны являлось абсолютным приоритетом, Сталин был прежде всего "техником власти". Он был способен сдерживать свою ненависть, если это обеспечивало ему сохранение деспотического господства.

Вопреки предубеждению против евреев, которое Сталин испытывал с начала своего политического пути, он очень долго пытался разыгрывать "еврейскую карту". Ситуация изменилась лишь в последние годы его жизни. Противоречие в сталинском отношении к евреям было обусловлено не только несоответствием его личных антипатий интересам политики и власти, но и идеологическим устоям системы, которую он представлял. Хотя он, действуя с дальним прицелом, уничтожил старую большевистскую гвардию, которая проповедовала изначальные революционные идеи, он не мог полностью отказаться от идеологического наследия старых большевиков. Это могло поставить под сомнение законность режима. Однако, так как большевистская идеология содержала компоненты интернационализма и универсализма и препятствовала проявлениям открытого антисемитизма, Сталин должен был при проведении политики в отношении евреев считаться с этим обстоятельством. В нацистской идеологии не было подобных проблем. У национал-социализма не возникало потребности в пересмотре его ранней идеологии, чтобы "переварить" Освенцим. Контуры холокоста отчетливо просматриваются в гитлеровской книге "Моя борьба". Такой прямолинейности в сталинской политике в отношении евреев не было; она была многослойная и многоколейная. В этой статье реконструируются ее основные черты.

3.4.1. Большевизм – двуликий Янус

В начале 30-х гг. в Берлине появлялись две книги советского перебежчика С. Дмитриевского, которые привлекли внимание русской эмиграции⁴⁹. Автор, явный антисемит,

⁴⁹ *Дмитриевский С.* Сталин. Берлин, 1931; *его же.* Советские портреты. Берлин, 1932.

пытался интерпретировать только что последовавшую победу сталинской фракции над внутривластными противниками как победу русских патриотов над еврейским влиянием. Теперь он ожидал национального возрождения Советского Союза, которому якобы препятствовали коммунисты еврейского происхождения. Националистически настроенные круги эмиграции, как и Дмитриевский, связывали свои надежды с победой Сталина.

Они были убеждены в том, что восстановление дореволюционной русской традиции будет связано с действиями, направленными против евреев, так как вражда к евреям была ее важной составной частью. Однако страстно ожидаемая многими антисемитская кампания не состоялась. Табу с дореволюционного антисемитизма не было снято.

Чем же можно объяснить эти ошибочные суждения многих наблюдателей? Почему большевизм в очередной раз оценивался неверно? Это обстоятельство очевидно связано со способностью большевизма, наподобие многоликого Януса, изменяясь в своей основе, одновременно оставаться верным самому себе. Начиная с Октябрьской революции большевики проявляли удивительную тактическую гибкость. Они были готовы ежедневно снова и снова приспособлять свою идеологию к реальности. Те, кто упрекал большевизм в доктринерстве, видели только одну сторону этого феномена и недооценивали удивительную способность большевиков приспособляться к реальности. Заблуждались однако и те наблюдатели, которые отмечали прагматизм партии большевиков. Они недооценивали утопическую сторону большевизма. Даже в то время, когда прагматические соображения в значительной мере определяли курс партии, она никогда не отказывалась от цели приспособить действительность к большевистской доктрине.

Кроме противоречия между доктриной и прагматизмом большевизм содержал в себе другую амбивалентность, чрезвычайно затруднявшую всякий анализ. Несмотря на то, что большевики создали беспрецедентный по своей жестокости террористический режим, они считали себя защитни-

ками слабых и угнетенных, передовым отрядом борцов за социальную справедливость и национальное равноправие. Их слова об эмансипации не только запутывали, но также и зачаровывали наблюдателей, преуменьшавших или вообще не желавших замечать террористический характер большевистского режима. Это относилось также ко многим представителям еврейской общественности.

Во время "большого террора" 1936–1938 гг. СССР находился во внешнеполитической изоляции. Несмотря на то, что во Франции и в Испании у власти находились дружественные СССР правительства Народного Фронта, "третий рейх" и его союзники всюду продвигались вперед. Внутренне деморализованные европейские демократии осуществляли тогда политику почти неограниченной уступчивости по отношению к Гитлеру. Таким образом, Советский Союз стал последней надеждой многих антифашистов, в частности некоторых еврейских кругов, которые принимали за чистую монету сталинское объявление войны антисемитизму. Фальшивость намерений Москвы привлечь на свою сторону симпатии евреев разоблачали некоторые коммунистические противники Сталина, в первую очередь Л.Д. Троцкий, который много раз указывал на то, что Сталин разыгрывает не только еврейскую, но и антисемитскую карту. В этом смысле Троцкий высказался в интервью Нью-Йоркской еврейской газете "Форвертс" в январе 1937 г.⁵⁰ Спустя год он добавил: "В истории трудно найти пример реакции, которая не была бы окрашена антисемитизмом. Этот особенный закон целиком и полностью подтверждается в современном Советском Союзе... Как может быть иначе? Бюрократический централизм немислим без шовинизма, а антисемитизм всегда был для шовинизма путем наименьшего сопротивления"⁵¹.

Высказывания Троцкого вызывали возмущение в некоторых еврейских кругах. Нью-Йоркская еврейская газета "Тог" писала в январе 1937 г.: "Что касается антисемитизма,

⁵⁰ *Trotzki L. Schriften 1. Sowjetgesellschaft und stalinistische Diktatur. Bd. 1/2 (1936-1940). Hamburg, 1988, S.1040.*

⁵¹ *Ibid., S.1140.*

то мы лелеяли СССР как наш единственный свет в окошке. Это непростительно, что Троцкий бросает Сталину беспричинные обвинения"⁵².

Действительно, сталинский режим в 30-е гг. не проявлял однозначных признаков антисемитизма. Евреи были как его жертвами, так и палачами. Преследование еврейской религии и культуры никоим образом качественно не отличалось от репрессивных мероприятий против других религий и культур. Тем не менее Троцкий со свойственной ему пронизательностью сразу же распознал тогда только появившиеся в Советском Союзе ростки, которые расцвели пышным цветом спустя десятилетие. Он заблаговременно распознал, что репрессивный режим, который "устанавливается после революционного взлета", прямо связан с шовинистическими и антисемитскими предрассудками. Иначе этот режим едва ли бы был в состоянии дисциплинировать и эмоционально привязывать к себе население. Но, так как Троцкий слишком рано высказал свое предупреждение, оно было воспринято как клевета и скоро забылось.

Неудача правительств Народного фронта во Франции и в Испании и предательство западными демократиями Чехословакии привели Сталина к убеждению, что слабые и угнетенные не являются теми союзниками, которые нужны Советскому Союзу, так как не в состоянии эффективно поддерживать СССР в борьбе за выход из внешнеполитической изоляции. Таким образом, советский диктатор решил ставить на сильных; это тогда были однозначно национал-социалисты.

Пропагандистский словарь Москвы примерно с весны 1939 г. основательно изменился. Все реже провозглашалась солидарность с народами и классами, стремящимися к свободе и равноправию. Все чаще речь шла о стечении геополитических обстоятельств, которым должен был соответствовать СССР⁵³.

Из так называемого "Отечества трудящихся всего ми-

⁵² Ibid., S.1041. См. также: *Deutscher J. Der verstossene Prophet. Stuttgart, 1963, S. 344; Nevada J. Trozki and the Jews. Philadelphia, 1972, p.186.*

⁵³ См. *Mylyniemi S. Die baltische Krise. Stuttgart, 1979.*

ра" Советский Союз теперь стал крайне агрессивной великой державой, бесцеремонно расширявшейся за счет слабых соседей. В сложившемся соотношении сил больше не было места для дискриминируемых евреев. О преследованиях, которым подвергались евреи в занятой нацистами Европе, в период германо-советской дружбы нельзя было упоминать советским средствам массовой информации⁵⁴.

Было ли замалчивание нацизма связано с обострением советской политики по отношению к евреям? Некоторые наблюдатели отвечают на этот вопрос утвердительно, упоминая в этой связи сомнительного свойства "подарок", преподнесенный Сталиным германскому рейхсканцлеру 3 мая 1939 г., когда советский лидер освободил от должности прозападно ориентированного наркома иностранных дел М.М. Литвинова, еврейское происхождение которого якобы препятствовало германо-советскому сближению⁵⁵. Преемник Литвинова на посту наркома иностранных дел Молотов в последующем сообщил, что Сталин поручил ему очистить наркоминдел от евреев. Молотов с полной ответственностью отнесся к этому заданию: "В 1939 г., когда сняли Литвинова и я пришел на иностранные дела, Сталин сказал мне: "Убери из наркомата евреев". Слава богу, что сказал! Дело в том, что евреи составляли там абсолютное большинство в руководстве и среди послов. Это, конечно, неправильно"⁵⁶. За отставкой Литвинова действительно последовало увольнение, а также арест нескольких дипломатов еврейского происхождения, например Е. Гнедина. Однако не могло быть и речи о массовой чистке наркоминдела по расовому принципу. Даже после отставки Литвинова ответственные работники еврейского происхождения занимали ключевые позиции в наркоминделе. Наряду с заместителем наркома иностранных дел СССР Лозовским среди них был полпред в Париже – Суриц, а также другие дипломаты.

⁵⁴ *Gilboa J.* The Black Years of Soviet Jewry 1939–1953. Boston, 1971, p.14–19; Советские евреи пишут Илье Эренбургу. Иерусалим, 1993, с. 52.

⁵⁵ См. *Gilboa J.* Op.cit., p.14.

⁵⁶ *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991, с. 274.

Можно согласиться с утверждением историка М. Феттера, связывающего отставку Литвинова прежде всего с неудачей его прозападной внешнеполитической концепции, а не с его еврейским происхождением⁵⁷.

Однако не только в наркомате иностранных дел, но и среди ближайшего окружения Сталина оставались, несмотря на германо-советское сближение, многочисленные функционеры еврейского происхождения, среди которых были причисляемые к главным исполнителям сталинского террора Л.М. Каганович, Л.З. Мехлис. В политической судьбе многих функционеров еврейского происхождения, находившихся на вершине советской пирамиды власти, в 1939–1941 гг. не происходило никаких принципиальных изменений.

Иначе дело обстояло для простых людей. Пропать, возникшая за годы советской власти между советскими евреями и их восточноевропейским братьями, в 1939–1941 гг. была преодолена. Два мира, изолированные друг от друга, соединились. Советские евреи были в 1917 г. втянуты в тотальный эксперимент, в ходе которого произошло их отчуждение от своих традиций. Почти все религиозные, культурные и политические структуры, имевшиеся у них до прихода к власти большевиков, были разрушены. Но евреи не были исключением из общего правила. Все другие народы Советского Союза также подверглись жестокому процессу уничтожения их корней. Таким образом, присоединенные в 1939–1940 гг. к СССР области были подобны инородному телу, островам в советизированном море. Это касалось также двух миллионов восточнопольских, балтийских и румынских евреев, ставших в 1939–1940 гг. советскими гражданами. Они жили как будто на другой планете. Как и прежде, исправно действовали их религиозные, культурные и социальные учреждения. Они очаровали многих советских евреев, для которых встреча с единоверцами из вновь обретенных областей была равнозначна путешествию в собственное прошлое.

Израильский историк Гильбоа так описывает это собы-

⁵⁷ *Vetter M. Antisemiten und Bolschewiki. Zum Verhältnis von Sowjetsystem und Judenfeindschaft 1917–1939. Berlin, 1995, S. 351.*

тие: "Встреча с этими евреями неизбежно пробудила ностальгические воспоминания. Они неутомимо искали в каждом обрывке информации сведения о том, что происходит в еврейском мире и на земле Израиля. В то время как еврейская культура в их собственной стране испытывала смертельные муки, трагические обстоятельства привели их к встрече с еврейскими общинами, богатыми культурными ценностями."⁵⁸

Однако это отклонение от советской нормы не могло долго существовать. Сталинские органы террора вскоре начали жестокий поход против всех автономных еврейских учреждений, чтобы как можно скорее устранять это "инородное тело" в огромном унифицированном государстве. Массовые депортации и аресты активистов еврейских общин на территориях присоединенных к СССР в 1939–40 гг. вели к постепенному прекращению их самостоятельной жизни. Не иначе дело обстояло и со всеми другими народами, вошедшими в СССР вследствие пакта Гитлера-Сталина. Их автономные образования также лишались всякой самостоятельности, а элиты были уничтожены⁵⁹. Особенно трагической была участь польских элит, уничтожение которых было целью как нацистской, так и сталинской политики. Такими акциями оба диктатора хотели навсегда предотвратить саму возможность возрождения польского государства. По мнению лидеров обоих режимов, малые и слабые государства больше не имели права на существование.

Однако после гитлеровского нападения на СССР эта аргументация была использована против самого Советского Союза: он также был отнесен к категории слабых государств, не имеющих прав на существование. Сталинское руководство, которое в 1939 г. сдало в архив свою псевдодемократическую риторику, теперь вновь начало ее использовать. Когда Сталин через 11 дней после немецкого нападения впервые обращался к своим землякам, его речь содержала следующие положения: "Наша война за свободу

⁵⁸ *Gilboa J. Op. cit., p. 23.*

⁵⁹ *Ibid., p. 25.*

нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера"⁶⁰.

Сталинский Советский Союз теперь как бы "облагораживался" западными демократиями и принимался в сообщество цивилизованных наций. В день гитлеровского нападения на СССР Уинстон Черчилль заявил: " Кто... борется против нацизма, получит нашу поддержку ... Поэтому угроза для России является угрозой и для нас и для США, и борьба каждого русского за свой дом и очаг является борьбой всех свободных людей и всех свободных народов во всех частях мира"⁶¹.

22 июня 1941 г.– Сталин разыгрывает „еврейскую карту“.

По иронии истории, один из самых больших противников свободных государств и автономных прав малых народов помимо своей воли превратился в спасителя как западных демократий, так и европейского еврейства. И новые англо-саксонские союзники, и мировое еврейское общественное мнение очень быстро простили Сталину его флирт с Гитлером. Со своей стороны руководство Кремля начало использовать не только псевдодемократическую, но и филосемитскую риторику. 24 августа 1941 г. оно разрешило провести в Москве митинг видных представителей советского еврейства, который транслировался по радио. Собрание апеллировало ко всем евреям мира с призывом поддержать Советский Союз в борьбе за выживание.

Послание было услышано. Видные представители американского еврейства и евреев Палестины, среди которых были и острые критики коммунистического режима, полностью согласились с этим призывом. Некоторые из них заявили о себе 3 октября 1941 г. в передаче радиостанции "Голос Иерусалима" и продемонстрировали свою солидарность с советскими братьями по вере, отделенными в тече-

⁶⁰ Цит. по: И.В. Сталин, Сочинения, т. 2(15) 1941–1945, Stanford, California 1967, с. 9.

⁶¹ Churchill W. Der Zweite Weltkrieg. Bern, 1951, Bd.3.1, S. 443.

ние долгих лет стеной тоталитарной власти от остального еврейства.

Председатель Еврейского национального фонда М.М. Усышкин, принадлежавший к правому крылу сионистского движения, сообщил: "Дорогие братья и сестры. Прошло 22 года с тех пор, как мы расстались. Но наша любовь к вам и наша духовная связь не ослабела. В течение всех лет, что я и мои коллеги работали для восстановления нашей исторической родины, мы ни на минуту не забывали о том, что мы строим ее для всех, а значит и для вас"⁶².

Еврейские критики большевизма руководствовались той же максимой, что и Черчилль, заявивший 22 июня 1941 г.: "Никто не был большим противником коммунизма, чем я в течение 25 лет. Однако все бледнеет перед событиями, которые теперь происходят... Нацистский режим... превосходит все формы человеческой подлости"⁶³.

Призывом ко всемирной еврейской солидарности советское руководство нарушало марксистскую аксиому, состоявшую в настойчивом отрицании факта существования еврейской нации. Советскими идеологами признавались нациями только этнические группы, имевшие компактную область проживания. Но евреи не соответствовали этому критерию. Однако кремлевское руководство летом 1941 г. отбросило в сторону эту идеологическую «тонкость». В час нужды оно даже было готово просить о помощи эту якобы не существовавшую нацию; нацию, которая подобно папе римскому не имела ни одной дивизии, но которая находилась под угрозой уничтожения и как никто другой стремилась, эффективно действуя своими средствами, противостоять нацистскому геноциду.

Но и советский режим летом 1941 г. находился в почти безвыходном положении. Казалось, что Советский Союз стоит на грани одного из самых больших военных поражений в новейшей европейской истории и перед своим окончательным крушением. В отчаянии Сталин цеплялся за каждую соломинку. И в качестве одной из таких спасительных

⁶² *Gilboa J. Op. cit., p. 59.*

⁶³ *Churchill W. Op. cit., S. 442.*

соломинок ему служило еврейство как непримиримый противник нацизма.

В это время возникла идея создания Еврейского антифашистского комитета в СССР (ЕАК)⁶⁴. Ее авторами считаются два польских социалиста еврейского происхождения – В. Альтер и Х. Эрлих. Эти ведущие функционеры еврейской рабочей организации "Бунд" были арестованы вскоре после советского вторжения в Польшу в сентябре 1939 г. Сразу после начала германо-советской войны они даже были приговорены к смертной казни, но через несколько недель, 12–13 сентября 1941 г., их освободили⁶⁵. Из политических заключенных они превратились для советских функционеров в признанных партнеров по переговорам. Особенно интенсивные переговоры они вели с наркомом внутренних дел Л.П. Берией. По инициативе Берии они в октябре 1941 г. направили Сталину письмо следующего содержания: "Никогда еще цивилизованное человечество не стояло перед лицом такой опасности, как сейчас: Гитлер и гитлеризм стали смертельной угрозой для всех завоеваний человеческой культуры, для независимости всех стран и для мира всех народов... Битва против этой опасности требует огромной концентрации энергии всех тех, кто хочет спасти себя, свою культуру, свои народы и все человечество от участи, уготованной им фашистским варварством во главе с Гитлером. Гитлер стремится поработить всех без исключения – страны и народы. Однако евреи – это те, кого он преследует с особой свирепостью. Он втоптывает в грязь человеческое и национальное достоинство еврейского населения. Он ставит его по ту сторону какого-либо рода законов, даже по ту сторону фашистского закона, как такового. Видимо, его цель состоит в уничтожении всего еврейско-

⁶⁴ См. об этом: *Gilboa J. Op.cit.*; *Redlich S. Propaganda and Nationalism in Wartime Russia. – The Jewish Antifascist Committee in the USSR 1941–1948. Boulder, 1982*; *Pinkus B. The Jews in the Soviet Union. Cambridge, 1988*; *Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. М., 1994*; *Редлих Ш., Костырченко Г. В. Еврейский антифашистский комитет в СССР. Документированная история. Москва, 1996, с. 13.*

⁶⁵ *Редлих Ш., Костырченко Г. В. Указ. соч., с. 15*; *Костырченко Г. В. Указ. соч., с. 27–29.*

го народа. Поэтому понятно, почему еврейские массы должны участвовать в битве против гитлеризма с особой энергией и духом самопожертвования"⁶⁶. После этого вступления авторы письма просили Сталина разрешить создание на советской территории еврейского комитета борьбы против гитлеризма.

Через несколько недель, 3 декабря 1941 г., Альтер и Эрлих, к их полному удивлению, были снова арестованы. Сталинское государство, которое еще незадолго до этого высказывалось псевдодемократически, вновь проявило свою истинную сущность. Аргументы, которые теперь приводило советское руководство в связи с арестом обоих польско-еврейских социалистов, были схожи с теми, которые в 1936–1938 гг. применялись во время показательных процессов. Альтер и Эрлих, рассматривавшие борьбу против нацизма как дело всей своей жизни, обвинялись в шпионаже в пользу "третьего рейха". Так, они будто бы призывали советские войска к немедленному прекращению борьбы против фашистской Германии⁶⁷.

Пикантность ситуации состояла в том, что этот абсурд сообщил западной общественности бывший государственный обвинитель на московских показательных процессах 1936–1938 гг. А.Я. Вышинский, в 1941 г. занимавший должность заместителя наркома иностранных дел⁶⁸.

Почему же на самом деле были устранены оба еврейско-польских социалиста? Знатоки этой тематики Ш. Редлих и Г. В. Костырченко полагают, что Эрлих и Альтер были готовы ради достижения своей цели пойти на союз со Сталиным, но при этом они ни в коем случае не желали отказываться от самостоятельности. Готовность советских коммунистов сотрудничать с социал-демократами они рассматривали как признак смягчения сталинского режима. Они считали его либерализацию неминуемой. Только в та-

⁶⁶ Редлих Ш., Костырченко Г.В. Указ. соч., с.22–23.

⁶⁷ Там же, с.19; Костырченко Г.В. Указ. соч., с. 29.

⁶⁸ Редлих Ш., Костырченко Г.В. Указ. соч., с. 20.

ком случае, по их мнению, можно было победить нацистов⁶⁹.

После освобождения 12–13 сентября 1941 г. Эрлих и Альтер находились в постоянном контакте с польскими и западными дипломатами. Они даже намеревались по поручению польского правительства искать якобы исчезнувших в Советском Союзе польских офицеров и членов "Бунда". Редлих считает неслучайным, что Эрлих и Альтер были арестованы именно во время визита в Москву главы польского эмигрантского правительства в Лондоне генерала Сикорского⁷⁰. Очевидно, необходимо было предотвратить встречу генерала с обоими политиками.

Своими независимым выступлениями Эрлих и Альтер подтверждали традиционные предубеждения, существовавшие в России по отношению к польской элите, считавшейся упрямой, надменной и своевольной. Сталин полностью разделял эти предрассудки. Возглавляемая им кампания, имевшая целью уничтожение всех секций Коминтерна, достигла апогея именно в борьбе против польских коммунистов. Коммунистическая партия Польши была в 1938 г. полностью разгромлена. С убийством весной 1940 г. более чем 21000 офицеров, служащих и других представителей польской элиты, Сталин продолжил эту политику уничтожения⁷¹.

Эрлиху и Альтеру наряду с их социал-демократическими убеждениями помешало их польское (пока еще не еврейское) происхождение: разыгрывание Сталиным еврейской карты и после второго ареста обоих социалистов было еще впереди. Однако советский диктатор был в состоянии отделять идеи от их создателей. Нередко он использовал и программы своих оппонентов. Последние уничтожались как "враги народа", но их идеи продолжали жить. Это случилось и с идеей Эрлиха и Альтера. Через 12

⁶⁹ Там же, с.18.

⁷⁰ Там же, с.19.

⁷¹ См.: Райский Н.С. Вторая мировая война и судьбы польских военнопленных. – Отечественная история, 1995, №4, с.136–144; Voslensky M. Das Geheime wird offenbar. Moskauer Archive erzählen. 1917–1991. München, 1995, S. 29–35; Lebedeva N. Agressija i genocid v "polskoj" politike Stalina (sentjabr' 1939-ijun'1941 gg.). – Dzieje Najnowsze, 1996, №1, S.111–117.

дней после второго ареста обоих политиков руководитель Государственного еврейского театра в Москве народный артист СССР С.М. Михозлс получил телеграмму, подписанную Лозовским: "Вы утверждены председателем Еврейского антифашистского комитета"⁷². Теперь "ручные" советские евреи, а не упрямые поляки, должны были взять на себя руководство комитетом. Официальное основание комитета произошло лишь через четыре месяца после назначения Михозлса его председателем. Эта деталь также указывает на то, что московское руководство было готово одобрить лишь бюрократически регламентированную разновидность "еврейской инициативы".

Ответственный секретарь ЕАК Эпштейн, который тесно сотрудничал с органами госбезопасности, в феврале 1943 г. так определял главную цель комитета: "Основная цель Еврейского антифашистского комитета была и остается мобилизовать и активизировать еврейские массы во всем мире на борьбу против фашизма"⁷³.

Однако эта направленная исключительно за границу деятельность не удовлетворяла многих членов комитета, они считали ее «минималистской». К самым острым критикам "минималистской" политики принадлежал Эренбург, незадолго до этого вновь открывший для себя еврейское самосознание. На московском митинге 24 августа 1941 г. он говорил: "Я вырос в русском городе. Мой родной язык – русский. Я – русский писатель. Сейчас я, как все русские, защищаю мою родину. Но наци мне напомнили и другое: мою мать звали Ханой. Я – еврей. Я говорю это с гордостью. Нас сильнее всего ненавидит Гитлер. И это нас красит"⁷⁴.

После начала германо-советской войны Эренбург мог возобновить прерванный в 1939 г. антифашистский поход. Он теперь призывал советских солдат к самоотверженной, беспощадной борьбе против немцев. Его проникновенные статьи являлись действенным оружием советской пропа-

⁷² Редлих Ш., Костырченко Г.В. Указ. соч., с. 56.

⁷³ Там же, с. 73.

⁷⁴ Там же, с. 46.

ганды. Популярность писателя тогда достигла апогея и приносила ему определенную независимость. Свою особую позицию он использовал для объявления "минималистам" в ЕАК открытой борьбы. Он настаивал на перенесении акцента в работе ЕАК, что казалось еретическим для его более осторожных оппонентов. Просветительская деятельность ЕАК, по мнению Эренбурга, должна была быть в первую очередь направлена не наружу, а во внутрь – против все более усиливавшегося антисемитизма в Советском Союзе. На заседании Совинформбюро Эпштейн привел следующее высказывание Эренбурга времен войны: "Ради пропаганды против фашизма среди евреев за рубежом нечего было создавать ЕАК, ибо евреи меньше всего нуждаются в антифашистской пропаганде, главная задача ЕАК должна заключаться в борьбе против антисемитизма у нас в стране"⁷⁵.

Почему именно после начала германо-советской войны антисемитизм в Советском Союзе стал так активно себя проявлять? Этот вопрос оставался без ответа вплоть до настоящего времени, когда московские архивы приоткрыли свои двери для исследователей. Однако и теперь на него нет однозначного ответа. Многие авторы объясняют рост новой волны враждебности к евреям "заражением" населения нацистской пропагандой: более 70 млн. советских граждан находились на оккупированной немцами территории. Тем не менее многие свидетели сообщают о бесчисленных случаях проявления антисемитизма в тех частях страны, которые никогда не были под нацистским господством⁷⁶. Была ли связана эта новая вражда к евреям со "стихийной десталинизацией", имевшей место в начале Великой Отечественной войны?

Московский историк М.Я. Гефтер, введший это понятие в научный оборот, указывал на то, что население, притесняемое режимом, использовало момент его слабости, чтобы добиться большей самостоятельности. К сущности ста-

⁷⁵ Там же, с. 327.

⁷⁶ Советские евреи пишут Илье Эренбургу, с. 268, 274–279; *Редлих Ш., Костырченко Г.В.* Указ. соч., с. 69.

линизма, по Гефтеру, принадлежала способность лишать людей всякой самостоятельности, самых элементарных прав. Начавшаяся в 1941 г. борьба за выживание снова дала этим людям возможность, пусть на короткое время, но самостоятельно решать свою судьбу⁷⁷. Однако "стихийная десталинизация", как и каждое частичное освобождение от внешнего принуждения, имела и теневые стороны: проявлялись не только благородные порывы, но и некоторые предрассудки, в частности антисемитские эмоции. Эта ситуация определенным образом напоминала 20-е годы, когда ослабление большевистского контрольного механизма сделало возможным рост новой волны антисемитизма в стране⁷⁸. Однако в 20-е годы СССР не находился в состоянии смертельной борьбы с врагом, конечной целью которого было уничтожение всего еврейского народа. Тем более непонятным стало новое обострение вражды к евреям в СССР.

Особенно раздражало советских евреев распространенное в стране мнение о том, что евреи якобы "укрываются" от фронта. "Очень больно и обидно родителям, женам, детям, у которых сыновья, мужья, отцы сражаются с таким героизмом, слышать реплики, что евреев на фронте нет. Ведь ни одна газета не упоминает о подвигах евреев на фронте", – такими письмами евреи буквально завалили ЕАК и его членов⁷⁹.

Чтобы противостоять этим слухам, некоторые члены ЕАК во главе с Эренбургом готовили издание "Красной книги", призванной документировать вклад евреев в войну⁸⁰. Многие евреи с гордостью апеллировали к статистике, опубликованной в газете "Красная Звезда" в начале 1944 г.

⁷⁷ Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. М., 1991, с. 418.

⁷⁸ См. также: Шварц С. Антисемитизм в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1952.

⁷⁹ Советские евреи пишут Илье Эренбургу, с.160, 276–277; Редлих Ш., Костырченко Г.В. Указ. соч., с.72. Сталин в доверительных беседах тоже говорил о том, что евреи якобы плохие солдаты. – Silberener E. Kommunisten zur Judenfrage. Zur Geschichte von Theorie und Praxis des Kommunismus. Opladen, 1983, S.129.

⁸⁰ Советские евреи пишут Илье Эренбургу, с. 218.

Здесь называлось число солдат-фронтовиков, награжденных с начала войны до 1 января 1944 г. боевыми наградами. Евреи занимали здесь четвертое место⁸¹, хотя по данным на 1939 г. они в количественном соотношении с другими народами СССР были лишь на седьмом месте⁸².

Рассерженный слухами о "трусости" евреев, Эренбург писал в ноябре 1942 г.: "Когда-то евреи мечтали об обетованной земле. Теперь у евреев есть обетованная земля: передний край"⁸³. Однако возмущение Эренбурга, евреям-фронтовикам и их семьям мало помогало. Представление о "еврее, прячущемся от фронта" прочно укоренилось в обывательском сознании.

Положение, в которое попали советские евреи во время германо-советской войны, имело удивительное сходство с тем, в каком находились их немецкие единоверцы во времена первой мировой войны. Тогда многие немецкие евреи с самопожертвованием сражались на фронте. 12000 из них погибли. Несмотря на это евреи обвинялись их христианскими земляками в массовом уклонении от фронта. Содержавшая антисемитский подтекст легенда об "ударе ножом в спину", которая сильно отравляла политическую жизнь Веймарской республики, начала складываться уже во время первой мировой войны. Один из самых знаменитых представителей немецкого еврейства В. Ратенау писал в августе 1916 г.: "Чем больше евреев погибают в сражениях на этой войне, тем дольше их противники будут доказывать, что они все сидели в тылу, чтобы наживаться на войне. Ненависть к ним будет удваиваться и утраиваться"⁸⁴. Ссылки немецких евреев на мужество своих единоверцев, проявленное на фронте, помогали им так же мало, как и аналогичные указания советских евреев на героизм своих соплеменников через 25 лет.

Не только тезис о том, что "евреи не воевали" вызывал

⁸¹ Там же, с.135.

⁸² *Simon G. Nationalismus und Nationalitaetenpolitik in der Sowjetunion. Baden-Baden, 1986, S. 422.*

⁸³ Советские евреи пишут Илье Эренбургу, с. 56.

⁸⁴ Цит. по: *Die Zeit*, 11.10.1996, S. 46.

раздражение советских евреев. С недоумением они реагировали на то, как в советских средствах массовой информации сообщалось об убийствах евреев нацистами. Хотя злодеяния фашистских оккупантов на советской территории подробно описывались в официальной прессе, она при этом крайне редко указывала на особый характер еврейской трагедии. Хотя здесь были и исключения. Так, в официальном советском заявлении от 19 декабря 1942 г. говорилось об "особом плане поголовного истребления еврейского населения на оккупированной территории Европы, а также и самой Германии"⁸⁵. Но такие исключения лишь подтверждали правило – тенденцию умолчания о характере нацистской политики в отношении евреев. Примером этому может служить работа учрежденной в ноябре 1942 г. государственной комиссии по расследованию нацистских преступлений. В 1943 г. она опубликовывала семь сообщений о зверствах немецких оккупантов в СССР. Лишь в одном из них было упоминание о евреях⁸⁶. Как отмечает российский историк Л.А. Безыменский, председатель этой комиссии Н.М. Шверник направил в ЦК Александрову „для получения одобрения для печати“ сообщение о зверствах фашистских оккупантов в Киеве. Александров сделал ряд редакционных исправлений, суть которых сводилась к тому, что из текста были вычеркнуты упоминания о евреях. Слово „евреи“ было заменено выражением „мирные граждане“. Эти исправления были одобрены Молотовым и Вышинским. Документ завизировал Щербаков. С тех пор формулировка „мирные граждане“ постоянно фигурировала в советских документах, когда речь шла об уничтожении нацистами евреев⁸⁷.

Для противодействия тенденции к замалчиванию еврейской трагедии ЕАК вскоре после своего образования начал собирать документы о холокосте. Они должны были лечь в основу так называемой "Черной книги". Идея такой

⁸⁵ Шварц С. Указ.соч., с.175.

⁸⁶ Там же, с.178.

⁸⁷ *Bezzyemsky L. Was das Sowjetvolk vom Holocaust wußte? – Der Spätstalinismus und die jüdische Frage. Zur antisemitischen Wendung des Kommunismus.* Hrsg. L. Luks, Köln, 1998.

публикации принадлежала великому физику А. Эйнштейну. Ее поддержал и с большим вдохновением осуществлял ЕАК, в частности Эренбург. Весной 1944 г. ему было доверено литературное оформление "Черной книги"⁸⁸.

Почему же советские средства массовой информации так скупо и лишь эпизодически сообщали о еврейской трагедии? Некоторые авторы пытаются так ответить на этот вопрос: не было повода считать, что эта тактика умолчания "отражает активный антисемитизм" советского руководства, так в 1952 г. отмечал американский историк С. Шварц. В этой позиции отражалась скорее уступка "антисемитизму снизу"⁸⁹.

Аналогичные аргументы несколько десятилетий спустя приводил также немецкий автор Э. Зильбернер: "Советская пресса... лишь изредка сообщала об убийствах немцами многих миллионов евреев. Она не хотела часто затрагивать эту тему не по антисемитским причинам, но пожалуй из опасения, что подобные разоблачения могли бы возбудить антиеврейские настроения в определенных кругах населения"⁹⁰.

Документы, которые лишь недавно стали доступны историкам, опровергают этот тезис: "активный антисемитизм" начинал уже в 1942 г. по меньшей мере в нескольких областях влиять на образ действий советского руководства. Таким образом, антиеврейские тенденции в политике режима начались не после победы над "третьим рейхом", как считали исследователи до недавнего времени, а значительно ранее. Документы, которые в 1942–1943 гг. разрабатывались в отделе пропаганды ЦК, однозначно говорят об этом.

3.4.2. Новые веяния

Уже летом 1942 г. ответственный за пропаганду функционер ЦК Г.Ф. Александров составил памятную записку, в

⁸⁸ Редлих Ш., Костырченко Г.В. Указ. соч., с. 238.

⁸⁹ Шварц С. Указ. соч., с. 186.

⁹⁰ Silberener E. Op.cit., S.196.

которой критиковал "еврейское преобладание" в некоторых учреждениях культуры, требовал провести "обширную чистку" по "расовому принципу": "В течение ряда лет во всех отраслях искусства извращалась национальная политика партии. В управлениях Комитета по делам искусств и во главе многих учреждений русского искусства оказались нерусские люди (преимущественно евреи)... Комитет по делам искусств целиком передоверил этим людям, нередко чуждым русскому искусству, подбор и выдвижение кадров. В результате во многих учреждениях русского искусства русские люди оказались в нацменьшинстве"⁹¹. Основы кампании против космополитов, которая началась примерно через шесть лет, здесь уже были заложены. Уже в 1942 г. евреев называли "национальными нигилистами" и "разрушителями русских культурных ценностей", которые не могут постичь русской сущности. Призыв к русскому патриотизму, который должен был помочь сталинскому режиму в борьбе за выживание, начиная уже с 1942 г., содержал в себе элементы антисемитизма.

Примерно с 1943 г. был ограничен, а вскоре и прекращен прием евреев на дипломатическую службу, где они, не в последнюю очередь из-за лингвистических способностей, были широко представлены ранее. Об этом сообщали многие современники. Вот лишь один пример: известный советский историк-германист А. С. Бланк в 1944 г., будучи молодым офицером-политработником и переводчиком, работавшим с пленными немецкими генералами, подал заявление о приеме в Высшую дипломатическую школу наркомата иностранных дел. Хотя он и соответствовал всем формальным предпосылкам для учебы в этом заведении, он получал отказ. Позднее он узнал, что причиной отказа было его еврейское происхождение. С 1943 г. евреев больше не принимали на дипломатическую службу⁹².

Американский журналист Х. Солсбери писал в 1946 г. о слухах о том, что молодое поколение советских дипломатов

⁹¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее – РЦХИДНИ), ф.17, оп.125, д.123, л. 21–23.

⁹² Бланк А.С. Воспоминания. Из неопубликованного наследия.

теперь стало "свободным от евреев": "Я не знаю, верно ли это. Трое из заместителей наркома иностранных дел – евреи; но я никогда не встречал там молодого еврейского атташе, и у меня было ощущение, что там отдавали предпочтение блондинам нордического типа"⁹³.

Аналогично складывалась ситуация в наркомате внешней торговли и во многих других политических и научных учреждениях. Там также вводилось "нормирование" числа евреев, которое в некоторых случаях было равно нулю⁹⁴. Людям, затронутым этими ограничениями, как правило, не было ясно, на каком политическом уровне принимались решения о дискриминационных мерах. Вместе с тем, большинство не связывало их с политикой высшего руководства партии и государства. Поэтому снова и снова раздавались призывы о помощи, адресованные к высшим властям. Примером этого может служить полное драматизма обращение к Сталину старого коммуниста еврейского происхождения Я. Гринберга, который в июне 1943 г. писал: "Дорогой вождь и учитель И.В. Сталин! Чем можно объяснить, что в нашей советской стране и в столь суровое время мутная волна отвратительного антисемитизма возродилась и проникла в отдельные советские аппараты и даже партийные организации? Что это? Преступная глупость не в меру ретивых людей, невольно содействующих фашистской агентуре, или что-либо иное? ... Существуют собственные измышления и догадки о том, что возможно сверху было дано какое-то указание о развитии русской национальной культуры, может быть даже проведение национального регулирования выдвигаемых кадров ... Как результат это породило враждебное отношение к евреям, работающим в этой области"⁹⁵.

Чем безнадежнее была окружающая действительность для советских евреев, тем привлекательней для многих из

⁹³ Цит. по: *Шварц С.* Указ. соч., с. 210. См. также: *Романовский Н.* Лики сталинизма. Москва, 1995, с. 62, 66; *Djilas M.* Gespräche mit Stalin. Zuerich, 1962, S. 196, 215.

⁹⁴ *Шварц С.* Указ. соч., с. 211; *Gilboa J.* Op. cit. p. 251–256.

⁹⁵ РЦХИДНИ, ф.17, оп.125, д.136, л.123–125.

них становился образ "верного вождя и учителя народов". Сталин был для них не символом убийства миллионов своих подданных, не союзником Гитлера в 1939–1941 гг., не виновником разгрома советских вооруженных сил летом и осенью 1941 г. Все это было скоро забыто. Теперь имя Сталина ассоциировалось с победами Красной Армии и со спасением советских евреев, по меньшей мере их части, от нацистского уничтожения – "окончательного решения" еврейского вопроса. Культ Сталина для многочисленных советских евреев был делом само собой разумеющимся, естественным, о котором люди обычно не задумывались. Он отражался даже в частной корреспонденции, например во многих письмах советских евреев Эренбургу: "Я благодарна любимому Сталину, который осветил собой весь мир... Благодаря Великому Гению всего народа и нашей Великой непобедимой славной Красной Армии 27 марта 1944 г. мы были освобождены от гитлеровских кровожадных людоедов. Мы снова на воле, и солнце правды нам снова засияет сталинскими лучами"⁹⁶.

Это раздвоение действительности на "свет", который излучал Сталин, и "тени", какими были беспросветные советские будни, не представляло собой ничего специфически еврейского. Умерший несколько лет тому назад московский литературный критик и историк Н.Я. Эйдельман говорил во время перестройки о гипнотическом восприятии Сталина, охватившем население СССР с середины 30-х гг. и продолжавшемся до смерти диктатора. Это безумное состояние вело к полностью искаженному ощущению действительности. Только поэтому деспот, ответственный за убийства миллионов людей, в глазах большинства населения выглядел как символ совершенства (Московские Новости, 24 июля 1988, с. 2).

Если иметь в виду, что сталинский террор, в противоположность нацистскому, в первую очередь был направлен против собственного народа, то описанное Эйдельманом гипнотическое восприятие Сталина советскими людьми представляет собой еще более загадочную форму массо-

⁹⁶ Советские евреи пишут Илье Эренбургу, с.182–183.

вой патологии, чем восторженно-фанатическое преклонение немцев перед Гитлером.

Ко все более усиливавшемуся в СССР во время войны антисемитизму Сталин, несмотря на заветные ожидания многих евреев, открыто не выражал своего отношения. Но возможно ли было появление антисемитских меморандумов в отделе пропаганды ЦК в 1942 г. и в дальнейшем без его ясно выраженного одобрения? Едва ли. Идеология была основой советской системы. Отдел пропаганды находился под особенно строгим надзором руководства страны, т.е. Сталина. Здесь тщательно подготавливались изменения курса режима. Не подлежит никакому сомнению, что большевизм после начала германо-советской войны находился накануне обновления своих идеологических основ. Уже в 30-е гг. он начал облачаться в национальные русские одежды, не избавившись однако от аксессуаров интернационализма: само существование Коммунистического Интернационала принуждало его к их сохранению. В мае 1943 г. исчезло и это препятствие. Коминтерн был распущен. Процесс русификации большевизма теперь вступил в новую стадию. Ничего удивительного: русский патриотизм представлял собой ту силу, которая в конечном итоге и разгромила нацизм, шедший с сентября 1930 г., после победы на выборах в рейхстаг, от одного триумфа к другому. Сталин начал теперь платить по этому счету. Он все больше и больше льстил русской нации. Правившая большевистская элита, ранее бывшая многонациональной, теперь стала все больше и больше русифицироваться. Представлять советское государство за границей теперь в первую очередь должна была также нация-гегемон. Отсюда и "чистка" дипломатического корпуса по расовому принципу. Намечившаяся в августовском 1942 г. меморандуме Александрова тенденция к "охране" русской культуры от "чужеродного цинизма" усилилась. В этой связи характерна критика Щербаковым Эренбурга. На заседании отдела пропаганды ЦК 31 марта 1944 г. секретарь ЦК выступил против "отвратительных отзывов" Эренбурга о великих русских художниках Репине и Сурикове. Нападки Щербакова на Эренбурга под-

держала также заведующая отделом учреждений культуры Зуева, назвавшая высказывание Эренбурга "отвратительным"⁹⁷. На том же заседании отдела пропаганды подчеркивалось и значение русской культуры для всех народов Советского Союза. По словам сотрудника ЦК Еголина, величие русской культуры, значение русской литературы подчеркивали художники всего мира. "Ромен Роллан говорит, что для него Лев Толстой больше, чем все классики французской литературы вместе взятые"⁹⁸.

Таким образом, уже до конца войны с нацистской Германией в Советском Союзе начинала складываться тенденция к спасению мира прежде всего не с помощью пролетарской, а с помощью русской идеи. Так что часто цитируемый тост Сталина за русский народ как самую выдающуюся среди всех советских народов нацию, произнесенный 24 мая 1945 г., имел предысторию⁹⁹.

Вопреки возраставшей русификации большевизма, он не потерял характерную для него амбивалентность. Его интернациональный компонент тоже оставался в силе. Большевизм никогда полностью не идентифицировал себя с „русской“ идеей. Восхваление русской нации большевистские идеологи всегда сопровождали одним "но": они ясно отдавали себе отчет в том, что одной лишь "русской идеи" ни в коем случае не достаточно для того, чтобы удержать вместе более 100 народов советской империи. Да и во многих восточноевропейских государствах, превратившихся теперь во "внешнюю" составную часть советской империи, "русская идея" была не особенно популярна. Не иначе дело обстояло и со множеством симпатизирующих Советскому Союзу людей на Западе и в развивающихся странах. Они также поддерживали Москву в первую очередь потому, что она была центром мировой революции, а не потому, что она пропагандировала универсальное значение русского начала. Чтобы соответствовать всем этим идеологическим требованиям, советские руководители должны были (во-

⁹⁷ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 221, л. 26.

⁹⁸ Там же, л. 26.

⁹⁹ См. И. В. Сталин, Сочинения, т. 2(15), с. 203–204.

преки своей склонности к русоцентристско-антисемитскому мышлению) сохранять свое "интернационалистское лицо". Поэтому и антисемитская волна, поднятая режимом в 1942–1943 гг., не воспринималась многими наблюдателями, даже знатоками СССР, в качестве таковой. Так, например, Шварц писал в 1952 г., что советское руководство до конца 40-х гг. либо преодолевало, либо пассивно терпело антисемитизм, но никогда активно не раздувало его. Ситуация принципиально изменилась лишь в 1949 г.¹⁰⁰

Таким образом, сталинское руководство в течение долгих лет вводило в заблуждение самых крупных зарубежных знатоков России. Еще в большей степени это касалось широких кругов мировой общественности, в частности еврейской. Заблуждения Запада были не в последнюю очередь связаны с тем, что Москва и после нового идеологического поворота 1942–1943 гг. продолжала привлекать к себе еврейские симпатии. В этой связи следует особо упомянуть поездку Михозлса и другого руководящего деятеля ЕАК поэта И. Фефера в Северную Америку. Эта поездка, которая продолжалась почти полгода, с июня по декабрь 1943 г., стала триумфальным шествием посланцев советского еврейства. Их с воодушевлением принимали многочисленные еврейские общины и руководители еврейских организаций в США, Канаде и Мексике¹⁰¹. Эта поездка, представлявшая собой чисто пропагандистское мероприятие, тщательно подготавливалась и постоянно контролировалась властями СССР¹⁰². Руководители ЕАК начали, не в последнюю очередь под впечатлением американских успехов, которые их буквально ошеломили, ошибочно интерпретировать сигналы из центра. Они полагали, что советский режим заинтересован в самостоятельном посреднике между СССР и мировым еврейством. Да и многочисленные представители еврейской общественности на западе склонялись к пере-

¹⁰⁰ Шварц С. Указ. соч., с. 214–215.

¹⁰¹ Редлих Ш., Костырченко Г.В. Указ. соч., с. 185–190, 198–203.

¹⁰² Наумов В.П. Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета. М., 1994, с. 170–174; Борщаговский А.М. Обвиняется кровь. М., 1994, с. 82; Редлих Ш., Костырченко Г.В. Указ. соч., с. 186.

оценке роли ЕАК и рассматривали комитет в качестве влиятельной организации. Так совместными усилиями выработывались планы о будущем советского еврейства. В этой связи возникла также идея основания автономной еврейской республики на полуострове Крым. Михозлс и Фефер говорили об этом во время поездки по Америке с такими влиятельными представителями американского еврейства, как Дж.Н. Розенберг (Еврейский объединенный благотворительный комитет – "Джойнт") и с Л. Левин (Всемирный еврейский конгресс)¹⁰³. Советские органы террора в то время планировали депортацию крымских татар, которые обвинялись в сотрудничестве с немцами. С вершины пирамиды советской власти вниз просачивались сведения о том, что руководством государства рассматриваются ходатайства о переселении евреев в Крым. Без этих сигналов сверху воодушевляемое ими верноподданническое руководство ЕАК никогда бы не решилось изложить на бумаге столь смелый план. Вот что писал об этом Фефер: "Мы уже знали, что из Крыма выселили часть населения и что будет ставиться вопрос о заселении его. Мы решили не писать письмо до тех пор, пока не поговорим с одним или двумя членами Политбюро... Мы попросились на прием к В.М. Молотову. Он нас принял (меня, Михозлса и Эпштейна). Там среди других вопросов мы поставили вопрос о создании еврейской республики в Крыму... Молотов сказал: "Что касается Крыма, то пишите письмо и мы его посмотрим"¹⁰⁴. Лишь после этого сигнала сверху руководство ЕАК официально обратилось к Сталину по вопросу о Крыме. 15 февраля 1944 г. оно направило ему письмо с просьбой содействовать учреждению "Еврейской социалистической республики в Крыму". Только таким образом, как подчеркивали авторы письма, можно было бы раз и навсегда "по-большевистски в духе ленинско-сталинской национальной политики" разрешить "проблему государственно-правового положения еврейского народа и дальнейшего развития его вековой культуры". Еврейская автономная область в Биро-

¹⁰³ *Редлих Ш., Костырченко Г.В.* Указ. соч., с. 97.

¹⁰⁴ *Наумов В.П.* Указ. соч., с. 28.

биджане слишком удалена от важнейших центров поселения евреев и поэтому не имеет никаких перспектив на будущее: "Идея создания еврейской советской республики пользуется исключительной популярностью среди широчайших еврейских масс Советского Союза и среди лучших представителей братских народов. В строительстве еврейской советской республики оказали бы нам существенную помощь еврейские народные массы всех стран мира, где бы они ни находились"¹⁰⁵.

Генерал НКВД-НКГБ П.А. Судоплатов сообщал: "Идея создания еврейской социалистической республики в Крыму совершенно открыто обсуждалась в Москве не только в еврейских кругах, но и на правительственном уровне. Я вспоминаю, что заместитель председателя госплана Борисов... в середине 1944 г. или в 1945 г. сказал: "Мы как раз получили указание рассчитать финансовые затраты, необходимые для создания инфраструктуры будущей еврейской республики в Крыму"¹⁰⁶. Как утверждает Судоплатов, советское руководство пыталось с помощью крымского проекта привлечь в страну американский капитал. Даже Сталин, согласно Судоплатову, включился в этот проект: о нем шла речь во время встречи Сталина с американским послом А. Гарриманом и президентом американской торговой палаты Э. Джонстоном в июне 1944 г.¹⁰⁷

Сразу же после окончания войны советское руководство отказалось от этого плана. Казалось, что существование ЕАК также подходит к концу: после победы над "третьим рейхом" пропагандистская миссия ЕАК была выполнена. Никто не был бы удивлен, если бы узнал, что советское руководство сразу после окончания войны решило распустить комитет. В марте 1945 г., незадолго до конца

¹⁰⁵ РЦХИДНИ, ф.17, оп.125, д. 246, л.169–172. Для дальнейшей судьбы ЕАК это письмо имело роковые последствия. См. об этом: *Борщаговский А.М.* Указ. соч.; *Наумов В.П.* Указ. соч.; *Хрущев Н.С.* Воспоминания. – "Огонек", 1990, № 8, с. 22; *Батыгин Г., Девятко И.* Еврейский вопрос. Хроника сороковых годов. – Вестник РАН, т. 63, ч.1, М., 1993, с. 68.

¹⁰⁶ *Sudoplatow P., Sudoplatow A.* Der Handlanger der Macht. Duessel-dorf, 1994, S. 330.

¹⁰⁷ *Судоплатов П.А.* Разведка и кремль. М., 1996, с. 343.

войны, Лозовский в беседе со своим начальником Щербаковым высказывался за скорый роспуск всех антифашистских комитетов. Свое дело они уже сделали¹⁰⁸.

Однако кремлевское руководство было иного мнения. Уже отчетливо проявлялись первые признаки „холодной войны“. Так как эта война имела в первую очередь идеологический характер, антифашистские комитеты еще могли сослужить хорошую службу советской пропаганде. Поэтому их до поры до времени оставили существовать. Как же определялось их новое задание? Оно было сформулировано Лозовским на заседании Совинформбюро 22 мая: ранее комитеты в основном пропагандировали идеи единого Народного фронта в борьбе против фашизма. Лозунги классовой борьбы были на определенное время отложены. Теперь же следовало вновь говорить об обострении классовой борьбы, о борьбе против "реакционных сил" во всем мире¹⁰⁹.

Время обращения к "еврейским братьям" во всем мире, независимо от их классовой принадлежности, закончилось и для ЕАК. Комитет теперь постоянно критиковался за свои "националистические заблуждения" и пренебрежение марксистским учением о классовой борьбе. Особенно отчетливо эта критика прозвучала в докладе руководителя внешнеполитического отдела ЦК М. А. Сулова 19 ноября 1946 г. Согласно Сулову, ЕАК интересовался исключительно еврейской проблематикой и представлял советскую действительность только с еврейской точки зрения. Комитет подспудно пропагандировал идею превосходства еврейской нации. Сотрудничая с зарубежными буржуазными еврейскими организациями, он забыл, что речь идет о классовом противнике. Сулов считал также крайне рискованным тот факт, что ЕАК симпатизировал сионизму и ходатайствовал о создании еврейского государства в Палестине. Пропагандистская заинтересованность ЕАК в Палестине отмечалась тамошним арабским населением. При этом арабы путали

¹⁰⁸ Наумов В.П. Указ. соч., с.167; См. также: Письмо Лозовского Маленкову от 24 апреля 1945 г. – РЦХИДНИ, ф.17, оп.125, д. 317, л.1–3.

¹⁰⁹ Редлих Ш., Костырченко Г.В. Указ. соч., с.177.

позицию ЕАК с официальной точкой зрения советского правительства по проблеме Палестины. Это, несомненно, наносило политический ущерб интересам СССР. Суслов подводил итог: деятельность ЕАК как за границей, так и в СССР "приобретает все более сионистско-националистический характер и потому является политически вредной и нетерпимой"¹¹⁰.

Объявление борьбы советского руководства с так называемым "еврейским национализмом" стало злым роком и для издания "Черной книги", которая должна была документировать убийства нацистами евреев на советской территории. Хотя ЕАК получил разрешение высшего органа цензуры – Главлита – на публикацию книги, отдел пропаганды ЦК ее запретил¹¹¹. Это произошло несмотря на тот факт, что ее американская версия уже в 1946 г. появилась в Нью-Йорке, а на Нюрнбергском процессе помощник Главного обвинителя от СССР Л.Н. Смирнов использовал материалы "Черной книги"¹¹².

ЕАК, в первую очередь его председатель Михозлс, настаивал на немедленной публикации книги. Чтобы быть более убедительным, Михозлс в письме А.А. Жданову от 18 сентября 1947 г. использовал обычную для времен „холодной войны“ лексику: "По нашему мнению, "Черная книга" должна напомнить миру об опасности фашизма, представители которого продолжают черное дело Гитлера в США, в Англии и других странах"¹¹³. Однако и эта аргументация не помогла. Книгу не было позволено издать в СССР и она была спрятана в сейфах Лубянки вплоть до горбачевской перестройки.

Какую же крамолу обнаружили хранители чистоты советской идеологии в этом документе? Приведем оценку книги, данную Александровым в феврале 1947 г.: "Красной нитью по всей книге проводится мысль, что немцы грабили и уничтожали только евреев. У читателя невольно создает-

¹¹⁰ Там же, с. 336–344.

¹¹¹ РЦХИДНИ, ф.17, оп.125, д. 438, л. 221.

¹¹² Там же, л. 214.

¹¹³ Там же, л. 219.

ся впечатление, что немцы воевали против СССР только с целью уничтожения евреев"¹¹⁴. Так острое восприятие народом собственной боли выдавалось советскими пропагандистами за проявление "еврейского национализма".

Чем больше советское руководство склонялось к прославлению русской нации, тем более жестко оно выступало против "националистических заблуждений" нерусских народов СССР. Разумеется, евреи не были исключением. Все другие "младшие братья" старшего народа-гегемона должны были убедиться в том, что почти беспрепятственная пропаганда русского национализма совместима с марксистским интернационалистским учением; однако осознание нерусскими народами их собственных традиций считалось предосудительным и подлежащим искоренению проявлением "буржуазного национализма". Таким образом, евреи сидели в одной лодке вместе со всеми нерусскими народами Советского Союза.

Запрет контактов с "буржуазным классовым врагом", также приведший к изоляции советских евреев от единоверцев за границей, не следует рассматривать как дискриминационное мероприятие, направленное исключительно против евреев. Все другие советские граждане находились в таком же положении. И для них Советский Союз был тюрьмой, хотя и очень вместительной, занимавшей шестую часть суши.

Сталинская система, это олицетворение абсурда, не могла существовать без герметичной изоляции от внешнего мира, разжигания военной истерии и психоза вражеского окружения. Только во время войны, когда шла борьба с реальным противником, а не с мнимыми "врагами народа" система должна была считаться с действительностью. Лишь это отчасти помогало людям терпеть режим. Позже, в брежневские времена, писатель К.М. Симонов определял войну в разговоре со своим коллегой Вячеславом Кондратьевым как «чуть ли не единственное по-настоящему светлое пятно в нашей истории последних десятилетий» (Правда, 20 июня 1991, с. 3). Можно представить себе, ка-

¹¹⁴ Там же, л. 216–218.

ким мрачным был "мирный" сталинизм, если война, стоившая 27 млн. жизней советских граждан, воспринималось как "светлое пятно"!

Победа, купленная такой дорогой ценой, понималась советскими людьми как начало новой эпохи. Смелые картины будущего рисовали тогда даже такие верные слуги Сталина, как популярный писатель А.Н. Толстой. 22 июля 1943 г. он записал в своем блокноте: "Народ, вернувшись с войны, ничего не будет бояться. Он будет требователен и инициативен... Китайская стена довоенной России рухнет"¹¹⁵. Поэт Н.Н. Асеев в октябре 1944 г. отмечал: "вместе с демобилизацией вернутся к жизни люди, все выдавшие. Эти люди принесут с собой новую меру вещей"¹¹⁶.

Едва ли кто-либо предполагал, что после войны в СССР может быть восстановлена существовавшая в 30-е гг. абсурдная система. Но Сталин был иного мнения: "Сталин понимал, что принесены такие жертвы, народ захочет жить по-человечески, будет ждать перемен. Сталин понимал, что война отучила людей бояться смерти... Вернувшиеся были грозны в своем молчаливом ожидании. Собственных солдат Сталин боялся не меньше, чем солдат Гитлера в начале войны"¹¹⁷.

Теперь сталинская клика считала своей важнейшей задачей новое дисциплинирование гордого своей победой народа, превращение его вновь в шестеренки тоталитарного механизма. Она опять стала населять мир призраками: воображаемыми врагами народа, агентами, могущественными центрами заговорщиков. Советские граждане призывались теперь к постоянной бдительности, разоблачению шпионов и врагов, скрывавших под маской свое истинное лицо. Таким образом, Сталин был вновь в своей стихии.

¹¹⁵ Оклянский Ю. Роман с тираном. М., 1994, с. 69.

¹¹⁶ Бабиченко Д.Л. Писатели и цензоры. М., 1994, с. 98.

¹¹⁷ Авторханов А. Загадка смерти Сталина. Франкфурт-на-Майне, 1976, с.16.

3.4.3. Парадоксы „борьбы с космополитизмом“

Уже в августе 1946 г. в советской литературе началась ассоциирующаяся с именем Жданова кампания по укреплению дисциплины, инициатором которой был Сталин. Партия теперь объявила борьбу "чуждым" "космополитическим" и прозападным тенденциям в литературе¹¹⁸. В феврале 1947 г. было запрещено бракосочетание советских граждан с иностранцами. Запад теперь все больше и больше демонизировался, советских людей постоянно предостерегали от его пагубного влияния. Сталин решительно осудил восходящую еще ко временам Петра I традицию подражания Западу: "Петр I тоже великий государь, но он слишком либерально относился к иностранцам, слишком открыл ворота и допустил иностранное влияние в страну, допустил онемечивание России", – заявил Сталин в феврале 1947 г. кинорежиссеру С.М. Эйзенштейну¹¹⁹. Эту мысль Сталин развил спустя три месяца в конфиденциальной беседе с некоторыми советскими писателями: "Если взять нашу среднюю интеллигенцию,... [то] у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Все чувствуют себя еще несовершеннолетними, не стопроцентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников. Это традиция отсталая, она идет от Петра... Почему мы хуже? В чем дело? Надо бороться с духом самоуничужения у многих наших интеллигентов"¹²⁰.

Сталинское руководство теперь однозначно стремилось к восстановлению положения, которое существовало в стране перед войной. Ссылки на происки американского и английского империализма, жаждавшего войны и разрушения пролетарского государства, должны были лишь узаконить это стремление. Однако, лозунги классовой борьбы

¹¹⁸ Бабиченко Д.Л. Указ.соч.; Hahn W. Postwar Soviet Politics. The Fall of Zhdanov and Defeat of Moderation. 1948–1953. London, 1982.

¹¹⁹ Цит. по: Московские новости, 7.VIII.1988, с. 8.

¹²⁰ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. – "Знамя", 1988, № 3, с. 59–60.

30-х годов утратили свою прежнюю притягательную силу. Во время германо-советской войны борьба прежде всего шла за защиту своего Отечества. При поиске угрозы, призванной оправдать реставраторский курс режима, теперь, после войны, сталинское руководство пыталось учесть изменившееся положение. Новый противник должен был угрожать не только основам социализма, но и быть олицетворением всего того, что якобы чуждо сущности русского народа: недостаточной национальной гордости, притяния иностранных ценностей, двурушничества, малодушия и жажды власти. Так образ врага постепенно подгонялся под обывательские представления о евреях. Антисемитизм, который с 1942 г. лишь подспудно влиял на политику советского руководства, стал принимать характер официального курса. Этот поворот начался с провокационного убийства национального символа советского еврейства – Михоэлса. Устранение руководителя ЕАК, который слыл человеком своевольным и трудно управляемым, имело для Сталина столь важное значение, что он лично дал соответствующее указание министру госбезопасности СССР В.С. Абакумову. Об этом сообщали как Абакумов, так и дочь Сталина Светлана, которая случайно присутствовала при беседе своего отца с главой МГБ¹²¹.

Заказ был выполнен 13 января 1948 г. в Минске, где Михоэлс находился в командировке. Абакумов вспоминал: "Когда Михоэлс был ликвидирован и об этом было доложено И.В. Сталину, он высоко оценил это мероприятие и велел наградить орденами, что и было сделано"¹²².

Уже в конце 1947 г. несколько друзей Михоэлса были арестованы. Их принуждали к показаниям против Михоэлса, который якобы, выполняя задание американских евреев, "проявлял повышенный интерес к личной жизни главы Советского правительства в Кремле"¹²³. Бывший заместитель

¹²¹ *Allilujewa S.* Das erste Jahr. Wien, 1969, S.141.

¹²² *Борщаговский А.М.* Указ.соч. с.6; *Vaksberg A.* Stalin against the Jews. New York, 1994, S.180; *Вовси-Михоэлс Н.С.* Мой отец Соломон Михоэлс. Воспоминания о жизни и гибели. Тель-Авив, 1984, с. 243–251.

¹²³ РЦХИДНИ, ф. 589, оп. 3, д.15624, л. 344–346. См. также: *Шатуновская Л.* Жизнь в Кремле. Нью-Йорк, 1982, с. 238; *Vaksberg A.* Op.cit, p.157;

министра государственной безопасности Рюмин впоследствии вспоминал, что с конца 1947 г. в органах госбезопасности наметилась тенденция рассматривать всех евреев как потенциальных врагов советского государства¹²⁴.

Но криминальная фантазия Сталина была ограничена. Он снова и снова в разных контекстах повторял ранее уже использованные сценарии. Это касалось и убийства Михоэлса. Оно во многом было скопировано с убийства С.М. Кирова в декабре 1934 г. В 1934 г. был устранен символ советский властной элиты, а через 14 лет – символ советского еврейства. В обоих случаях последовали торжественные похороны. После чего Сталин начинал ожесточенную кампанию против всей политической формации или группы населения, которую соответственно представляли убитые.

Однако отметим, что сталинская политика в отношении евреев и после убийства Михоэлса оставалась амбивалентной. Она содержала противоречия, которые даже сегодня, несмотря на частичное открытие архивов, остаются необъяснимыми. Это, например, касается отношения Москвы к сионизму. Весной 1947 г. Москва изменила свою радикальную антиссионистскую позицию и начала активно выступать в поддержку создания еврейского государства в Палестине¹²⁵. Руководитель советской делегации на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций А.А. Громыко в апреле 1947 г. заявил: "Тяжелые жертвы, которые понес еврейский народ в результате произвола гитлеровцев в Европе еще больше подчеркивают необходимость для евреев иметь свое собственное государство и

Костырченко Г.В. Указ. соч., с. 84–95; Борщаговский А.М. Указ. соч., с. 11–14.

¹²⁴ Редлих Ш., Костырченко Г.В. Указ. соч., с. 317.

¹²⁵ См. об этом: *Dagan A. Moscow and Jerusalem. Twenty Years of Relations between Israel and the Soviet Union.* London, 1970, с. 24–35; *Krammer A. The Forgotten Friendship. Israel and the Soviet Bloc 1947–1953.* Urbana, 1974; *Шехтман И. Советская Россия, сионизм и Израиль. – Евреи в Советском Союзе (1917–1967).* Библиотека алии, т. 24, Иерусалим, 1975, с.72–106; *Brod P. Die Antizionismus und Israelpolitik der UdSSR. Voraussetzungen und Entwicklungen bis 1956.* Baden–Baden, 1980.

справедливость требований о создании самостоятельного еврейского государства в Палестине¹²⁶.

Когда члены Арабской Лиги напали на возникшее в мае 1948 г. еврейское государство, Москва подвергла их действия острой критике. Союзник СССР Чехословакия в 1948 г. срочно поставила в Израиль необходимое вооружение. Евреи из зависимых от Советского Союза государств Восточной Европы могли относительно свободно выехать в Израиль. Примерно 300 000 из них в 1948–1952 гг. переселились в еврейское государство¹²⁷. Только из СССР эмиграция в Израиль была практически запрещена.

Председатель Коммунистической партии Израиля Микунис сообщал о своей беседе 20 июня 1948 г. с одним из ближайших приближенных Сталина Г.М. Маленковым. Речь шла о том, чтобы позволить израильтянам апеллировать к еврейской молодежи в странах Восточной Европы с призывом создавать добровольные организации для отправки в Израиль. "Это законно", – полагал Маленков¹²⁸. Через год, во время похорон болгарского партийного лидера Г. Димитрова Микунис говорил с двумя другими членами советского политбюро – К.Е. Ворошиловым и А.И. Микояном. Оба заявляли, что Сталин лично побудил чехов поставлять оружие в Израиль и был движущей силой этого мероприятия¹²⁹.

Поддерживая Израиль, Сталин пытался ослабить англо-американские позиции на Ближнем Востоке, который стал дополнительной ареной конфликта Запада и Востока. Западные державы действительно опасались того, что Москве удастся превратить Израиль в своего союзника. Они использовали все свое влияние как на Израиль, так и на Чехословакию, чтобы сорвать этот опасный для них союз¹³⁰.

Евреи из Палестины с воодушевлением приветствовали

¹²⁶ Цит. по: *Silberener E.* Op. cit., S. 205.

¹²⁷ *Шехтман И.* Указ. соч., с. 93.

¹²⁸ *Krammer A.* Op. cit., p. 77.

¹²⁹ *Ibid.*, p. 81.

¹³⁰ *Ibid.*, p. 118, 123.

ли просионистские перемены в политике советского режима. Великобритания тогда была настроена проарабски, а США довольно прохладно относились к сионистской идее. Поэтому руководство еврейской общины Палестины с благодарностью приняло предложение к сотрудничеству, исходившее от СССР – третьей великой державы, вершившей судьбами тогдашнего мира. Чтобы родиться и выжить, новому еврейскому государству требовалась поддержка СССР. Также и Англия в 1941 г., чтобы выжить до того, как США решились вступить в войну, нуждалась в союзнике. В обоих случаях этим союзником был Сталин. Израиль в 1948 г. сделал такой же шаг в направлении "реальной политики", что и Великобритания в 1941 г. Таким образом, Советский Союз в конце 40-х гг., несмотря на становящееся все более острым противостояние Востока и Запада, был чрезвычайно популярен в глазах еврейской общественности всего мира. Евреи еще хорошо помнили тот факт, что Красная Армия открыла ворота Освенцима и Майданека. Поэтому они были чрезвычайно благодарны СССР за то, что он в 1947–1948 гг. помог осуществить древнюю, насчитывающую две тысячи лет еврейскую мечту о собственном государстве. Однако испытываемые по отношению к СССР симпатии ни в коем случае не значили, как это зачастую утверждается, что большинство евреев тогда было настроено прокоммунистически. На первых выборах парламента (Кнессета) 25 января 1949 г. Коммунистическая партия Израиля получила лишь 3,5 процента голосов избирателей¹³¹. Так что влияние коммунистов в Израиле было значительно меньше, чем в некоторых других странах свободного мира, например во Франции или в Италии.

Основание государства Израиль вызвало беспрецедентный восторг советских евреев. Даже преданные делу партии коммунистические функционеры еврейского происхождения заразились этим чувством, проявлять которое, как им казалось, позволяла произраильская политика Москвы. Они хвалили мудрую политику советского руководства, которое решительно защищало право еврейского народа на

¹³¹ Ibid., p.142.

самоопределение¹³². Произраильская эйфория захватила даже некоторых обитателей Олимпа советской власти – Кремля. "Вот теперь и у нас тоже есть родина", – сказала жена маршала Ворошилова Екатерина Горбман¹³³. Это признание поражало, так как Горбман считалась фанатичной коммунисткой, порвавшей все связи с еврейским прошлым. Открыто симпатизировала новому еврейскому государству Полина Жемчужина, жена Молотова. Часто упоминаются ее слова, сказанные в беседе с израильским посланцем в Москве Голдой Меир 8 ноября 1948 г.: "Пусть у вас, Израиля, все будет хорошо. Если с вами все будет в порядке, то и у евреев во всем мире все будет хорошо"¹³⁴.

Советские евреи посылали в ЕАК множество писем, в которых спрашивали, как можно выехать в Израиль или помочь ему. 16 октября 1948 г. люди, собравшиеся перед московской синагогой в связи с еврейским новогодним праздником, с восторгом встретили приветствие израильского посла¹³⁵. Тысячи евреев приняли участие в этой стихийной демонстрации и тем самым нарушили основной принцип сталинизма, допускавшего лишь те проявления "стихийности", которые разрешались и управлялись сверху. Последняя неразрешенная демонстрация состоялась в Москве 7 ноября 1927 г. Это была контрдемонстрация, организованная троцкистской оппозицией по поводу десятой годовщины Октябрьской революции. Но тогда сталинская система, не допускавшая никакой личной инициативы, находилась в стадии становления, контрольные механизмы еще не были столь всеохватывающими, какими они стали через двадцать лет. Тем большее раздражение на советском властном Олимпе вызвали события у синагоги 16 октября

¹³² Редлих Ш., Костырченко Г.В. Указ. соч., с. 278–281; См. также: Redlich S. Soviet Jews and the Establishment of Israel. Letters and Appeals to the Jewish Anti-Fasist Committee. – Soviet Jewish Affairs, vol. 21, 1991, Nr. 2, S.73–91.

¹³³ Васильева Л. Кремлевские жены. М., 1994, с. 236.

¹³⁴ Rapoport L. Hammer, Sichel, Davidstern. Judenverfolgung in der Sowjetunion, Berlin 1992, S.129; Krammer A. Op.cit., p.127.

¹³⁵ Rapoport L. Op.cit., S.126; Krammer A. Op. cit., p.124; Шехтман И. Указ. соч., с. 94.

1948 г. И это несмотря на тот факт, что произраильская демонстрация московских евреев ни коим образом не противоречила тогдашнему официальному курсу правительства. Но она была стихийной и поэтому "подрывной" в глазах власть имущих.

Испуганное руководство ЕАК пыталось отмежеваться от всех этих процессов. "Наше отношение к сионистам никогда не изменялось. К сионизму мы относились и относимся как к сугубо реакционному движению", – утверждал на заседании Комитета 21 октября 1948 г. член президиума ЕАК М.И. Губельман¹³⁶. Снова и снова функционеры Комитета, также как и орган ЕАК газета "Эйнигкейт" подчеркивали, что родиной советских евреев является Советский Союз, а не Израиль¹³⁷.

Но все эти заверения в верности мало помогали. Решение Сталина ликвидировать ЕАК и начать открытый поход против евреев давно уже созрело, о чем однозначно свидетельствовало убийство Михоэлса. Через три месяца после этого убийства в сообщении о деятельности ЕАК, составленном Абакумовым, комитет характеризовался как организация "врагов народа", "шпионов" и "еврейских националистов". То обстоятельство, что некоторые члены комитета высказывались за основание еврейского государства рассматривалось главой органов госбезопасности как уголовное преступление¹³⁸. И это несмотря на тот факт, что Москва тогда активно выступала за создание государства Израиль.

Таким образом, советское руководство одновременно проводило две диаметрально противоположных политических линии. С одной стороны, в отношении к Израилю оно открыто разыгрывало еврейскую карту, с другой стороны, внутри страны проводило радикальный антиеврейский курс, постепенно перераставший в открытую конфронтацию со всеми евреями.

20 ноября 1948 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло реше-

¹³⁶ Редлих Ш., Костырченко Г.В. Указ. соч., с. 305.

¹³⁷ Там же, с. 276, 298, 304–307.

¹³⁸ Там же, с. 359–371.

ние немедленно распустить ЕАК, "так, как показывают факты, этот Комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки"¹³⁹.

Ведущие деятели ЕАК в конце 1948 – начале 1949 гг. были арестованы. Сталинская антиеврейская кампания достигла ранее невиданных размеров. Начатая после войны "борьба с космополитами" получила теперь почти исключительно антиеврейскую направленность. В передовой статье "Правды" от 28 января 1949 г. "космополиты" сравнивались с паразитами, стремящимися уничтожить все здоровое, что есть в мире. Сходство с лексикой нацистов очевидно.

В своей истории большевизм часто перенимал основы идеологии поверженных противников. Так, например, В.И. Ленин сразу после захвата власти большевиками воспользовался аграрной программой партии эсеров. Во время гражданской войны большевики подхватили "белую" идею единой России и реставрировали развалившуюся Российскую империю. В 30-е годы они интегрировали другой компонент "белой программы" – русский национализм. В конце концов после победы над "третьим рейхом" советский режим стал заимствовать некоторые элементы нацистской идеологии.

В рамках кампании "борьбы против космополитов" по всей стране прошли обширные чистки по расовому признаку. Многие советские учреждения и органы власти, и прежде всего высшее партийно-государственное руководство, стали теперь почти полностью "свободными от евреев".

Иначе дела обстояли в восточноевропейских государствах-союзниках Москвы, в которых евреи были как правило во множестве представлены в высших сферах власти. Против этого неоднократно пытались протестовать нацио-

¹³⁹ Там же, с. 371. В это же время советское руководство приступило к массовому уничтожению еврейской культуры на идиш – разговорном языке восточноевропейских евреев. Театры были закрыты, прекратилось издание всех, за редчайшим исключением, газет, журналов и книг на идиш.-РЦХИДНИ, ф.17, оп.132, д. 239, л.1, 3–8, 22–23. См. также: *Gilboa J. Op.cit.*

налистически настроенные местные коммунисты. Пример тому – декабрьское 1948 г. письмо В. Гомулки Сталину. Гомулка, незадолго до этого снятый за "националистический уклон" с должности Генерального секретаря Польской рабочей партии, жаловался Сталину на засилие евреев в польских органах власти: "Личный состав руководящих звеньев государственного и партийного аппарата, рассматриваемый с национальной точки зрения, по моему мнению, создает преграду, затрудняющую расширение нашей базы... Правда, можно и меня считать ответственным за такой высокий процент евреев в руководящем государственном и партийном аппарате, но главная вина за создавшееся положение вещей падает прежде всего на товарищей евреев ... На основе ряда наблюдений можно с полной ответственностью заявить, что часть еврейских товарищей не чувствует себя связанной с польским народом, а таким образом, и с польским рабочим классом никакими нитями, или же занимает позицию, которую можно назвать национальным нигилизмом"¹⁴⁰.

Однако эта жалоба до поры до времени оставалась без последствий. В 1948–1949 гг., сразу после разрыва с Югославией, Сталин рассматривал как самую большую опасность для вассальных государств Восточной Европы не "национальный нигилизм" и соответственно "космополитизм", а "титоизм". В борьбе против националистически настроенных "местных" коммунистов стран Восточной Европы Сталин прежде всего опирался на т.н. "москвитов" – тех коммунистов, которые долгие годы провели в эмиграции в СССР и в непосредственной близости могли наблюдать ужасы сталинского террора. Эта жестокая школа почти полностью устранила у них любую склонность к самостоятельности; они очень чутко прислушивались к Москве. Среди "москвитов" было много евреев: И. Берман, Х. Минц и Р. Замбровский в Польше, М. Ракоши и Е. Герё в Венгрии, Р. Сланский в Чехословакии. При унификации восточноевропейских коммунистических партий "москвиты" играли в

¹⁴⁰ СССР и Польша. Механизмы подчинения 1944–1949. Сборник документов. М., 1995, с.274–275.

них ключевую роль. Им в первую очередь Сталин доверил задачу в течение нескольких лет "догнать" СССР и осуществить те социальные преобразования, на которые Советскому Союзу понадобилось примерно два-три десятилетия: коллективизацию сельского хозяйства, форсированную индустриализацию, культурную, политическую и экономическую унификацию с помощью чисток и террора.

В начале сталинизации "стран народной демократии" в 1948–1949 гг. антисемитизм не играл существенной роли, хотя время от времени и проявлял себя. Чуда не произошло: в подготовке восточноевропейских показательных процессов деятельное участие принимали также советские "консультанты", специалисты по выбиванию признаний, для которых, как уже было сказано, все евреи считались потенциальными врагами социалистической системы. В этом духе высказывались советские "консультанты" Лихачев и Комаров, которые в конце 1949 г. допрашивали незадолго до того арестованного бывшего заместителя министра иностранной торговли Пражского кабинета Е. Лёбля. Лёбль вспоминал такие слова Лихачева: "Ты никакой не коммунист, и никакой не чехословак. Ты грязный еврей и все. Израиль – вот твоя единственная настоящая родина, ты продал социализм твоим господам – сионистам, империалистическим руководителям мирового еврейства. Я говорю тебе: все ближе то время, когда мы искореним всю твою породу"¹⁴¹. Лёбль, который тогда еще мыслил марксистскими категориями, буквально задохнулся от этой нацистской лексики в устах советского коммуниста.

Похожая история за несколько месяцев до того произошла с Лозовским, арестованным в связи с роспуском ЕАК. В марте 1949 г. он услышал от следователя Комарова, который спустя несколько месяцев допрашивал Лёбля, такую тираду: "Евреи – подлый и грязный народ, все евреи негодная сволочь, все оппозиции в партии состояли из евреев, все евреи по всему Советскому Союзу "шипят" против

¹⁴¹ *Loebl E. Die Aussage. Hintergruende eines Schauprozesses. Stuttgart, 1978, S.73.*

советской власти, евреи хотят истребить всех русских"¹⁴².

Об этих высказываниях Лозовский сообщил через три года после того, как они были сделаны – в мае 1952 г. во время судебного разбирательства против членов ЕАК. Но его ужас, вызванный словами Комарова, все еще ощущался: "Я спрашиваю, что это за язык? Это язык советского человека, советского чиновника?" – вопрошал он суд¹⁴³. Вопрос Лозовского был чисто риторическим. Он-то знал, что Комаров пользовался словарем нацистов. И сотрудники органов госбезопасности, разумеется, знали это. Почему же они тогда осмелились применять лексику бывших врагов? Конечно же не по собственной инициативе. Сталин, в особенности в последние годы жизни, рассматривал органы госбезопасности в качестве собственного домена. Вот что пишет об этом Ответственный секретарь комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий в СССР В.П. Наумов: "В эти годы Сталин перенес центр тяжести в системе руководства партией и страной на органы государственной безопасности. С работниками следственного отдела по особо важным делам МГБ Сталин виделся чаще, ... чем с членами президиума ЦК. Фактически Сталин взял на себя руководство этим отделом МГБ. Он решал, кого следует арестовать, готовил вопросы для следствия, определял меру физического воздействия на арестованных"¹⁴⁴. Из-за постоянного контроля сверху сотрудники советских органов госбезопасности имели мало простора для проявления инициативы. Это касалось и применения антисемитской лексики во время допросов. Она конечно же была инспирирована Сталиным.

По-видимому, начатая в январе 1949 г. кампания по борьбе с „космополитами" должна была пропагандистски подготовить показательный процесс против видных представителей советского еврейства. Почти все арестованные члены ЕАК после соответствующей "обработки" органами

¹⁴² Наумов В.П. Указ. соч., с.194.

¹⁴³ Там же, с.195.

¹⁴⁴ Наумов В.П. К истории секретного доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС. – Новая и новейшая история, 1996, № 4, с.153.

МГБ уже весной 1949 г. "сознались"¹⁴⁵. Советские люди, наученные опытом тридцатых годов, ждали теперь первого послевоенного показательного процесса. Сценарий для него был уже написан и ничто не мешало его осуществлению. Но вдруг кремлевский деспот скомандовал отбой. Почему он дал эту команду – загадка как для современников, так и для исследователей. Можно лишь вновь убедиться в том, что Сталин, в противоположность Гитлеру, был в состоянии дозировать и контролировать ненависть к евреям. Так, уже через несколько месяцев после начала антисемитской кампании в прессе, он приказал снова ее ограничить. Сталин выступил против и сегодня популярного среди антисемитов метода раскрытия русских псевдонимов некоторых еврейских интеллектуалов и политиков. Писатель А.А. Фадеев сообщал о высказывании Сталина, равносильном приказу: "Раскрытие литературных псевдонимов недопустимо. Это пахнет антисемитизмом"¹⁴⁶.

Происшедшее весной 1949 г. изменение курса советского руководства было сразу же замечено как в стране, так и за ее пределами. "С весны 1949 г. антикосмополитической кампании был придан несколько более осторожный характер, – отмечал американский эксперт по России Шварц, – в частности прекратилась слишком откровенно антисемитская практика публичного раскрытия псевдонимов еврейских авторов"¹⁴⁷.

Ожидавшийся в начале 1949 г. процесс против членов ЕАК состоялся только в середине 1952 г. Все это время органы госбезопасности были заняты другими делами: "консультанты" из МГБ активно участвовали в подготовке и проведении показательных процессов против т.н. "титои-стов" в Венгрии (процесс Райка в октябре 1949 г.) и в Болгарии (процесс Костова в декабре 1949 г.). Но особенно интенсивно с начала 1949 г. они фабриковали т.н. "Ленин-

¹⁴⁵ О так называемом "Деле еврейского антифашистского комитета". – Известия ЦК КПСС, 1989, №12, с. 38; *Наумов В.П.* Неправедный суд; *Борщаговский А.М.* Указ. соч.

¹⁴⁶ *Эренбург И.Г.* Указ. соч., с. 456.

¹⁴⁷ *Шварц С.* Указ. соч., с.225. См. также: *Штейн А.* Как я был космополитом. – Вопросы литературы, 1994, с.214–219.

градское дело", которым кремлевское руководство открывало второй внутривластный фронт. Теперь в Кремле боролись не только против т.н. "космополитизма", т.е. против евреев, но и против т.н. "русского шовинизма", якобы пропагандируемого "ленинградской фракцией" в партии.

3.4.4. Финал

Обвинения против ленинградцев были в основном пустой демагогией, но вероятно они все же содержали и зерно правды: наверняка были такие русские коммунисты, которые буквально поняли сталинское объяснение в любви к русскому народу и вследствие этого чувствовали себя вдохновенными на то, чтобы требовать привилегии для России внутри Советского Союза. Однако это желание большей самостоятельности было направлено против абсолютной власти сталинского руководства, в зародыше душившего всякий независимый порыв партии и общества. Этим вероятно, по крайней мере отчасти, объясняются жестокие меры, принятые режимом против "ленинградцев".

После завершения "ленинградского дела" Сталин смог вновь заняться еврейским вопросом. Вероятно, начатая в январе 1949 г. антисемитская кампания была для него разновидностью эксперимента с целью установить, как советские люди будут реагировать на приобщение к нацистской идеологии. К той самой идеологической доктрине, победа над которой стоила стране 27 млн. человеческих жизней. Трудно сказать, был ли Сталин доволен результатами этого эксперимента. Кампания борьбы против космополитов 1948–1949 гг., которая сняла табу с антисемитизма, была лишь словесным прологом ко второму, на сей раз намного более жестокому сталинскому походу против евреев в 1951–1952 гг. Этот поход начался после смены руководства органов госбезопасности, истинные причины которой до сих пор не совсем ясны. В июле 1951 г. министр МГБ Абакумов, с 1946 г. преданно служивший Сталину на этом посту, был снят с должности и арестован. В чем же обвиняли Абакумо-

ва? В первую очередь в недооценке "еврейской опасности". Это можно установить из недавно ставшего доступным исследователям письма ЦК ВКП(б) от 13 июля 1951 г., которое было направлено в важнейшие регионы страны и органы МГБ. Наибольшую свою ошибку Абакумов, как считается, совершил при "обработке" арестованного в ноябре 1950 г. кремлевского врача Я.Г. Этингера. Этингер много лет был известен органам госбезопасности как критик советской политики в отношении евреев. В частных разговорах он даже сравнивал советский режим с нацистским. Так как квартира Этингера систематически прослушивалась, органам МГБ не составило большого труда собрать против него обвинительный материал¹⁴⁸. После ареста Этингера, его допрашивал следователь Рюмин, интересовавшийся не только антисоветскими высказываниями, но и "террористической деятельностью" врача. Предположительно, Этингер показал, что при лечении больного секретаря ЦК Щербакова он сознательно применял неверные методы, приведшие в мае 1945 г. к смерти больного. Этой важнейшей информации, как было сказано в письме ЦК от 13 июля 1951 г., Абакумов не придавал должного значения и не пошел по следу. 2 марта 1951 г. арестованный Этингер умер "вследствие неприемлемых условий содержания". Возможность выяснить дальнейшие подробности террористической деятельности Этингера и его коллег была упущена. В отличие от Абакумова, ЦК считал, что показаниям Этингера следовало уделить самое пристальное внимание: "Среди врачей несомненно существует законспирированная группа лиц, стремящихся при лечении сократить жизнь руководителей партии и правительства. Нельзя забывать преступления таких известных врачей, совершенные в недавнем прошлом, как преступления врача Плетнева и врача Левина, которые по заданию иностранной разведки отравили В.В. Куйбышева и Максима Горького"¹⁴⁹.

¹⁴⁸ Этингер Я.Я. "Дело врачей" 40 лет спустя. – Новое время, 1993, № 2–3, с. 47–49; его же. К сорокалетию "Дела врачей". – Русская мысль, 15.1.1993.

¹⁴⁹ 1951-й: ЦК ВКП(б) и МГБ. – Свободная мысль, 1996, №1, с. 90–93.

В письме упоминались события третьего московского показательного процесса марта 1938 г., на котором Левин был приговорен к смерти, а Плетнев осужден к 25 годам тюремного заключения. Это напоминание не было случайным. Сталин действительно планировал повторение сценария 1936–1938 гг. – т.н. "большого террора". Но стать воплощением зла на этот раз должны были не троцкисты, зинovieвцы и бухаринцы, а евреи. Снятие Абакумова вновь напомнило об устранении Ягоды, который, как и Абакумов, в течение долгих лет в сталинском духе руководил советскими органами госбезопасности. Несмотря на это, Сталин счел необходимым сменить Ягodu вместе с командой сразу же после первого московского показательного процесса августа 1936 г. и затем устранить его. Вероятно Сталин полагал, что меч партии – органы террора – за несколько лет притупился; что для массовых убийств нужны все новые и новые палачи, которые с воодушевлением подойдут к этому жестокому делу. Он хотел также, чтобы "всесильные опричники", державшие в страхе всю страну, сами жили в постоянном страхе – это позволяло их легче дисциплинировать.

С лета 1951 г. в Москве разрабатывался сценарий грядущего "Дела врачей", в чем особенно усердствовал Рюмин, донос которого лежал в основе цитировавшегося письма ЦК от 13 июля 1951 г. В сценарии был использован и другой донос, более ранний, автором которого была врач Л.Ф. Тимашук, обнаружившая в августе 1948 г. что Жданова подвергали неправильному лечению. Письмо в органы госбезопасности Тимашук написала незадолго до смерти Жданова 29 августа 1948 г. Абакумов прочитал это письмо и направил его Сталину, который наложил на него резолюцию "В архив", после чего о письме не вспоминали три года¹⁵⁰. Однако в канун "Дела врачей" инициатор провокации очевидно вспомнил о письме Тимашук: оно служило дополнительным доказательством террористической активности "убийц в белых халатах".

¹⁵⁰ Малкин В. Семь писем Лидии Тимашук. – Новое время, 1993, № 28, с. 38–41; Костырченко Г. В. Указ. соч., с. 312–315.

Наступление Сталина на евреев, приостановленное весной 1949 г., было в 1951–1952 гг. возобновлено и развернуто по всему фронту. Дочь Сталина Светлана сообщала о тогдашнем настроении отца: "Антисемитизм... постепенно превратился из политической ненависти в чувство расовой ненависти ко всем евреям без исключения"¹⁵¹.

В мае 1952 г. в Москве военный трибунал начал закрытый процесс против арестованных в 1948–1949 гг. членов ЕАК. Председателю суда А. Чепцову еще до начала слушания дела было сообщено о решении политбюро: 13 из 14 обвиняемых следовало приговорить к смерти¹⁵². В августе 1952 г. названные политбюро лица были казнены. Среди расстрелянных были С.А. Лозовский, писатели и поэты И.С. Фефер, П.Д. Маркиш, Л.М. Квитко, Д.Р. Бергельсон, Д.Н. Гофштейн и бывший главный врач московской Боткинской больницы Б.А. Шимелиович.

Почему этот процесс не проводился открыто? Некоторые авторы считают, что из-за мужественного поведения большинства обвиняемых. Они на суде отказались от признаний, к которым были принуждены после ареста¹⁵³. Однако этот тезис не является достаточно убедительным. Сталинские специалисты по террору в течение нескольких десятилетий доказывали, что они были в состоянии принудить почти каждого обвиняемого к самооговорам и ложным показаниям, тем более на открытых процессах. Вероятно, Сталин отказался от показательного процесса над членами ЕАК по другим причинам: он не считал "Дело ЕАК" достаточно крупным, чтобы вызвать сильный резонанс. В большинстве своем обвиняемые были еврейскими писателями или функционерами среднего звена, которые едва ли были известны в стране. Единственное исключение представлял

¹⁵¹ *Allilujewa S.* Op.cit., S.155. См. также: Хрущев Н. С. Указ. соч., с. 22–25.

¹⁵² О так называемом "Деле еврейского антифашистского комитета". - Известия ЦК КПСС, 1989, №12, с. 38.; *Наумов В.П.* Неправедный суд.; *Костырченко Г.В.* Указ. соч. с.147–150.

¹⁵³ *Борщаговский А.М.* Указ.соч.; *Борщаговский А., Ришина И.* Как писатели антисемитами работали. – Литературная газета, 27.X.1993; *Редлих Ш., Костырченко Г.В.* Указ. соч., с.393; *Вовси-Михозлс Н.С.* Указ.соч., с.215.

член ЦК Лозовский. Однако этого было мало, чтобы убедить население в существовании колоссальной "еврейской опасности". Совершенно иначе дело обстояло с "убийцами в белых халатах". В 1951 г. в СССР было 35000 врачей-евреев¹⁵⁴. Они намного лучше, чем горстка евреев-интеллектуалов из ЕАК подходили на роль объекта коллективной ненависти.

В отличие от 1949 г., в 1951–1952 гг. Сталин не ограничил поход против евреев территорией Советского Союза. Он распространил его на всю сферу своего влияния. В конце 1952 г. в странах восточного блока состоялся первый показательный антисемитский процесс. Он был направлен против бывшего генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Чехословакии Р. Сланского и других представителей пражского руководства. Еврейское происхождение большинства обвиняемых многократно подчеркивалось во время судебного разбирательства. Сланскому инкриминировалась "поддержка разрушительной деятельности сионистов". 11 обвиняемых были приговорены к смерти и казни¹⁵⁵.

Охота на "сионистских агентов" и "космополитов" распространилась также на ГДР, Венгрию, Румынию и Польшу¹⁵⁶. В Польше роль Сланского должен был сыграть второй человек в Польской объединенной рабочей партии

¹⁵⁴ *Rapoport L. Op.cit., S.154.*

¹⁵⁵ См об этом: *Das unterdrückte Dossier. Bericht der Kommission des ZK der KPTsch über politische Prozesse und "Rehabilitierungen" in der Tschechoslowakei 1949–1968.* Wien, 1970; *Kaplan K. Die politischen Prozesse in der Tschechoslowakei 1948–1954.* München, 1984; *Osers J. Spezifika des Slanskó-Prozesses in der CSR im Vergleich mit den anderen Schauprozessen in Osteuropa. – Kommunisten verfolgen Kommunisten.* Hrsg. G.Weber u a. Berlin, 1993, S. 459–469.

¹⁵⁶ См: *Hodos G.H. Schauprozesse. Stalinistische "Säuberungen".- Osteuropa 1948–1954.* Frankfurt a.M., 1988; *Herf J. Antisemitismus in der SED. Geheime Dokumente zum Fall Paul Merker aus SED- und MfS-Archiven.- Vierteljahrshefte fuer Zeitgeschichte, 1994, Nr. 4, S. 635–642; Weber H. Schauprozess-Vorbereitungen in der DDR. – Kommunisten verfolgen Kommunisten, S. 436–449; Foitzik J. Die stalinistischen "Säuberungen" in den ostmitteleuropäischen kommunistischen Parteien. Ein vergleichender Ueberblick. – Ibid., S.401-423; Maehlert U. Schauprozesse und Parteisäuberungen in Osteuropa nach 1945. – Aus Politik und Zeitgeschichte, 37–38, 1996, S. 38–46.*

(ПОРП) Я. Берман. Но вдруг генеральный секретарь ЦК ПОРП Б. Берут, всегда и во всем безропотно подчинявшийся Сталину, взял Бермана под защиту. Эта полностью неожиданная для Москвы демонстрация солидарности с товарищем по партии конечно же была связана с воспоминаниями о трагической судьбе Коммунистической партии Польши, руководство которой в 1937–1938 гг. было почти полностью уничтожено Сталиным. Поляки не хотели допускать повторения трагедии 1938 г. Берман в связи с этим вспоминал: "Без сомнения, если бы товарищ Берут так твердо не выступил в мою защиту, я в лучшем случае был бы сегодня эксгумирован"¹⁵⁷.

С 1949 г. из-за активного сближения Израиля с Западом отношения СССР с еврейским государством все более ухудшались. В вопросе о сионизме советская пропаганда постепенно возвращалась к старой, лишь в 1947–1948 гг. прерванной традиции. Сионизм вновь демонизировался. Большая Советская Энциклопедия в 1952 г. писала: "Сионисты – агенты американско-английского империализма, они являются злейшими врагами рабочих"¹⁵⁸. Еврейский народ советская пропаганда постепенно превращала в коллективное "*persona non grata*". Выяснилось, что евреи, как подчеркивал в начале 1953 г. один из партийных идеологов Чесноков, "равнодушны к социалистическим идеям"¹⁵⁹.

Накануне "Дела Сланского" Лёбль в Праге услышал похожие слова из уст своего следователя Дрозда: "Партия не против евреев, это евреи против партии. Поэтому партия должна бороться против евреев, чтобы защитить социализм"¹⁶⁰. Во время подготовки "Дела Сланского" начинались аресты знаменитых кремлевских врачей, большинство из которых были евреями. Таким образом весь "социалистический лагерь" представлял собой унифицированный меха-

¹⁵⁷ Nowe Drogi, 1956, 10, S.88; *Toralska T.* Oni. London, 1985.

¹⁵⁸ Цит. по: *Fejtö F.* Judentum und Kommunismus, Wien 1967, S. 97.

¹⁵⁹ См.: *Этингер Я.Я.* "Дело врачей" 40 лет спустя. – Новое время, 1993, № 2–3, с. 47–49; *его же.* К сорокалетию "Дела врачей". – Русская мысль, 15.1. 1993.

¹⁶⁰ *Loebl E.* Op. cit., S.179.

низм, каждая из деталей которого по воле кремлевского рулевого выполняла свои функции.

Сталин интересовался всеми подробностями как "Дела Сланского", так и "Дела врачей" и давал указания по их режиссуре. Пражский историк К. Каплан с полным основанием характеризовал "Дело Сланского" как советский процесс, так велика была в его подготовке роль советских консультантов и находившегося в Москве центра, т.е. Сталина. Из Москвы пришло распоряжение о придании будущему процессу почти исключительно "антисионистского" характера. Не американский империализм, не троцкизм, не титоизм, а мировой сионизм объявлялся теперь главной опасностью¹⁶¹.

Сценарий показательного процесса против кремлевских врачей был в основном также подготовлен Сталиным. Он ежедневно читал протоколы допросов, требовал больше жесткости, чтобы заставить арестованных врачей признаться¹⁶². Об этом Хрущев говорил в секретном докладе на XX съезде КПСС: "Сталин лично вызвал к себе следователя, дал ему указания, рекомендовал ему методы, которые следовало применять при ведении следствия. Эти методы были просты: бить, бить и еще раз бить"¹⁶³.

Следует критически относиться к высказываниям тех советологов, которые считают, что Сталин в конце жизни пребывал в своего рода умственном помешательстве. Сталин был политиком, пользовавшимся криминальными сред-

¹⁶¹ *Kaplan K.* Der politische Prozess gegen Rudolf Slanskó. Vortrag im Rahmen des Symposiums "Der Spaetstalinismus und die juedische Frage" an der Katholischen Universitaet Eichstaett; *Bonwetsch B.* Die Sowjetisierung Osteuropas. Moskaus Politik im Interpretationswandel. – Kommunismus und Osteuropa. Konzepte, Perspektiven und Interpretationen im Wandel. Hrsg. E. Schmidt-Hartmann. Muenchen 1994, S. 85–89.

¹⁶² *Симонов К.М.* Указ. соч., с. 114 ; *Костырченко Г.В.* Указ. соч., с. 321–325.

¹⁶³ *Chruschtschews historische Rede.* – Ost-Probleme, 22.6.1956, Nr.25/26, S.888; *Рапопорт Я.* Воспоминание о «Деле врачей». – Дружба народов, 1988, № 4, с. 222–245; *Гай Д.* Конец «Дела врачей». Московские новости, 7.2.1988; *Льясс Ф.* Последний политический процесс Сталина или несостоявшийся геноцид. Иерусалим, 1995; *Вовси-Михозлс Н. С.* Указ. соч., с. 254.

ствами для достижения политических целей. Его действия имели внутреннюю логику и не объяснялись манией преследования¹⁶⁴.

Сталин настойчиво стремился к осуществлению своих политических планов, которые зачастую предполагали убийство миллионов. В отличие от фанатика Гитлера, Сталин, по меньшей мере до начала 50-х годов мог выжидать, он был готов к временным паузам и тактическим отступлениям. Такими методами он в свое время "решил" в СССР крестьянский вопрос, судьбу "старой гвардии большевиков", а также офицерского корпуса Красной Армии. Теперь на повестке дня стоял еврейский вопрос. Через шесть недель после окончания "Дела Сланского" (13.1.1953 г.), мировое общественное мнение узнало из статьи в "Правде" об ужасном заговоре, в котором участвовали многие знаменитые кремлевских врачи. Ошибочными диагнозами и неверными методами лечения они пытались устранить тех, кто занимал в стране ключевые политические и военные посты. "Большинство членов террористической группы, – писала "Правда", – были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией Джойнт". К этому сообщению центральный орган КПСС опубликовывал комментарий, автором которого был Сталин¹⁶⁵. Комментарий содержал выдвигаемые в течение десятилетий сталинские тезисы об обострении классовой борьбы по мере роста успехов социализма, о скрытых врагах, которые прячутся под маской друзей, о необходимости советским людям сохранять постоянную революционную бдительность.

Обострение антисемитского курса Кремля вызвало замешательство западных и израильских специалистов по Восточной Европе, а также спецслужб этих стран. Умерший в 1991 г. американо-израильский журналист Л. Рапопорт

¹⁶⁴ *Avtorchanov A. Op.cit., S.129–132; Совсем по-другому оценивают тогдашнее душевное состояние и здоровье Сталина другие авторы. См. об этом: Djilas M. Op. cit., S.193; Hahn W. Op.cit., p. 38; Knight A. Beria. Stalin's first lieutenant. Princeton University Press, 1996, p.172.*

¹⁶⁵ *Костырченко Г.В. Указ.соч.,с. 343; Avtorchanov A. Op. cit., S.181.*

детально исследовал реакцию Запада на тогдашние события и пришел к выводу, что "лишь немногие понимали глубинные антисемитские основы ("Дела врачей" – Л.Л.)... Большинство видело в этом лишь второстепенную проблему... Ни одна из спецслужб США, Англии, Франции или Израиля не высказала предположение о том, что речь идет о начале новой программы геноцида евреев"¹⁶⁶.

Высокопоставленный британский дипломат сэр А. Гаскойн сообщал в те дни из Москвы: "По моему мнению, было бы преувеличением говорить об активной "кампании" против евреев в СССР, как это недавно сделала радиостанция Би Би Си". При этом дипломат указывал на то, что еврей Каганович все еще является членом высшего партруководства¹⁶⁷.

Шеф спецслужб США А. Даллес в январе 1953 г. также предостерегал от переоценки аспектов антисемитизма в начавшейся в 1953 г. кампании. Это не был "четко определенный антисемитизм в его обычном виде; скорее теперь евреи в коммунистическом мире начинают чувствовать на себе всю силу сталинского давления"¹⁶⁸. Анализ немецкого специалиста по России К. Менерта, сделанный также в январе 1953 г., более точен. По мнению Менерта, Сталин разыгрывал карту антисемитизма, так как антиамериканская кампания не была достаточно эффективна и не брала людей за живое: "Сталин пробуждал в России темные, архаичные агрессивные инстинкты, чтобы отвести ненависть народа от собственного режима"¹⁶⁹.

И в настоящее время, несмотря на разоблачения, сделанные с начала горбачевской перестройки, историку все еще не просто реконструировать планы и мотивы кремлевского руководства в связи с "Делом врачей". Я.Я. Этингер, сын умершего в заключении в марте 1951 г. кремлевского врача, сообщал о своей беседе, состоявшейся в начале 70-х гг., с бывшим членом политбюро Н.А. Булганиным, в

¹⁶⁶ *Rapport L. Op.cit.*, S.193.

¹⁶⁷ *Ibid.*, S.196.

¹⁶⁸ *Ibid.*, S.197.

¹⁶⁹ *Ibid.*, S.196.

1953 г. занимавшем должность заместителя председателя Совета министров и министра обороны СССР. Согласно Булганину, Сталин намеревался решить еврейский вопрос в СССР следующим образом: "Процесс над врачами, который намечался на середину марта 1953 г., должен был завершиться вынесением смертных приговоров. Профессоров предполагалось публично повесить на центральных площадях в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Свердловске, других крупнейших городах". Булганин подтвердил ходившие в течение многих лет слухи о намечавшейся после процесса массовой депортации евреев в Сибирь и на Дальний Восток. Были подготовлены соответствующие документы. Булганин получил указание Сталина подогнать к Москве и другим крупнейшим центрам страны несколько сотен военных железнодорожных составов для организации высылки евреев. При этом, по его словам, "планировалось организовать крушения железнодорожных составов, "стихийные" нападения на поезда с евреями, с тем чтобы расправиться с ними в пути"¹⁷⁰.

Г.В. Костырченко, основательно изучивший многие московские источники, в частности из Архива Президента РФ и архива бывшего КГБ, считает тезис о планировавшейся массовой депортации евреев необоснованным, так как он не подкрепляется документами¹⁷¹. Бывший руководитель Государственной архивной службы РФ Р. Пихоя также скептически относится к этому вопросу. Пихоя не видел документов, которые содержали бы планы массовой депортации евреев¹⁷².

Большинство авторов, занимающихся этой темой, придерживаются противоположной точки зрения¹⁷³. При этом

¹⁷⁰ Этингер Я. Указ. соч.

¹⁷¹ Костырченко Г.В. Указ. соч., с. 346. Вопрос о подготовке Сталиным массовой депортации советских евреев вызвал дискуссию на симпозиуме в Айхштетте. Тезис Г.В. Костырченко подвергся критике со стороны В.П. Наумова и Л.А. Безыменского, которые на основе косвенных данных пришли к выводу, что депортация планировалась на весну 1953 г. – См. *Der Spätstalinismus und die jüdische Frage*.

¹⁷² Пихоя Р., Цитриняк Г. В архив не сдается. – Литературная газета, 28.4.1993.

они основываются на множестве свидетельств современников, сообщавших о массовом строительстве в Сибири и на Дальнем Востоке новых лагерей, целых городов за колючей проволокой. Бараки и временки не были предназначены для суровой сибирской зимы. Однако это не представляло для Сталина проблемы. Он и без учета сибирского климата исходил из того, что примерно половина депортированных не прибудет к месту назначения¹⁷⁴.

Московский журналист З. Шейнис в книге "Провокация века" приводит воспоминания бывшего работника ЦК Н. Полякова, записанные незадолго до его смерти: "В конце 40-х – начале 50-х годов было принято решение о полной депортации евреев. Для руководства этой акцией была создана комиссия, подчинявшаяся только Сталину. Председателем комиссии Сталин назначил Суслова, а секретарем был я, Поляков. Для приемки депортируемых в Биробиджане (в частности) форсированно строились барачные комплексы по типу концлагерей, а соответствующие территории разбивались на закрытые, секретные зоны. Одновременно составлялись по всей стране списки... всех лиц еврейской национальности, чтобы никого не пропустить. Было два вида списков – на чистокровных евреев и на полукровок. Депортация должна была осуществляться в два этапа – чистые в первую очередь, полукровки – во вторую. Операцию было намечено осуществить во второй половине февраля 1953 года. Но вышла задержка ... со списками – требовалось больше времени; для этого Сталин установил жесткие сроки: суд над врачами 5–7 марта, казнь (на Лобном месте) 11–12 марта"¹⁷⁵.

Однако, несмотря на террористические планы Стали-

¹⁷³ *Айзенштат Я.* О подготовке Сталиным геноцида евреев. Иерусалим, 1995, с. 67–80; *Шейнис З.* Провокация века, М., 1992; *Ваксберг А.* Немой заговорил. – Литературная газета, 8.6.1994; *Raport L.* Op.cit., S. 206–222; *Knight A.* Op.cit., p.170; *Бар-Селла З., Шрайман Т., Топоровский Я., Додин В.* Последняя тайна режима. – Окна, Иерусалим, 7.12.1995, с. 4–8.

¹⁷⁴ *Айзенштат Я.* Указ. соч., с.77; *Борев Ю.* Сталиниада. М., 1990, с. 351.

¹⁷⁵ *Шейнис З.*, Указ. соч.

на, и в 1953 г. среди евреев было множество сталинистов, которые были готовы по требованию сверху пойти на любое самоунижение: Сталин любил, чтобы его жертвы сами требовали своей казни. В этом смысле показательно письмо известных советских евреев в редакцию газеты "Правда", в котором они якобы просили Сталина депортировать евреев во избежание "справедливого гнева" советских людей. Вокруг этой просьбы десятилетиями циркулировали бесчисленные слухи. Рапопорт предпринял попытку на основе опроса современников восстановить это письмо, содержавшее, среди прочего, следующие пассажи: "Советский народ в высшей степени возмущен... фактом, что к нашему стыду, многие евреи помогали нашим врагам в создании пятой колонны... Поэтому мы умоляем Вас защитить евреев, переселив их в развивающиеся области на востоке, где они могли бы выполнять полезную для народа работу и избежать справедливого гнева, вызванного действиями предателей-врачей"¹⁷⁶.

Московский журнал "Источник" опубликовал первоначальный вариант текста этого письма, который значительно отличается от версии Рапопорта. Хотя авторы решительно осуждают "преступления" еврейских врачей и сионизм, о возможной высылке евреев в этом тексте нет и речи¹⁷⁷.

Лишь некоторые знаменитые советские евреи отказались подписать это письмо. Среди них были известный историк А. Ерусалимский, генерал И. Кейзер, певец М. Рейзен, писатели В. Каверин и И. Эренбург¹⁷⁸.

Эренбург после убийства Михоэлса, несмотря на свою крайнюю антиссионистскую позицию, превратился в символическую фигуру для советского еврейства. Вместо того, чтобы подписать совместную петицию, Эренбург написал Сталину собственное письмо. Эренбург обращался к "дорогому Иосифу Виссарионовичу" с просьбой дать совет, стоит ли ему подписывать коллективное послание, так как един-

¹⁷⁶ Рапопорт Л. *Op.cit.*, S. 208.

¹⁷⁷ Источник, 1997, №1, с.143–146.

¹⁷⁸ Рапопорт Л. *Op.cit.*, S.209; Бар-Селла З., Шрайман Т., Топоровский Я, Додин В. Указ. соч., с. 26–27.

ственное обстоятельство, объединившее лиц, его подписавших, это их еврейское происхождение. "В тексте письма имеется определение "еврейский народ", которое может ободрить националистов и людей, еще не понявших, что еврейской нации нет". Эренбург писал, что "единственным радикальным решением еврейского вопроса в нашем социалистическом государстве является полная ассимиляция, слияние людей еврейского происхождения с народами, среди которых они живут". Коллективное письмо советских граждан еврейского происхождения могло бы помешать такому развитию. Этот вопрос, "который я не могу сам решить, представляется мне чрезвычайно важным... я считаю моим долгом поделиться с Вами моими сомнениями и просить Вашего совета", – обращался к Сталину Эренбург¹⁷⁹.

В воспоминаниях, появившихся в 60-е годы, Эренбург едва лишь касается этого эпизода. Он пишет, что февраль 1953 г. был для него очень трудным месяцем, но об этом еще слишком рано говорить. Писатель даже пытался протестовать, однако был всего лишь колесиком в тогдашней системе, как и любой другой советский гражданин. Не его письмо, а сама судьба – смерть Сталина привела к решению¹⁸⁰.

Дальнейшие подробности об истории письма Сталину Эренбург сообщил уже упоминавшемуся журналисту Шейнису. Через несколько дней после отправки письма Эренбург был принят Маленковым и Кагановичем. Каганович нервно ходил по кабинету, потом, ткнув пальцем в сторону Эренбурга, воскликнул: "И этот человек утверждает, будто в Советском Союзе имеет место антисемитизм!" Беседа была полностью безрезультатна, – подводит итог Эренбург¹⁸¹.

Итак, сталинские помощники продолжали заниматься "окончательным решением еврейского вопроса", в том смысле, который в это понятие вкладывал диктатор. Но не только этим. Как известно, Сталин тогда планировал осно-

¹⁷⁹ Советские евреи пишут Илье Эренбургу, с.79–81.

¹⁸⁰ *Эренбург И.Г.* Указ.соч., с. 690.

¹⁸¹ *Шейнис З.* Указ. соч.

вательное "обновление партийных кадров". Некоторые авторы видят в "Деле врачей" в первую очередь предлог для основательной "чистки" советской правящей элиты¹⁸². При нагнетании кампании ненависти по отношению к врачам давалось понять, что эти заговорщики имели сообщников в высших партийных сферах. "Правда" 13 января 1953 г. писала: "Факт, что группа презренных вырожденков, состоявшая из "ученых мужей", определенное время могла действовать безнаказанно, свидетельствует о том, что некоторые наши советские органы и их руководители утратили бдительность". Для старых соратников Сталина по партии, переживших чистки 30–40-х гг., смысл этих обвинений тотчас стал ясен. Они должны были начать новую гигантскую чистку.

Уже в конце 40-х годов Сталин начал "демонтаж" ближайших сотрудников, которые надежно служили ему десятилетиями. Таким образом, многие из них (Молотов, Микоян и др.) лишились министерских постов. Этот "демонтаж" осуществлялся в обычной сталинской манере – часть за частью. После XIX съезда партии в октябре 1952 г., незадолго до начала запланированного показательного процесса по "Делу кремлевских врачей", сталинский поход против старых союзников достиг апогея. Особенной ненавистью были преисполнены нападки на Молотова и Микояна¹⁸³. Даже через два десятилетия после смерти диктатора Молотов не мог понять причину этой перемены отношения к себе со стороны Сталина: "До сих пор не могу понять, почему я был отстранен? Все-таки у него была в конце жизни мания преследования. Да и не могла не быть. Это удел всех тех, кто сидит там подолгу"¹⁸⁴.

Наряду с Молотовым и Микояном, и другие члены политбюро, в частности Андреев и Ворошилов, были в начале 50-х годов на грани отставки¹⁸⁵. Но особенно трудным было

¹⁸² Авторханов А. Технология власти. Франкфурт а.М., 1976, с. 495.

¹⁸³ Симонов К.М. Указ. соч., с. 97–98.

¹⁸⁴ Чувев Ф. Указ. соч., с. 471, 474.

¹⁸⁵ Chruschtschews historische Rede, S.895; Васильева Л. Указ. соч., с. 233–234.

положение Берии, которого Сталин хотел скомпрометировать с помощью сфабрикованного им же в конце 1951 г. так называемого "Мингрельского дела"¹⁸⁶.

То, что Молотов, Ворошилов и Андреев впали в немилость, не в последнюю очередь было связано с их еврейскими женами. Хотя Молотов в конце 1948 г. по приказанию Сталина развелся со своей женой Полиной Жемчужиной, он продолжал чувствовать себя связанным с ней¹⁸⁷. Молотов и Жемчужина слыли покровителями ЕАК. Их имена снова и снова упоминались на допросах членов ЕАК и во время процесса против ЕАК¹⁸⁸. Это конечно не было случайностью.

О планах Сталина в отношении старых соратников сообщил Хрущев на XX съезде КПСС: "Сталин, очевидно, намеревался покончить со всеми старыми членами Политбюро. Он часто говорил, что члены Политбюро должны быть заменены новыми людьми. Его предложение после XIX съезда об избрании 25 человек в Президиум Центрального Комитета (вместо 11 – Л.Л.), было направлено на то, чтобы устранить всех старых членов из Политбюро и ввести в него людей, обладающих меньшим опытом, которые бы всячески превозносили Сталина"¹⁸⁹.

Было ли "Дело врачей" всего лишь явлением, сопровождавшим борьбу за власть в ближайшем окружении кремлевского деспота, как это иногда утверждается? Конечно нет. Сталинский поход против евреев имел собственную внутреннюю логику, выяснение которой все еще связано с большими трудностями. Складывается впечатление, что Сталин в конце жизни стал перенимать не только многие элементы гитлеровской идеологии, но и некоторые качества характера побежденного им противника. Как отмечает автор биографии Гитлера Й. Фест, Гитлер после нападения на Советский Союз стремился не к тактическим, а

¹⁸⁶ Knigh A. Op. cit., p.160.

¹⁸⁷ Васильева Л. Указ. соч., с. 322; Чув Ф. Указ.соч., с. 466, 473–476.

¹⁸⁸ Наумов В. П. Неправедный суд; Борщаговский А.М. Указ. соч.

¹⁸⁹ Chruschtschews historische Rede, S. 896.

только к "окончательным решениям"¹⁹⁰. Через 10 лет Сталин, как представляется, начал тоже терять характерные для него осторожность и терпение, практически прекратил маневрировать, шел напролом к своей цели. Вероятно он, как в свое время Гитлер, боялся не успеть свершить задуманное. Многие авторы указывают на то, что Гитлер во что бы то ни стало стремился достичь своих конечных политических целей при жизни¹⁹¹. Он не хотел передавать своим "неспособным последователям" осуществление таких "грандиозных задач", как уничтожение коммунизма и еврейства, завоевание жизненного пространства на востоке – в первую очередь в России.

Сталин также был невысокого мнения о своих потенциальных преемниках. После ареста кремлевских врачей он обратился к членам политбюро со следующими словами, цитируемыми Хрущевым в секретном докладе на XX съезде партии: "Вы слепы, как новорожденные котятка; что будет без меня? Страна погибнет, потому что вы не умеете распознавать врагов"¹⁹².

В последний год пребывания Сталина у власти произошла явная радикализация антисемитского курса Кремлевского руководства. Об этой радикализации свидетельствуют некоторые источники, ставшие доступными в последнее время. Так например, В.Малышев – член Президиума ЦК – записывает 1-го декабря 1952 г. следующее высказывание Сталина: «Любой еврей – националист, это агент американской разведки. Еврей-националисты считают, что их нацию спасли США ... Они считают себя обязанными американцам» (Источник, 5/1997, с.140–141).

Эта установка связи между евреями и наиболее опасным внешнеполитическим противником Советского Союза напоминает похожую конструкцию, которую Сталин исполь-

¹⁹⁰ Fest J. Hitler. Eine Biographie. Frankfurt à Main, 1973.

¹⁹¹ См. об этом: *Trevor-Roper H.* Hitlers Kriegsziele, in: Vierteljahrshefte fuer Zeitgeschichte 1960, S.121–131; *Weingartner Th.* Stalin und der Aufstieg Hitlers. Die Deutschlandpolitik der Sowjetunion und der Kommunistischen Internationale 1929–1934. Berlin, 1970, S. 242; *Haffner S.* Anmerkungen zu Hitler. Muenchen, 1978, S.142.

¹⁹² Chruschtschews historische Rede, S. 889.

зовал еще в тридцатые годы. Тогда он тоже вел войну на два фронта – против «фашизма» на внешнем фронте и против троцкизма на внутреннем. С точки зрения сталинской пропаганды этот внешний и внутренний враг состояли в союзе между собой. Несмотря на ее очевидную абсурдность эта теория «двух врагов» стоила бесчисленным людям жизни во время «Большого террора». Какие последствия эта «теория» в ее «модернизированном варианте» могла иметь для евреев, сказать трудно, поскольку ее автору не было отпущено времени, чтобы ею воспользоваться.

Как часто бывало в прошлом, в 1952–1953 гг. Сталин одновременно сражался на нескольких фронтах. В 30-е гг. он сломал хребет не только советскому крестьянству, но и интеллигенции, партии и армии. Теперь он одновременно боролся как против евреев, так и против "старой сталинской гвардии". Вероятно, последний противник и стал для него роковым. Так как он имел дело не с "беспомощными юнцами", а с опытными подельниками, которые десятилетиями поддерживали его практику массовых убийств. Авторханов называет их "духовными двойниками Сталина"¹⁹³. Этот исследователь также придерживается мнения, что Сталин пал жертвой заговора Берии¹⁹⁴. Это предположение подтверждается Молотовым. "Берия был коварный, ненадежный. Да просто за свою шкуру он мог. Тут клубок очень запутанный. Я тоже держусь такого мнения, что он умер не своей смертью. Ничем особенным не болел. Работал все время... Живой был, и очень"¹⁹⁵. Вскоре после смерти Сталина Берия якобы сказал Молотову: "Его (Сталина – Л.Л.) убрал я. Я вас всех спас..."¹⁹⁶.

Подробное обсуждение вопроса, умер ли Сталин естественной смертью, выходит за рамки нашей статьи. Но ясно одно: эта смерть спасла жизнь не только тысячам советских евреев, но и многим представителям власти имущей олигархии.

¹⁹³ Авторханов А. Загадка смерти Сталина, с. 2.

¹⁹⁴ Его же. Технология власти, с. 496.

¹⁹⁵ Чувев Ф. Указ. соч., с. 476–477.

¹⁹⁶ Шейнис З. Указ. соч.

Выявилось, как тесно сталинская система была связана с личностью своего создателя и как мало было у нее шансов пережить его. Уже через несколько недель после смерти Сталина атмосфера в СССР началась существенно меняться. 4 апреля 1953 г. новые московские власти прекратили "Дело врачей", объявив его провокацией бывшего руководства органов госбезопасности.

Тем не менее советский режим, вопреки сравнительно благополучному исходу "Дела врачей", до конца своего существования так и не избавился от антисемитизма, доставшегося ему в наследство от позднего сталинизма.

*Перевод Бориса Хавкина
(опубл. в «Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung», 1997)*

Глава 4

«ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЕВРОПУ» ИЛИ «ТРЕТИЙ ПУТЬ»? ИДЕЙНЫЕ ПОИСКИ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОБЛАЗНЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

4.1. ПРИЗРАК ФАШИЗМА В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ

После краха коммунистического эксперимента в России там бродит теперь другой призрак новейшей истории – призрак фашизма. Политическая сила, вдохновляемая человеконенавистническими идеями и уже однажды превратившая в руины европейский континент, почуяла новый шанс – на этот раз на Востоке. К идеям в России, как правило, относятся всерьез. Столь типичная для Запада «игра в идеи» России почти неведома.

В посткоммунистической России нет больше господствующей идеологии и неприкосновенных авторитетов, нет и общепризнанных вождей. Многие не в силах вынести этот вакуум. Они тоскуют о новой всеспасающей идее, и на этом строят свои расчеты демагоги самых разных оттенков, вплоть до поклонников Муссолини и Гитлера.

В свое время Муссолини и Гитлер всплыли на волне страха правящих слоев перед «большевистской опасностью». Этот страх едва ли имел под собой основания. Революционная волна в Италии после краха забастовочного движения в сентябре 1920 г. явно шла на убыль, а в Германии начала 30-х годов конфликт между социал-демократами и коммунистами, спровоцированный в первую очередь из Москвы сталинским руководством, парализовал рабочее

движение, практически лишив его всякой дееспособности. Несмотря на это, правящие круги Италии и Германии панически боялись «восстания масс», т.е. независимого рабочего движения. Этим страхом воспользовались фашисты и нацисты. 23 июля 1921 г., выступая в итальянском парламенте, Муссолини назвал фашистское движение важнейшим защитником государственных устоев, той силой, которая сумела предотвратить коммунистический переворот в Италии.¹ Десять лет спустя, во время встречи с немецкими промышленниками в Дюссельдорфе, в этом же духе высказывался Гитлер: «Если бы не мы (нацисты. – Л.Л.), средний слой в Германии был бы уже уничтожен. А вопрос о власти большевики давно бы решили в свою пользу».² И хотя аргументы фашистских вождей носили вполне демагогический характер, им в конце концов удалось убедить власть имущих, что спасти расшатанный господствующий строй в обеих странах можно лишь опираясь на правый экстремизм.³

В отличие от своих «классических» предшественников, нынешние российские фашисты, как правило, мало говорят об опасности слева. Больше того, в борьбе против существующего строя они часто оказываются с коммунистами по одну сторону баррикад. «Красно-коричневый союз», лишь sporadически возникавший в веймарской Германии накануне прихода Гитлера к власти, в нынешней России – постоянный феномен. Свое боевое крещение этот союз получил при защите Верховного Совета, распущенного Ельциным 21 сентября 1993 г. Генерала Руцкого несколько не смущало то, что Белый дом обороняли, между прочим, и боевики руководимой Александром Баркашовым организации «Русское национальное единство», чья программа имеет поразительное сходство с программой гитлеровской партии (Национал-социалистическая рабочая партия Германии). Например, в программе РНЕ содержится требование «искоре-

¹ Mussolini B. Opera omnia. – Firenze; Roma 1951 – Т.17, P. 65–66.

² Domarus M. Hitler, Reden und Proklamationen 1931–1945. – München, 1965. – Bd. I. – Hbd. I. – S. 87.

³ См.: Luks L. Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie: Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921–1935. – Stuttgart 1985.

нения всех проживающих в России евреев и цыган в кратчайшие сроки», тюркские народы и выходцы из Средней Азии должны будут проживать только на своих «исторических территориях», причем предполагается «резкое снижение их рождаемости». В России РНЕ хочет ввести законы, похожие на законы фашистской Германии. Например: «Смешанный брак или связи, наносящие ущерб генофонду Русской нации и ведущие к ее размыванию, будут преследоваться в уголовном порядке».⁴

Однако генерал Руцкой берет под защиту своих союзников. Он считает обвинение сторонников Баркашова в фашизме «упрощением» и клеветой.⁵ А коммунистический орган «Советская Россия» славит Баркашова, который сам себя гордо называет нацистом, как некоего «спасителя чести» страны.⁶

Эта мешанина «правизны» и «левизны» в сегодняшней России, конечно же, связана с аморфным, расплывчатым партийно-политическим ландшафтом в посткоммунистической России, что, в свою очередь, объясняется аморфностью общества, в котором нет классов в общепринятом смысле этого слова. В годы гражданской войны большевики экспроприировали и физически уничтожили высший слой. Во время коллективизации сельского хозяйства они сломали хребет крестьянству. Общество, таким образом, было пролетаризировано и атомизировано. Неудивительно, что 70-летний процесс разрушения отрицательно сказался на политической культуре страны, что в этой стране то и дело возникают причудливые политические конфигурации, которые вызывают недоумение у западных наблюдателей.

Но есть и другие причины все большего стирания, смазывания различий между правыми и левыми в современной России. Дело в том, что российские коммунисты, пожалуй,

⁴ См.; Остросветов В. Русский порядок Александра Баркашова // Моск. Новости. – 1994. – №15. – С.7.

⁵ Руцкой А. Надеюсь, что на этот раз мой парашют раскроется // Комс. правда. – М., 1994. – 27 мая. – С. 5.

⁶ Турченко С. Встреча с Александром Баркашовым // Сов. Россия. – М., 1994. – 5 марта; См. также : Баркашов А. Слава России // Завтра. – М., 1994. – №12. – С.1–2.

впервые после 1917 г. потеряли веру в непрерывный общественный прогресс. Прежде они проповедовали ее где только можно. Они воображали, что история на их стороне, и эта уверенность как-никак помогала им до поры до времени преодолевать самые опасные кризисы.

Напротив, правые экстремисты всегда воспринимали идею прогресса не иначе как с насмешкой. Они никогда не желали и не желают плыть в потоке истории, наоборот, пытаются любой ценой задержать его и повернуть вспять. Повсюду им мерещатся симптомы упадка и разложения, козни могущественного всемирного заговора. Они считают, что предотвратить «закат Европы» можно лишь насильственным уничтожением носителей этого заговора – евреев, масонов, «плутократов» и марксистов.⁷ Фашистский идеал – в прошлом. Фашизм апеллирует к так называемому «биологически естественному» человеку. Он хочет возродить «белокурую бестию», человека, не искаженного цивилизацией, не извращенного христианской этикой с ее призывом любить ближнего и сострадать ему. Золотой век фашизма – это языческая, дохристианская эпоха. Пафос же коммунизма устремлен в будущее, где произойдет прыжок «из царства необходимости в царство свободы».

Однако этот исторический оптимизм теперь ушел в прошлое. После развала Советского Союза у коммунистов почти не осталось веры в прогресс и светлое будущее. Внезапное исчезновение второй великой державы, внушавшей страх и уважение всему миру, кажется им непостижимым событием, они отказываются видеть в нем историческую необходимость. За кулисами горбачевской перестройки и вызванных ею процессов они усматривают гигантское предательство. Еще в 1990 г., до окончательного распада СССР, один из проповедников имперской идеи, писатель Александр Проханов, утверждал: «Впервые не только в истории отечества, но и мира мы видим, как государство ру-

⁷ См.: Люкс Л. Коммунистические теоретики о фашизме: Озарения и просчеты // Полис. – М., 1991. – № 4. – С.74–85.

шится не в результате внешних ударов, а в результате целенаправленных действий вождей».⁸

Четыре года спустя Проханов пояснил свою мысль: «Советский Союз продала элита, продали лучшие люди. И какую бы Россию ни строили в дальнейшем – будь это монархия, будь это президентская республика, будь это патриотическая диктатура, опять это все будет построено на песке, если страной будут править чиновники, если не будет настоящей элиты».⁹

Эта мечта о новой, здоровой элите не имеет ничего общего с коммунистической идеей пролетарского авангарда. Целью коммунистического «авангарда», по крайней мере в изначальном смысле, было уничтожение элит и введение равноправия. Идея элиты у Проханова и его единомышленников имеет явно другое, правое происхождение. Заметим, что сейчас российская общественность впервые начинает впитывать запрещенное при коммунистах идейное наследие европейских правых. Следует особо подчеркнуть тот факт, что правоориентированные публицисты Веймарской республики, такие как Карл Шмитт, Эрнст Юнгер, Меллер ван ден Брук, неожиданно приобрели запоздалую известность в сегодняшней России. Российские поклонники этих авторов преподносят их как последнее слово западной мысли. В действительности там, на Западе, их идеи давно обветшали и обанкротились. Однако уже не в первый раз России пытаются навязать ретроградную идеологию, выдавая ее за последнее достижение. Так было в 1917 г., когда большевики начали широко пропагандировать свою наивную веру в науку и прогресс, наивный материализм – все то, что и в Западной Европе, и в интеллектуальных кругах России («Вехи») уже в начале века было преодолено.¹⁰ Ныне, как и в 1917 г., стране угрожает запоздалая, патологическая европеизация с помощью вытасненных из чулана, безнадежно устаревших идей.

⁸ Проханов А. Идеология выживания // Наш современник. – М., 1990. – № 9. – С. 3–9.

⁹ Диалог Александра Проханова и Станислава Терехова // Завтра. – М., 1994. – № 29. – С. 1–2.

¹⁰ См.: Luks L. Entstehung..., S. 197–199.

Подобно немецким правым веймарского периода, российские коммунисты не могут примириться с тем, что государство утратило статус сверхдержавы вместе с территориями, где проживают их соотечественники. Как и в Германии 20-х годов, крах империи изображается как результат иноземных интриг – вмешательства западных демократий. В открытой «честной» борьбе западные державы – так утверждали немецкие правые, и их слова повторяет нынешняя русская «непримиримая оппозиция» – оказались не в состоянии одержать верх над своими противниками. Поэтому им пришлось прибегнуть к вероломным средствам психологической войны. Путем пропаганды так называемых западных ценностей они выхолостили советского колосса и довели его до гибели.

При этом, однако, ни словом не упоминают о том, что Советский Союз со своей стороны десятилетиями пытался подорвать западные демократии с помощью коммунистической пропаганды. Эта двойная бухгалтерия опять-таки напоминает аргументы правых в Веймарской республике. Они тоже клеймили психологическую войну западных держав, прежде всего их антивоенную пропаганду. И при этом словно забывали, что высшее военное командование Германской империи пользовалось точно таким же методом, когда в 1917 г. разрешило Ленину проезд через Германию, а затем поддерживало антивоенную агитацию большевиков.¹¹

Консервативный немецкий публицист, критик Гитлера, Герман Раушнинг утверждал, что общество времен Веймарской республики находилось в состоянии клинического безумия. Национальное самолюбие было уязвлено Версальским договором, и немцы перестали адекватно реагировать на действительность. Словно в истерике общество металось из одной крайности в другую.¹²

Как и немцы в 1918 г., многие россияне чувствуют себя сегодня «побежденными победителями». Вспомним, что в 1918 г. Германия отказывалась называть себя побежденной

¹¹ Halweg W. Lenins Rückkehr nach Rußland. – Leiden, 1957; Zeman Z. Germany and the Revolution in Russia, 1915–1918. – L., 1958

¹² Rauschning H. The Conservative Revolution. – N.Y., 1941. – VIII.

нацией. Чрезвычайной популярностью пользовался тогда лозунг „Im Felde unbesiegt“ («На поле боя не побеждена»). Намекалось, что победа в последний момент была кем-то украдена. Сходное чувство «украденной победы» распространено сейчас и в России. Поэтому не стоит удивляться, что иммунитет коммунистов к идеям правых экстремистов неуклонно ослабевает. Неудивительно и то, что радикальные антидемократы слева и справа легко находят общий язык. К примеру, лидер Российской коммунистической рабочей партии Виктор Анпилов, в отличие от классиков марксизма-ленинизма, считает величайшим врагом трудящихся не финансовый капитал, а «мировой сионизм». По его словам, «сионизм угнетает весь мир, и особенно он ненавидит Россию и русский народ, стремится погубить их». ¹³ Совершенно так же объясняют происхождение мирового зла правые экстремисты. «Сионизм – это враг всего мира», – заявляет лидер движения «Память» Дмитрий Васильев. ¹⁴

Руководитель Московского антифашистского центра Евгений Прошечкин говорит о том, что «произошла страшная вещь, произошел перелом в общественном сознании: фашизм – это хорошо. Выглядеть фашистом, нацистом – приятно, убедительно». ¹⁵ Итак, табу нарушено.

Член президентского совета Юрий Карякин сообщил недавно о результатах социологического опроса: 30% россиян назвали Гитлера выдающейся личностью. По различным данным, в России выходит сейчас более 150 периодических изданий откровенно фашистского толка. ¹⁶

Все это свидетельствует о том, что в посткоммунистической России демократия еще далека от умения защищать себя. Здесь тоже очевидна параллель с Веймарской республикой. И все же маловероятно, чтобы организации, почти в открытую копирующие нацистов, оказались способны прийти к власти. Ведь страна потеряла в войне против

¹³ Сироткин В. Национал-большевизм // Моск. новости. – 1994. – № 20. – С. 11А.

¹⁴ Москва – Иерусалим. – 1994. – № 5. – С. 5.

¹⁵ Респектабельность фашизма // Москва – Иерусалим. – 1994. – № 4.

¹⁶ Фашистам пока спать спокойно // Моск. новости. – 1994. – № 23. – С. 7. В.

третьего рейха 27 млн. жизней. Больше шансов в политической борьбе, по-видимому, имеют праворадикальные партии нового типа. Такова «либерально-демократическая» партия Владимира Жириновского.

И личность, и политическая карьера этого лидера кажется парадоксом. Ведь для большинства шовинистических и неоимпериалистических группировок в России неотъемлемым и едва ли не основополагающим признаком является истерический антисемитизм. Естественно, что еврейское происхождение Жириновского воспринимается ими как скандальное клеймо. Именно поэтому они ведут против него яростную борьбу. Крайне шовинистическая организация Русский национальный собор именует Жириновского «агентом сионизма». Такого же мнения придерживаются неофашисты Александра Баркашова и коммунистическая партия Виктора Анпилова. Писатель Лимонов, прежний соратник Жириновского, считает недопустимым, чтобы еврей выступал выразителем национальных интересов России: «Нерусский русский националист – извращение. Это уж слишком... Отчего бы человеку, намеревавшемуся сделать карьеру в еврейском движении, не стать главой русского национального движения, а там, глядишь, и президентом России националистической? Но нет, мы не пустим его. Нельзя».¹⁷

Но публика осталась глуха к заклинаниям Лимонова. Партия Жириновского – единственная праворадикальная партия в России, которой удалось осуществить прорыв к более широким кругам избирателей.

В то время как «патриоты» не могут примириться с происхождением Жириновского, демократы считают смертельной опасностью его политическую демагогию. Они подчеркивают, что новый геополитический передел мира, прокламируемый Жириновским, приведет к очередной опустошительной войне.¹⁸ Эти предостережения тоже остаются без ответа. В стране, всего лишь полвека назад пережившей самую ужасную войну в новейшей истории, около 12 млн.

¹⁷ Лимонов Э. Извращения национализма // Новый взгляд. – 1993. – № 34. – С. 1.

¹⁸ Гайдар Е. Ставка на негодяев // Известия. – 1994. – 17 мая. – С. 3.

избирателей проголосовали в декабре 1993 г. за поджигателя новой войны.

Выходит, что Жириновский – фашист? Национал-социалист? Сам он решительно отвергает подобные обвинения. Когда Егор Гайдар назвал его фашистом, Жириновский подал в суд – и выиграл процесс. Сам он повторяет, что никто не должен подвергаться дискриминации из-за своей национальности и что не существует низших и высших рас. Гитлера вождь ЛДПР подвергает суровой критике за экстремизм: по его словам, Гитлер дискредитировал положительную в своей основе идею национал-социализма своим расизмом, равно, как и стремлением к мировому господству.¹⁹ В то же время Жириновский, никак этого не подчеркивая, повторяет отдельные пункты гитлеровской программы, а также некоторые тактические приемы национал-социалистов. Он, к примеру, подобно Гитлеру, не выступает как ревизионист старого стиля, он хочет не просто восстановить былые границы империи, но держит наготове новую геополитическую программу. Его концепция «последнего броска на Юг» сильно напоминает гитлеровскую программу завоевания жизненного пространства на Востоке, а злобные тирады против тюркских народов перекликаются с презрительными высказываниями Гитлера о славянах.

Структура Либерально-демократической партии России приближается к структуре Национал-социалистской рабочей партии Германии. Жириновский превратил ЛДПР в вождистскую партию классического праворадикального типа. И в программах, и в тактических вопросах решающее слово – за председателем партии. И наконец еще одна параллель: после провала Мюнхенского путча а ноябре 1923 г. Гитлер понял, как легче всего победить молодую, еще не окрепшую демократию – не прямым насилием, а с помощью избирательного бюллетеня. Некоторые радикальные антидемократы веймарского периода высмеивали намерение фюрера осуществить «легальную революцию» путем выборов.

Итальянский писатель и публицист Курцио Малапарте – горячий приверженец Муссолини – в 1931 г. назвал Гитлера

¹⁹ Жириновский В. Последний бросок на Юг. – М., 1993.

карикатурой на дуче. Завоевание государства для Гитлера означает лишь завоевание рейхстага, иронизировал Малапарте, полагая, что отказавшись от насилия, вождь национал-социалистов изменил революционному духу своих соратников.²⁰ Малапарте не сумел распознать разрушительную силу этой тактики. На самом деле Гитлер выбрал наиболее действенное средство, чтобы нанести парламентскому государству смертельный удар.

Сходным образом критикуют Жириновского «за легализм» некоторые представители так называемой «непримиримой оппозиции». Но после полного провала двух попыток путча – в августе 1991 г. и в октябре 1993 г. Жириновский осознал, что есть куда более действенные методы борьбы с существующей системой. Он полностью сосредоточил все силы на предвыборной борьбе, причем выяснилось, что как демагог он намного превосходит многих своих соперников.

Только демократия дает фашизму возможность всплыть на поверхность, расцвести. Однако фашизм угрожает лишь неопытной и нестабильной демократии, которой еще не удалось укорениться в сознании общества. В созданной на руинах гитлеровского рейха Второй германской республике появилось понятие „wehrhafte Demokratie“ («оборонеспособная демократия»). Для такой демократии борьба с экстремизмом является своего рода категорическим императивом.

Посткоммунистическая Россия весьма далека от такой модели. Демократия здесь все еще воспринимается как режим терпимости по отношению к самым непримиримым антидемократам. Еще больше беспокоит тот факт, что демократическая идея, недавно казавшаяся непобедимой, почти полностью утратила свою привлекательность и ее поборники судорожно ищут новое лицо, новую идентичность. При этом они все чаще обращаются к идее сильной государственности, нередко прибегая к лексике своих экстремистских оппонентов. Демократы явно утратили инициативу в политическом споре, и этот факт не менее тревожен, чем развал экономики и поляризация общества. Соседям и партнерам

²⁰ Malaparte C. Technik des Staatsreiches. Leipzig, 1932.

России, особенно после начала войны в Чечне, все труднее отличить высказывания представителей правительства от заявлений «непримиримой оппозиции». Нелишне вспомнить еще раз опыт Веймарской республики. Не только нацисты твердили тогда, что Германия ущемлена, что версальский «диктат» отдаст ее в рабство державам-победительницам. Подобными выражениями уснащали свои заявления почти все политические группировки страны.²¹ Пронацистские идеи витали в воздухе совершенно так же, как сейчас идеи Жириновского в России. Гитлер сумел найти могучих союзников в правящей элите. Ведь правым экстремистам еще никогда не удавалось прийти к власти собственными силами. Им всегда нужны влиятельные союзники из правительственных кругов. Именно поэтому Владимир Жириновский без устали предлагает себя в союзники российскому президенту.

4.2. "ТРЕТИЙ ПУТЬ", ИЛИ НАЗАД В ТРЕТИЙ РЕЙХ? О «НЕОЕВРАЗИЙСКОЙ» ГРУППЕ «ЭЛЕМЕНТЫ»

Многие поборники имперских идей в сегодняшней России считают развал Советской империи своего рода апокалипсисом. Они не могут утешиться даже тем, что на протяжении XX столетия другие европейские державы так же потеряли свои империи, и что ускорение освободительных процессов в результате Второй мировой войны сделало Советское государство живым анахронизмом.

²¹ Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. – München, 1968; Breuer S. Anatomie der Konservativen Revolution. – Darmstadt, 1993.

Статья эта была впервые опубликована 19 ноября 1994 г. в газете «Франкфуртер Алльгемайне» под свежим впечатлением успехов ЛДПР в парламентских выборах декабря 1993 г. Многие из высказанных здесь опасений не оправдались. Но все же нельзя сказать, что «призрак фашизма» перестал бродить по стране, хотя правозэкстремистская угроза принимает сейчас часто совсем новые, неожиданные и причудливые формы (по русски статья была напечатана в «Актуальные проблемы Европы. Проблемы национализма», ИНИОН, М. 1996).

С другой стороны, можно вполне понять распространяющуюся в настоящее время в России неуверенность. Ведь Россия, в отличие от Великобритании или Франции, должна была распрощаться не только с империей, но одновременно с господствовавшей на протяжении многих поколений политической и экономической системой, с самой идеологией, которая эту систему узаконивала. Поэтому события 1991 г., приведшие к краху советской империи, лучше сравнивать не с распадом западных колониальных государств, а с переворотами 1917–1918 годов в самой России. Ведь и тогда, со многих точек зрения, Россия пережила крах. В 1917–1918 гг. развалилась не только Российская империя, страна с устоявшейся экономической и политической системой, но и доктрина, на протяжении веков лежавшая в основе русской государственности. Не в последнюю очередь именно это способствовало распространению в русском обществе того времени апокалиптических настроений. Философ Василий Розанов выразил основное ощущение своих соотечественников, назвав свое сочинение, написанное в те годы, "Апокалипсисом нашего времени". Сходные настроения, кажется, господствуют и в сегодняшней России, прежде всего в националистических и имперски настроенных кругах. Уже в заключительной фазе перестройки, когда эрозия коммунистической идеологии становилась все более очевидной, многие поборники имперской русской идеи отправились на поиски нового связующего звена для всех народов и религиозных сообществ Советской империи и обнаружили для себя евразийскую идею – программу движения, возникшего в 1921 г. в русской эмиграции и сошедшего со сцены к концу 1930-х гг.²² Многие группировки и публицистические органы в сегодняшней России исповедуют евразийскую программу. С особой решительностью делает это появившийся в 1992 г. журнал "Элементы", даже обозначенный как "евразийское обозрение". Ввиду того, что

²² См.: *Otto Boess*. Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1961; *Nicholas Riasanovsky*. The Emergence of Eurasianism, in: *California Slavic Studies* 4, 1967. S. 39–72; *Luks Leonid*. Die Ideologie der Eurasier im zeitgeschichtlichen Zusammenhang // *Jahrbücher der Geschichte Osteuropas*, 34, 1986. S. 374–395.

евразийское движение принадлежало к самым оригинальным идеологическим течениям русской эмиграции, признание их идей вполне может послужить повышению реноме соответствующей группы. На славе прежних "евразийцев" пытается сделать свой капитал и журнал "Элементы", издатели которого рассматривают себя как духовных наследников "классического" евразийства. Справедливы ли такие притязания? Этот вопрос будет стоять в центре данной работы.

I.

Кажется, что идеологическое кредо группы "Элементов" полностью соответствует программе евразийцев. Обе группировки являются страстными защитниками культурного партикуляризма и радикальными противниками идей универсализма. Евразийцы считали универсализм открытием западноевропейцев – "романо-германских" народов, которые навязывают всем народам мира собственные представления о ценностях и обществе. Если европейцы говорят о человечестве, они понимают под этим только западноевропейскую цивилизацию, писал в 1920 г. один из основателей евразийского движения князь Николай Трубецкой. За так называемым универсализмом и космополитизмом западноевропейцев скрывается исключительно их стремление к мировому господству²³.

Не иначе оценивают издатели "Элементов" сегодняшние теории глобализации, модель one-world или же идеи "нового мирового порядка". Все эти "мондиалистские" концепции инспирируются правящими кругами Запада, целью которых являются достижение мирового господства, прежде всего американской правящей элитой²⁴.

В то время как евразийцы рассматривали весь Запад, точнее говоря "романо-германские" народы как врагов незападноевропейского мира, образ врага "Элементов" ре-

²³ Я опираюсь здесь на немецкое издание работы Трубецкого: *Трубецкой Н.С. Европа и человечество*. Мюнхен, 1922, изданное С. Якобсоном и Ф. Шлецером

²⁴ Ср. *Элементы* 1, 1992. С. 3; 2, 1992. С. 1–8; 3, 1993. С. 5; 1994. С. 7–11.

дуцируется до англосаксонских морских держав, интересы которых диаметрально противоречат интересам держав континентальных. Морские державы выступают за упразднение границ, за унификацию культур, за общество *melting-pot*. Все это выдается западными или "атлантическими" последователями "мондиализма" за прогресс. Континентальные державы, напротив, опираются на традицию, имеют глубокие корни. Культурные особенности отдельных народов считаются ценным достоянием и ни в коем случае не рассматриваются как отвлекающий фактор, который стоит на пути т.н. "прогресса". Это противоречие считается "Элементами" непреодолимым. Для того чтобы осуществить свой мондиалистский план, морские державы должны стремиться к тому, чтобы лишить все культуры мира их особенностей, смешать их воедино, в т.н. "мировую культуру". Континентальные державы со своей стороны должны пытаться, если они хотят выжить, сдержать такое наступление всеми возможными способами, даже с помощью военной силы. Речь идет о жизни и смерти²⁵.

Наряду с неприятием "навязываемого Западом" универсализма, группу "Элементов" связывает с евразийцами также радикальное отрицание либерально-демократической системы. Евразийцы выступали за сильное интервенционистское государство и считали либеральное "мягкотелое государство" реликтом прошлого. Оно слишком пассивно, чтобы соответствовать требованиям современности. Тогдашний кризис парламентской демократии привел к тому, что государство оказалось не в состоянии увлечь людей своими идеалами²⁶. Поэтому оно обречено на крах. Толерантность правящих на Западе демократий к конкурирующим идеологиям являлась для евразийцев проявлением слабости. Жизнестойкое государство с жизнестойкой идеологией не должно допускать с точки зрения евразийцев оппозиционных течений. Программный документ евразийцев

²⁵ Элементы 2, 1992. С. 27; 3, 1993. С. 3 и 8; 4, 1993. С. 48.

²⁶ См.: Евразийство. Опыт систематического изложения. Париж, 1926. С. 55f; *Алексеев Н.* Евразийство и государство, в: Евразийская хроника. Вып. IX. Париж, 1927. С. 36ff; *Его же.* Образованность и право // Евразийская хроника. Вып. X. Париж, 1928. С. 23f.

1926 г. "Евразийство" выступает за установление однопартийной системы, при которой самодержавная партия пронизывает все государственные институты и создает широко разветвленную сеть организаций и обществ. Авторы документа вполне отдавали себе отчет в том, что такая система схожа с фашистской диктатурой в Италии или же с большевистской системой. Но это ни в коем случае не пугало их²⁷.

Многopартийная система отвергалась евразийцами также и потому, что отдельные партии, очевидно, стоят на защите эгоистических интересов своих клиентов и не учитывают интересов всей общественности. Защиту собственных интересов евразийцы считали типично западным явлением. Правовед Н. Алексеев, который принадлежал к ведущим евразийцам, писал в 1928 г. в этой связи: на Западе со времен Ренессанса сформировалась позиция борьбы личности за свои права, хотя она и была принята лишь после горькой борьбы²⁸. Внутренне разорванному Западу евразийцы пытались противопоставить древнерусский идеал гармонии, который берет свой исток в православии. Центральной идеей в православии является не идея борьбы личности и постоянный конфликт, а идея единения²⁹.

Группа "Элементы" также обличает западный индивидуализм и эгоизм с крайней остротой и радикально отвергает либерализм как экономический, так и политический. Однако в отличие от евразийцев, "Элементы" рассматривают либеральные группировки не как "потерпевших поражение" реудачников, но как "победителей в истории". И в самом деле за последние десятилетия отношения между защитниками и врагами "открытого общества" существенно изменились. В 20–30-е гг., когда евразийцы клеймили либеральное государство за его пассивность и слабость, занятая им позиция была как никогда очевидна. Находившееся под дав-

²⁷ Евразийство (прим. 5). С. 52.

²⁸ Алексеев Н. Обязанность и право (прим. 5).

²⁹ Шахматов М. Подвиг власти (Опыт по истории государственных идеалов России) // Евразийский временник 3, 1923. С. 55–80; *Его же*. Государство правды (Опыт по истории государственных идеалов в России) // Евразийский временник 4, 1925. С. 268–304; Сувчинский П. Страсти и опасности // Россия и латинство. Сборник статей. Берлин, 1923. С. 27f.

лением со стороны как крайне правых, так и крайне левых, либеральное государство боролось за выживание. После падения Третьего рейха, но прежде всего после развала советской империи, приговоренный к смерти либерализм восстал словно "феникс из пепла". Такие либеральные принципы, как свободный рынок, многопартийная система и правовое государство утвердились за некоторыми небольшими исключениями по всей Европе. И эта победа либерализма для издателей "Элементов" представляется беспрецедентным поражением всего незападного человечества. Они хотят любой ценой повернуть назад колесо истории, потому что жизнь в мире, где правят либеральные принципы, для них бессмысленна.

Этот журнал рисует либерализм как "наиболее последовательную, агрессивную и радикальную форму <...> европейского нигилизма", как воплощение духа антитрадиции, цинизма и скепсиса³⁰. Либерализм разрушает любую духовную, историческую и культурную непрерывность, он просто враг всего рода человеческого. Как роковую ошибку рассматривают "Элементы" то, что слова "либерализм" и "демократия" зачастую выступают синонимами. На самом деле либерализм не имеет ничего общего с демократией – властью народа. Защитники либерализма представляют собой небольшую, одержимую жаждой власти и никем не избранную элиту, которая использует демократическую риторику только затем, чтобы создать у народа иллюзию его причастности к политическим решениям верхушки. В реальности, так считает главный редактор журнала Александр Дугин, ни в какой другой политической системе народ не обделен властью так, как при т.н. "демократиях". "Одно из высших проявлений этой стратегии социальной лжи заключается в том, что термин "демократия" применяется именно к тем социальным режимам, где "власть" принадлежит народу в еще меньшей степени, чем где бы то ни было в другом месте"³¹. Политические и идеологические противники евразийцев и их эпигонов, таким образом, четко определены. Кто же

³⁰ Элементы 5, 1994. С. 5.

³¹ Там же. С. 8.

их единомышленники? К ним в первую очередь относятся радикальные противники либерализма и парламентской демократии как из правого, так и из левого лагеря, и не в последнюю очередь коммунисты и фашисты. Уже первые русские критики евразийской программы обратили внимание на духовную близость евразийцев к большевизму и итальянскому фашизму. Большевизм и итальянский фашизм рассматриваются евразийцами абсолютно в позитивном свете, писал в 1924 г. Федор Степун. Единственное, что они бескомпромиссно отвергают и ненавидят – это демократия³².

Что связывает евразийцев, которые, так же, как и другие эмигранты, принадлежали к проигравшим в гражданской войне, с их победителями – большевиками? В первую очередь уничтожительная критика предреволюционной России и признание исторической необходимости революции 1917 г. Евразийцы отвергали предреволюционную, петровскую, Россию прежде всего по культурным и идеологическим мотивам. Для них европеизация России, которую начал Петр, была ложной тропой истории. Петр I разрушил фундамент, на котором покоилась внутренне сильная Россия, пишет Трубецкой. Ни один вражеский захватчик не был в состоянии разрушить национальную русскую культуру в таких масштабах, как это сделал Петр³³.

Поэтому евразийцы рассматривают революцию 1917 г. как судилище над постпетровской Россией, как справедливую реакцию простого народа на режим, расколовший Россию³⁴.

В этом признании "внутренней логики и правды" русской революции евразийцы, очевидно, совпадают с большевиками, при том, что их мнение относительно самой революции кардинально отличается от мнения большевиков. Большевики утверждали, что низшие слои русского общест-

³² *Степун Федор*. Евразийский временник. Кн. 3. //Современные записки XXI, 1924. С. 403.

³³ И.Р. (Трубецкой): Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин, 1925. С. 35–39; *Alekseev N.* Das russische Westler-tum // *Der russische Gedanke I*, 1929/1930. S.149–162.

³⁴ *Флоровский Георгий*. О патриотизме праведном и греховном // На путях утверждения евразийцев. Кн. 2. Москва, Берлин, 1922. С. 230–293.

ва протестовали против экономического и политического подавления прежней системой, евразийцы – что против культурного. Ожидания, которые большевики, с одной, и евразийцы, с другой стороны, связывали с революцией, были полностью различны. Основной целью большевиков было преодоление русской "отсталости", электрификация, индустриализация и модернизация страны; другими словами – завершение работы, начатой Петром Великим. Евразийцы, напротив, надеялись, что переворот 1917 г. навсегда закроет "окно в Европу", прорубленное Петром. Они мечтали о возврате к культурным и религиозным ценностям старой, допетровской России. Своей идеализацией "великого" прошлого Древней Руси евразийцы совсем непохожи на большевиков, в гораздо большей степени здесь они сближаются с итальянскими фашистами, которые также хотели вернуться к великому прошлому своей страны (Древний Рим, эпоха Возрождения) и которые насмехались и презирали новейшую историю Италии, попавшую под влияние либеральных идей³⁵.

II.

Сродство евразийцев как с крайне левым, так и с крайне правым полюсами тогдашнего политического спектра Европы вызывало смятение многих наблюдателей, которые хотели политически классифицировать евразийское движение. Сами евразийцы иронизировали по поводу идентификационных трудностей и объясняли своим критикам, что они не являются ни правыми, ни левыми, ни вписываются ни в какое традиционное деление и занимают некую "третью" позицию, которая выходит за рамки схемы левые-правые³⁶.

Сходные аргументы звучат и в устах издателей "Элементов". Они также не хотят знать о схеме "правое-левое" и выдают себя за "третью" силу, которая вдохновляется идеологией как левых, так и правых. Единственное, что интересует их в этих идеологиях, это их отношение к либера-

³⁵ См.: *Трубецкой Н. У дверей реакция? Революция? // Евразийский временник*. Кн. 3. Берлин, 1923; и т.д.

³⁶ См.: *Трубецкой Н. Там же, 1923; Его же. Мы и другие* (прим. 14).

лизму. Чем радикальней эти идеологии ставят под вопрос либеральный образ мира, тем у них больше шансов попасть в духовный пантеон "Элементов". Большой интерес вызывают у журнала, к примеру, т.н. национал-большевицские течения, которые пытались преодолеть пропасть между коммунизмом и правым экстремизмом. Наряду с евразийцами это, к примеру, движение "Смена веж"³⁷, которое к началу 20-х гг. по "патриотическим" мотивам капитулировало перед советской властью – в знак благодарности за восстановление большевиками территориальной целостности Российской империи. Однако особое восхищение издателей "Элементов" вызывают деятели немецкой "консервативной революции", которые со своей стороны внесли особую лепту в духовное выхолащивание Веймарской демократии и облагораживание национал-социалистических идей.

"Элементы" определяют все эти течения словом "национал-большевизм". "Национал-большевизм" называется интереснейшим явлением XX в. В заглавной статье восьмого номера журнала читаем: "Все, что привело эти идеологии (фашизм и большевизм) к гибели, – строго равно их отступлению от духа и буквы этой несформулированной, но существовавшей виртуально доктрины"³⁸.

Как составные части этой доктрины среди прочих называются: 1. Эсхатологическая заостренность, ясное понимание того, что современная цивилизация вплотную приблизилась к своему концу. 2. Ненависть к правящим западным цивилизациям, пронизанным духом Просвещения. Сопоставление космополитичного развитого капитализма с абсолютным злом. Антибуржуазный пафос. 3. Спартанский (пруссский) аскетический стиль. Признание достоинства рабочих людей. Поиск возможности слияния с народными слоями, которые не были испорчены "дегенерирующей" элитой "старого режима". Стремление к созданию новой, соединенной с народом "аристократии". 4. Радикальное отрицание индивидуализма, потребительской идеологии и

³⁷ См.: Элементы 8. 1996/97.

³⁸ Либо – мы, либо – ничто, в: Элементы 8. С. 2.

"торгашеского духа", который журнал называет семитским влиянием. 5. И наконец, по мнению журнала, самое примечательное свойство национал-большевизма состоит в его готовности пожертвовать собой во имя идеалов, предпочтение радикальных решений и отрицание филистерского духа и заурядности³⁹.

Этот вытщенный на свет из Веймарского чулана идеологический конструкт, с которым "Элементы" широко себя идентифицируют, признается журналом единственной альтернативой либеральному образу мысли, "либеральному Антихристу", который повсеместно правит на земле. Либерализм уже победил всех других врагов. Остался только национал-большевизм. Либо мировое господство либерализма и с ним конец света, либо национал-большевизм. Таково кредо "Элементов"⁴⁰.

Журнал ни в коем случае не хочет мириться с окончательной победой своих кровных врагов-либералов и призывает к ответному наступлению, к жестокому отмщению, дабы отплатить врагам на Западе за позорное поражение. Журнал безгранично славит войну и насилие, так же как это делали сторонники консервативной революции в Веймаре. Они опирались на "Понятие политического" Карла Шмитта, для которого различие между другом и врагом представлялось важнейшим критерием в политике. Это различие является альфой и омегой также и для "Элементов". Как врагов журнал рассматривает: "новый мировой порядок", "открытое общество", мировое правительство, планетарный рынок, общечеловеческие ценности и ... универсализацию Запада"⁴¹.

Все противники этих "врагов" записываются "Элементами" в категорию "друзей". Примирение между двумя лагерями невозможно: "Две несводимые друг к другу позиции, два всеохватывающих супермировоззрения, два взаимоисключающих проекта будущего человечества. Между ними только вражда, ненависть, жесточайшая борьба по прави-

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 3.

⁴¹ Рука так и тянется к кобуре, в: Элементы 7. 1996. С. 2.

лам и без правил на уничтожение, до последней капли крови". Между ними горы трупов... Кто из нас подытожит историю? Кто всадит последнюю пулю в плоть поверженного врага? Они или мы?... Это решит война. "Отец вещей"⁴².

Такая позиция не имеет ничего общего с евразийством. Целью евразийцев было не разрушение Запада, но ограждение России и всего евразийского субконтинента от культурного воздействия Запада. Их программа была не экспансионистской, а изоляционистской. Развал Российской империи в результате переворота 1917 г. был для них травматическим переживанием, они хотели любой ценой предотвратить дальнейшее разрушение российской государственности. Евразийцев интересовала не власть над миром, а поиски элемента, способного скрепить многонациональную империю. Они сознавали, что пролетарский интернационализм, с помощью которого большевики в 1917 г. объединили развалившуюся империю, не сможет сцементировать Россию на продолжительное время. Национальные эмоции рабочих, как правило, сильнее, чем классовая солидарность, говорил в 1927 г. Трубецкой. Россия именно поэтому должна искать нового носителя единства, если она хочет остаться единым государством. Таким носителем может стать лишь евразийская идея, потому что она подчеркивает общность между всеми народами России⁴³.

Для "Элементов" не может быть и речи о подобного рода самоограничении, типичном для евразийцев. Не восстановление равновесия между Западом и Востоком, а тотальная победа над противниками с Запада является для них единственной приемлемой целью — при этом они примиряются с полным поражением собственного лагеря. Пристрастие к планам борьбы до последнего конца, до "гибели богов", находит отражение в беспримерном культурном пессимизме "Элементов" (позиции, нетипичной для России, конечно, если не принимать во внимание поэтов и мыслителей "серебряного века" на рубеже веков). Совсем иначе об-

⁴² Там же.

⁴³ Трубецкой Н. *Общеввропейский национализм*. В: *Евразийская хроника* 7, 1927. С. 28f.

стояли дела в Германии. Здесь с рубежа веков, и особенно после развала кайзеровской империи, культурный пессимизм представлял собой весьма распространенное явление – главным образом в националистическом, правом лагере. Деятели "консервативной революции", вызывающие такое восхищение у "Элементов", беспрестанно предавались апокалиптическим настроениям. Евразийцы, напротив, были не настолько пессимистичны, в них жила уверенность, что после "падения Запада" культурный центр мира переместится по направлению к Евразии: "Не уходит ли к востоку богиня Культуры, чья палатка столько веков была раскинута среди долин и холмов Европейского Запада?" – вопрошал в 1921 г. евразиец Петр Савицкий⁴⁴.

III.

Таким образом, издатели "Элементов" со своими апокалиптическими ожиданиями на грани истерики оказываются связанными не с евразийцами, а в гораздо больше степени с Веймарскими правыми.

Демонизация либерализма также выглядит точной копией программы Веймарских правых экстремистов и имеет мало общего с надменно-насмешливой позицией евразийцев по отношению к либерально-демократическому государству. Тот факт, что радикально-националистические круги в Веймаре и в постсоветской России боролись или борются с либерализмом сходными аргументами, конечно, связан с тем, что обе группировки хотят или хотели повернуть не только своих внешнеполитических врагов – Запад – но в большей степени врагов внутривнутриполитических – собственное правительство. В обоих случаях собственный режим выдается за марионетку Запада, за воплощение национального предательства.

Как и когда-то в Веймаре, либерализм и парламентская демократия ассоциируются в посткоммунистической России с крахом гегемониального положения обоих государств на европейском континенте, с потерей территорий и с возник-

⁴⁴ *Савицкий Петр*. Поворот к востоку, в: *Исход к востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев*. София, 1921. С. 3.

новением новой диаспоры. В обоих случаях к национальному унижению присоединяются глубокий экономический кризис и потеря определенных ориентиров. К тому же крах в обеих странах произошел неожиданно, внутренне, страны не были к нему готовы. В кайзеровской Германии практически до последнего момента верили в победу в мировой войне. Когда Эрих Людендорф 3 октября 1918 г. от имени верховного главнокомандующего объявил о поражении только что назначенному на должность канцлера Максу фон Бадену, тот не мог понять, что на самом деле произошло, рассказывают некоторые историки. Так же растерянно прореагировало советское население на крушение империи, которая еще до 1991 г. вместе с США вершила судьбами мира. Это неожиданное падение дало повод некоторым националистически настроенным кругам в сегодняшней России, так же как когда-то в Веймарской республике после краха кайзеровской империи, говорить о заговоре темных сил как внутри страны, так и за ее рубежами. Особенно ревностно распространяют легенду о новом "ударе ножом в спину" те политические силы, которые в советские времена путем истощения сил собственной нации во время холодной войны, подготавливали развал империи. Эти аргументы схожи с аргументами прежних немецких сторонников тезиса об "ударе ножом в спину". Крах обеих империй представляется как результат изощренной интриги западных демократий. В открытой, "честной" борьбе западные державы не в состоянии победить своих противников. Поэтому они обращаются к вероломным средствам ведения психологической войны. Пропагандой "западных ценностей" они ослабили и свергли советский колосс.

Таким образом один из самых радикальных переворотов в русской истории, подготовленный глубинными историческими процессами, вменяется в вину небольшому кругу заговорщиков.

Сходным образом революция 1917 г. рассматривалась многими эмигрантскими кругами, прежде всего правого толка, как результат действий мелких кружков заговорщиков

всех цветов. Евразийцы отвергали такое объяснение⁴⁵. Для них революция была, как уже сказано, результатом глубинных исторических процессов. Таким образом, "Элементы" со своей "теорией заговора" встают на защиту такой мировоззренческой позиции, которая не имеет ничего общего с "классическим" евразийством.

Как все сторонники "теорий заговоров", авторы "Элементов" считают своих видимых политических противников марионетками в руках невидимых и одновременно вездесущих сил, которые, пытаясь контролировать ход истории, действуют подпольно. Журнал объясняет, что совсем не просто конкретно определить т.н. "мондиалистские" силы – врагов рода человеческого *par excellence*: "Диктатура нынешней элиты страшна именно тем, что она завуалирована. С невидимым врагом намного сложнее сражаться"⁴⁶.

Несмотря на это, "Элементы" все же не сдаются и отправляются на поиски этих почти неуловимых властителей сегодняшнего мира. По ходу своих поисков они обнаруживают старых знакомых, которые во все эпохи, для всех приверженцев "теорий заговоров" являлись воплощением зла – евреев.

Почти явно подтверждает тезис о мировом еврейском заговоре "военный эксперт" журнала Евгений Морозов. Тот факт, что в конфликте на Ближнем Востоке Соединенные Штаты поддерживают маленький и бедный Израиль, а не богатые сырьем арабские государства, имеет, по мнению автора, только одно правдоподобное объяснение: кто-то заставляет Соединенные Штаты действовать вопреки своим интересам, США кому-то подчиняются. И этот "кто-то" для "эксперта" – сионистское мировое правительство⁴⁷.

Еще более subtilно, нежели Морозов, отстаивают свой тезис о мировом еврейском заговоре другие издатели "Элементов". В редакционной статье второго номера, к примеру, речь идет о религиозном измерении "нового мирового порядка". "Мондиалисты" пытаются опустошить и уничто-

⁴⁵ Ср. среди прочего: *Бочан С. Мы*, в: Утверждения 3, 1932. С. 75–78.

⁴⁶ Либо – мы, либо – ничто (прим. 17), с. 3.

⁴⁷ *Морозов Евгений*. План "Анаконда", в: Элементы 4, 1993. С. 26.

жить все религии и вероисповедания мира, так считают авторы, однако это не означает, что у "мондиалистов" нет никаких религиозных представлений. Их стремление к мировому господству обнаруживает мессианские черты, они ожидают пришествия некоей светлой личности, которая придаст миру новый вид – пришествие некоего "Машийаха". Такое использование имени Мессии в его первоначальной иудейской форме не случайно. Так журнал напоминает об истинной религиозной принадлежности "большинства мондиалистов"⁴⁸.

К важнейшим агентам "мондиализма" в России принадлежат, по мнению "Элементов", космополитически настроенные силы и защитники малого народа⁴⁹ – оба понятия зачастую выступают в России синонимами слова "еврей". Последнее прозвище ввел в обиход известный советский диссидент и антисемит Игорь Шафаревич.

Конспиративный образ мира, прославление войны и насилия, стремление к тотальной победе над Западом, вместо отграничения от его культурных влияний – все это коренным образом отличает "Элементы" от их евразийских предшественников. И еще одним крайне важным пунктом своей программы журнал прямо противоречит евразийцам начала века. Для евразийцев будущее России лежало лишь на Востоке, лишь на Востоке они искали союзников, с которыми можно было бы вместе противостоять культурной гегемонии Запада. Для "Элементов" восточный компонент играет довольно неопределенную роль. Правда, издатели время от времени говорят о исламском фундаментализме, прежде всего в его иранском варианте, как о потенциальном союзнике России в ее борьбе против т.н. "мондиализма"⁵⁰. Но все же своих наиболее важных союзников и товарищей по духу они обнаруживают не на Востоке, а на Западе. В первую очередь это западные правые экстремисты. Странники французских, бельгийских, немецких и итальянских

⁴⁸ Идеология мирового правительства, в: Элементы 2, 1992. С. 1f.

⁴⁹ Перспективы гражданской войны. Элементы 6, 1995, С. 24–28.

⁵⁰ Это вопрос веры, в: Элементы 1, 1992. С. 12f, Геополитические проблемы ближнего зарубежья, в: Элементы 3, 1993. С. 24f; ось Москва-Тегеран, в: Элементы 6, 1995. С. 42. Иранский взгляд на Православие. Там же. С. 44.

правых неоднократно выступают на страницах журнала, а некоторые из них даже принадлежат к числу официальных издателей.

Таким образом, девиз "Элементов" звучит так: "Правые экстремисты всех стран – Запада и Востока – соединяйтесь!", вместо евразийского девиза: "Исход к Востоку!"

Перед евразийцами не стояло и вопроса о сотрудничестве с политическими силами Запада любой масти. Они критиковали как русских царей, которые из мотивов легитимности солидаризировались с западными монархами, так и большевиков, которые во имя "пролетарской солидарности" массивно поддерживали западных коммунистов. В обоих случаях российские режимы оказывались впутанными в ненужные конфликты⁵¹.

Таким образом, благодаря опоре на западноевропейских правых, а также по другим видимым причинам, "Элементы" окончательно нарушают заветы евразийцев. Почему же тогда журнал, несмотря ни на что, признает евразийскую программу? Создается впечатление, что такое признание представляет собой своего рода обманный маневр с целью придать распропагандированной журналом правозэкстремистской программе вид респектабельности, облагородить ее.

Если не евразийцы, то кто же тогда является истинным духовным предшественником "Элементов"? Без сомнений, – это Веймарские правые, столь часто цитируемые журналом. Запрещенные в советские времена правозэкстремистские идеи теперь по несчетным каналам стекаются в Россию, и "Элементы" принадлежат к важнейшим распространителям этих идей. В отличие от послевоенной Германии, Россия не смогла поставить иммунологический барьер против правозэкстремистских искушений, что с успехом используют "Элементы". Тексты Карла Шмитта, Артура Меллера ван дер Брука, Эрнста Юнгера и других крайних противников Веймарской республики, в которых они демонизируют либерализм, глумятся над правовым государством и призывают к войне, выдаются "Элементами" за последнее слово евро-

⁵¹ И.Р. (Трубецкой) Наследие (прим. 22). С. 48f.

пейской мысли⁵². О том, что эти идеи на Западе, не в последнюю очередь в самой Германии, уже на протяжении поколений, прежде всего после падения Третьего рейха, отправлены на "задворки истории", журнал старательно умалчивает. Создается впечатление, что издатели "Элементов" и их товарищи по духу хотят превратить Россию в экспериментальное поле, на котором испытываются устаревшие западные идеи, точно так же, как это сделали большевики 80 лет назад. И тогда большевистское правительство выдавало свое материалистическое и атеистическое мировоззрение, свою веру в "чудеса" техники и индустрии за последнее слово европейской культуры. На Западе же к тому времени вера в науку и технику уже была расшатана. Разрушения Первой мировой войны, которые отчасти были вызваны продуктами научно-технической революции, имели такие масштабы, что открыли европейцам глаза на губительные аспекты технического прогресса. Большевики не замечали, насколько "несовременной" была их вера в "прогресс". Наивная позитивистская вера в прочность материального мира, которую исповедовали большевики, также была к тому времени поставлена под вопрос интеллектуальной элитой, и не только на Западе, но и в России⁵³.

Сходным образом издатели "Элементов", кажется, не осознают, насколько устаревшими являются идеи Веймарской консервативной революции сегодня, особенно ввиду их полной дискредитации национал-социализмом. В случае марксизма речь идет о марксизме, говорится об, очевидно, более амбивалентном феномене, чем консервативная революция. Наряду с террористическо-утопистскими потенциями, которые ярко выразились в большевизме, марксизм содержит и эмансипаторские тенденции, которые наиболее сильно проявились в европейской социал-демократии. Подобная амбивалентность не обнаруживается в консервативной революции, мечтавшей о национальной диктатуре, о ликвидации правового государства "без чести и достоинств

⁵² См.: *Элементы*. №1. С. 51ff; № 3. С. 30 ff; № 4. С. 55 ff, и т.д.

⁵³ См.: *Leonid Luks. Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921–1935. Stuttgart, 1985. S.197–199.*

ва" (Эрнст Форстхофф)⁵⁴, о безграничной экспансии, основанной на войне, о Германии, сосредоточенной на мировом господстве. Ее страстное стремление к "Третьему рейху"⁵⁵ должно было неизбежно вылиться в настоящий Третий рейх, который и возник 30 января 1933 г. Неожиданная победа НСДАП в начале 30-х гг. была с воодушевлением встречена большинством консервативных революционеров. Левоориентированный Эрнст Никиш вместе со своей группой принадлежал к небольшому числу скептиков⁵⁶. При этом некоторые элитарные круги консервативной революции насмехались над плебейским характером национал-социалистического движения, как, впрочем, и над попытками Гитлера захватить власть не революционными, а законными парламентскими способами. Это были, однако, не слишком важные детали. Для абсолютного большинства представителей консервативно-революционного лагеря восхождение НСДАП символизировало конец ненавистой либеральной эпохи, начало национального возрождения⁵⁷.

Не без основания они считали создание Третьего рейха не в последнюю очередь и своей заслугой. Лишь постепенно, словно ученики волшебника, они начали осознавать, какого джинна выпустили из бутылки. Иллюзии постепенно рушились. Некоторые зачинатели событий 30 января 1933 г. пали жертвой гитлеровской деспотии (Эдгар Юнг), другие же ушли во «внутреннюю эмиграцию» (Эрнст Юнгер).

Что же думают по поводу Третьего рейха издатели "Элементов"? В отличие от консервативных революционеров времен Веймарской республики, они имеют возможность осознать его характер и последствия его апокалиптических преступлений. Осуждают ли их "Элементы"? Нужно иметь в виду, что отношение к национал-социалистическому режиму у них весьма критическое. Но они говорят, как правило, об его ошибках, а не о преступлениях. В отли-

⁵⁴ *Ernst Forsthoff*. Der totale Staat. Hamburg, 1933. S.13, 20.

⁵⁵ *Arthur Moeller von der Bruck*. Das dritte Reich. Hamburg, 1931.

⁵⁶ *Ernst Nickisch*. Hitler – ein deutsches Verhängnis. Berlin, 1932.

⁵⁷ См.: *Hermann Rauschning*. The Conservative Revolution. New York, 1941; / *Armin Mohler*. Die Konservative Revolution in Deutschland. Der Grundriß ihrer Weltanschauung. Stuttgart, 1950.

чие от либеральных "мондиалистов", национал-социалисты ни в коем случае не демонизируются, а рассматриваются как духовные союзники, которые просто заблуждались. Гитлер критикуется за его твердолобый национализм, за антирусские и антиславянские настроения. Эти его ошибки помешали возникновению широкого паневропейского альянса против западных демократий⁵⁸. Гитлеровская политика по отношению к евреям, как правило, замалчивается, а иногда некоторые ее стороны даже положительно оцениваются – эта политика для журнала, очевидно, не была "ошибкой". Крах Третьего рейха был, по мнению "Элементов", в общем предreshен. Третий рейх искажил некоторые постулаты консервативной революции, "но все же поражение Германии во Второй мировой войне было сокрушительным поражением всей идеологии Третьего пути"⁵⁹.

Журнал рассматривает Третий рейх совсем не как целостное образование. Наряду с непримиримыми германоцентристами в нем были также и открытые миру, проевропейски настроенные силы. Они апеллировали почти ко всем народам Европы, призывая их принять участие в крестовом походе против западной "плутократии" и против коммунизма. Эту идеологию представляло, в первую очередь, СС (!), которое рассматривается журналом как своего рода островок интеллектуального свободомыслия в Третьем рейхе: "Вместо узко национального германизма внешней пропаганды, СС стояло за единую Европу, разделенную на этнические регионы... и при этом этническим немцам никакой особой роли не отводилось. Сама эта организация была международной, и в нее входили даже представители "небелых" народов... СС воспроизводило определенные стороны средневекового духовного рыцарского Ордена с типичными идеалами преодоления плоти, нестяжательства, медитативной практики"⁶⁰.

Невольно это прославление СС напоминает известную речь Генриха Гиммлера в октябре 1943 г., в которой он хва-

⁵⁸ Элементы. №1. С. 53; № 3. С. 21; № 5. С. 29; № 8. С. 29.

⁵⁹ Элементы. №1. С. 53f.

⁶⁰ Там же. С. 54.

лил СС за то, что выполняя историческое задание по "истреблению еврейского народа... они сохранили свою внутреннюю порядочность"⁶¹.

Гитлер не только осуждается. В шестом номере журнала напечатано интервью с Леоном Дегреллем – бывшим лидером крайне правой валлонской партии и одновременно лидером СС-дивизиона "Валлония". Дегрелль, который принадлежит к живым "лидерам нацизма", называет Гитлера величайшей фигурой европейской истории: «Гитлер был величайший человек европейской истории. Он боролся за идеал, за идею. Он развивался. Начав с узко национального сугубо германского лидера, он постепенно учился мыслить европейскими категориями и так вплоть до общепланетарного масштаба... Часто его изображают как истерика, психопата, с трясущимися руками. Это все пропаганда. Он был удивительно воспитанный и обаятельный человек, вежливый, внимательный, сосредоточенный. Проиграв эту войну, потеряли шанс своего великого будущего не только Германия, но вся Европа, весь мир. Посмотрите, какой мир построили сегодня победители, его враги. Царство денег, насилия, смешения, вырождения, низменных недочеловеческих инстинктов... Нет высшей идеи. Мы сражались за нечто великое. И, вы знаете, духовно мы не проиграли. У них нет одного – Веры... Это была война идеалистов и романтиков против двух типов материализма – капиталистического и марксистского. Они могут отнять у нас нашу жизнь. Нашей Веры у нас они не отнимут. Поэтому я и написал книгу с таким названием: "Гитлер на тысячу лет"⁶².

Это прославление массового убийцы одним из его помощников прокомментировано лишь такими словами: "Последней фольксфюрер умер как верующий христианин в присутствии кюре, после последнего причастия. Он был верен своей идее до последнего часа"⁶³.

⁶¹ Цит. по: *Hans-Ulrich Thamer. Verführung und Gewalt. Deutschland 1933–1945. Berlin, 1986. S.703.*

⁶² Последний фольксфюрер, в : Элементы № 6. С. 48.

⁶³ Там же.

IV.

К идеологическому профилю "Элементов" принадлежит наряду с полной идентификацией с национал-большевистскими и частично с национал-социалистическими позициями, также известный интерес к геополитической проблематике. На первый взгляд кажется, что вот здесь журнал сходится с евразийцами, которые придавали в своих работах большое значение геополитическим и географическим факторам. Но и это впечатление обманчиво. Евразийцы, особенно влиятельнейший экономист и географ Петр Савицкий, интересовались в первую очередь культурными и экономическими аспектами геополитики и географии, вопросами географического влияния на разные народы и этносы, тем как оно, это влияние, сказывается на постепенном сближении и единении народов. Одновременно евразийцы настаивали на экономической автаркии евразийского субконтинента, изучали географические факторы, которые были бы благоприятны для создания независимой экономической системы. Такие вопросы играют для "Элементов" второстепенную роль. Самые важные аспекты, связанные с геополитикой, интересующие "Элементы" – стратегического толка, вопросы об удобной исходной позиции в будущей, страстно желаемой войне материков, в которой сойдутся континентальные и морские державы⁶⁴.

Американскому миру, униполярности мира, "Элементы" противопоставляют биполярную концепцию, которая исходит из нового конфликта между Востоком и Западом. Так как издатели журнала мыслят альтернативами "все или ничего", "вы или мы", то результатом нового противостояния Востока и Запада они представляют уже не "холодную", а "горячую" войну. Журнал рекомендует всем противникам "мондиалистов" или англосаксонских морских держав закончить все свои внутренние споры и сосредоточиться на создании великого континентального альянса – только так можно добиться победы в предстоящей смертельной битве. Этот

⁶⁴ См. Геополитические проблемы ближнего зарубежья, в: Элементы № 3. С. 18ff; А.Д. (Александр Дугин): От сакральной географии к геополитике. Там же. С. 37–39; Россия и пространство, в: Элементы № 4. С. 31–35.

альянс должен объединить всех прошлых, нынешних и будущих противников англосаксонских демократий – Германию и Японию, Россию и Китай, Индию и исламские государства, наконец, "порабощенную" Западную Европу⁶⁵. Издатели журнала признают, что такой стратегический союз с Западной Европой противоречит представлениям их евразийских предшественников. Однако в сравнении с 1920-ми гг., когда евразийцы развивали свои тезисы, расположение сил в мире основательно переменялось. Преимущество "мондиалистов" стало таким впечатляющим, что их противники должны мобилизовать все силы – без оглядки на культурные противоречия, например, между Россией и Западной Европой⁶⁶.

Какие государства должны доминировать в так называемой "антимондиалистской" коалиции? Речь, по мнению журнала, идет только о двух государствах: о Германии и о России. Однако для того чтобы справиться с этой ролью, они должны полностью освободиться от "мондиалистских" влияний, как внешних, так и внутренних, и возродить свои имперские традиции. Для континентального альянса было бы большим преимуществом, если бы его возглавляла возрожденная Российская империя, так считают "Элементы". Стратегически Россия расположена в центре евразийского пространства, а значит, гораздо менее уязвима, чем Германия, которая находится на окраине. Кроме того, Германия, в случае возрождения своей прежней мощи, может пережить новую волну национальной мании величия, как это уже произошло во время Второй мировой войны, что может иметь для континентального альянса роковые последствия. Несмотря на такую опасность, Европа, в которой доминирует Германия и антиамериканские настроения, была бы предпочтительней Европы в ее сегодняшнем виде. Издатели "Элементов" были бы даже готовы встать под знамена рейха в своей борьбе с "мондиализмом". Конечно, русские знамена были бы предпочтительней. Возрождение Российской империи и гегемония России на всем европейском пространстве является для них судьбо-

⁶⁵ Россия и пространство (прим. 43). С. 31.

⁶⁶ Там же. С. 31–35.

носным вопросом. Если Россия откажется от своих имперских притязаний, то другие государства используют вакуум власти, образовавшийся в результате развала Советского Союза, и превратят Россию в свою колонию. Такой урок уже получила Германия, и еще может получить Китай. Итак, по мнению издателей журнала, перед Россией стоит только одна альтернатива: снова стать провинцией другой гегемонии либо восстановить гегемонию собственную. Но в отличие от тех, кто испытывает ностальгию по империи в сегодняшней России, издатели "Элементов" не удовлетворяются простым возвратом к прежнему. Реставрация первоначальных границ Российской империи представляет собой только первую ступень их стратегического плана. Ведь главной целью восстановления империи им видится борьба с американским мировым господством, борьба с мировым злом, борьба не на жизнь, а на смерть. И опять журнал показывает, как далеко он уходит от основ "классического" русского евразийства и как сильно его программа напоминает "революционную территориальную политику" Веймарских правых. Многие сторонники радикального крыла Веймарских правых считали, что мировое господство является единственным средством, которое в состоянии облегчить страдания немцев: "Власть над миром является адекватной возможностью... облегчить народу перенаселенной страны жизнь", – писал в 1923 г. один из проповедников консервативной революции Меллер ван дер Брук в своей книге "Третий рейх". Десять лет спустя "реально существующий" Третий рейх начал осуществлять эту программу. Итак, идейный корпус журнала "Элементы" оказывается импортированным продуктом. Так или иначе речь идет о давно испорченном продукте, гниение которого началось 30 января 1933 г. Именно Германия – страна, в которой этот продукт был произведен, знает, каким неприятным может быть его вкус.

Перевод с немецкого А.В. Маркина

Опубл. в «Вопросах философии», 5, 2000. По немецки в журнале „Studies in East European Thought“, 52, 2000.

4.3. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИСТОРИИ? РОССИЯ В ПОИСКАХ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Коммунистические режимы, которые стремились произвольно ускорить ход истории, в действительности способствовали "замораживанию" развития тех стран, где они господствовали. Под покровом коммунистическом диктатуры были законсервированы прежние модели мышления и поведения, история как бы была "остановлена". Однако теперь она возвращается, и при этом с необычайной энергией. Так в России возобновляются теперь многие процессы, которые в 1917 г. были резко оборваны большевистской революцией.

Большевистский переворот происходил сначала по классическому сценарию всех великих европейских революций. Большевики радикально порвали с прошлым и ликвидировали значительные части руководящих слоев с монархом по главе, которые воплощали собой историческую преемственность. Но так как полный разрыв с прошлым – предприятие невыполнимое, то уже через несколько лет после триумфа большевиков в России возникла тоска по "возвращению истории", как это было раньше в Англии и во Франции после победы революций.

Никакая другая революция не порывала с прошлым так радикально, как большевистская, говорит английский политолог Э. Карр. Однако страной невозможно управлять единственно с помощью революционного пыла. Истинный революционер скептически относится к любому правительству, также и к собственному. Таким образом, победоносный революционный режим неизбежно вступает в конфликт со своими революционными истоками и по своему образу действий примыкает к режиму дореволюционному.

В Англии и Франции такая напряженность между разрывом с прошлым и стремлением к преемственности приводила к постепенному выхолащиванию революционных идеалов и в конечном итоге к реставрации "старых режимов". Через одно поколение революционный цикл там заканчивался.

В России же, напротив, не произошло реставрации, которой так ждали. Несмотря на постепенное охлаждение революционных страстей и на выхолащивание первоначальных идеалов, там в течение длительного времени оставался у власти тот самый режим, который в 1917 г. совершил разрыв с российским прошлым.

Исаак Дойчер, один из самых проникательных советологов, в 1967 г. назвал совершенно абсурдным мнение, что в России когда-либо станет возможной реставрация. Ни одна европейская революция не оставалась так долго у власти – ни в Англии, ни во Франции. Русская революция пережила всех поборников реставрации.

Через 24 года после констатации Дойчера революционный цикл в России все же закончился. Российские демократы, которые 7 ноября 1917 г. были выброшены победившими большевиками "на свалку истории", в августе 1991 г. вернулись к власти. Но произошла ли тогда в России реставрация добольшевистского режима? В определенном отношении можно ответить на этот вопрос положительно, ибо "вторая российская демократия", которая была создана после лишения власти КПСС, проявила удивительное сходство с "первой", которая возникла в феврале-марте 1917 г. после свержения династии Романовых: у обеих были одни и те же структурные слабости. В обоих случаях речь шла о "двоевластии" – разделение властей не было принято и монополия государства на применение силы была в значительной степени ослаблена. Кажется, двоевластие стало проклятием российской демократии в 20-ом столетии. Из-за несовместимости парламентской демократии западного типа с базисной демократией советов погибла 7 ноября 1917 г. первая русская демократия. Созданная в августе 1991 г. "вторая демократия" была парализована неразрешимым противоречием между советским парламентом, который не был легитимирован демократическим путем, и демократически легитимированной исполнительной властью (президент). Совершенно устаревшая российская конституция времен Брежнева (1978) объявляла советский парламент последней инстанцией в государстве и практически отвергала принцип разделения властей. Верховный

Совет согласно этой конституции имел право объявлять каждое решение исполнительной власти противоречащим конституции и постоянно это право использовал. Такой подход постепенно стал рутинной. Парадокс тогдашней ситуации, которая в 1993 г. опасно обострилась, по мнению недавно умершего московского экономиста и политолога Василия Селюнина, состоял в следующем: "Многое можно поставить в вину Советам, и лишь один упрек несправедлив: вопреки расхожему мнению, ни съезд нардепов, ни Верховный совет не нарушают законов. По нынешней конституции все их безумства заранее, априорно легитимны"⁶⁷.

Между тем каждое общество, в котором не совсем утрачено чувство самосохранения, стремится к тому, чтобы как можно скорее устранить состояние двоевластия. Ибо легитимационная смута, обусловившая такого рода власть, делает практически невозможным функционирование государства как такового.

Первое российское двоевластие было устранено большевистским путчем 7 ноября 1917 г. Второму положил конец антибольшевистский глава государства Борис Ельцин, когда он 21 сентября 1993 г. распустил своим указом советский парламент.

В 1917 г. большевики ликвидировали не только двоевластие, но и российскую демократию, и создали вместо нее первый тоталитарный режим современной истории. Напротив, режим, созданный Ельциным, ни в коем случае не является тоталитарным. Скорее он напоминает систему, возникшую в России после революции 1905 г., которая в свое время была названа Максом Вебером "мнимоконституционалистской". В этом отношении Россия в восстановлении исторической преемственности, реставрации добольшевистских условий прошла еще часть пути назад, в прошлое. Разработанная Ельциным и его советниками конституция, принятая в декабре 1993 г., представляет собой почти верную копию царской конституции от апреля 1906 г. "Императору Всероссийскому принадлежит самодержавная

⁶⁷ Селюнин В. Можно ли скрестить ужа и ежа? // Русская мысль. – Р., 1993. – 21–27 мая. – С.1.

власть", – гласит ст.4 конституции 1906 г. В ельцинской конституции президент Российской Федерации объявляется гарантом конституции (ст.80). "Государь-Император есть верховный руководитель всех внешних сношений Российского государства с иностранными державами" (ст.12 конституции 1906 г.). То же самое можно прочесть в ст.86 ельцинской конституции и т.д.

Российская история всегда отличалась всеилием государства и бессилием общества. Предпринимаются попытки охарактеризовать и режимы 1906 и 1993 гг. как незначительную модификацию традиционного русского этатизма. Однако при этом упускается из виду, каким колоссальным историческим переломом было введение разделения властей в России в 1905–1906 гг. и в 1993 г. Ибо как до 1905 г., так и после 1917 г. в России речь шла о неограниченной автократии, в которой общество имело только обязанности по отношению к государству и очень мало прав. О легальной оппозиции, об укорененной в законах свободе мнений и собраний не могло быть и речи. Так что возвращение постсоветской России к периоду так называемого "мнимого конституционализма", т.е. к тому единственному периоду, когда в стране законодательным путем было введено разделение властей, ни в коем случае нельзя считать катастрофой.

"Мы говорим, что хотим, ... читаем тоже, что хотим. А это, поверьте, совсем немало". Так говорил в мае 1995 г., т.е. полгода спустя после начала войны в Чечне, правозащитник Сергей Ковалев⁶⁸, который для многих и на Востоке, и на Западе олицетворяет собой "совесть России". Развязанная так называемой "партией войны" жестокая война против отпавшей кавказской республики нанесла удар по непрочным плюралистическим структурам в стране, однако не разрушила их, как опасались вначале. И это опять напоминает ситуации 1905–1917 гг. Тогда тоже предпринимались попытки превратить конституцию в пустую формальность, например, подобный государственному перевороту роспуск второй Думы премьер-министром Столыпиным (3 июня 1907 г.). Однако основы конституции остались неза-

⁶⁸ Литературная газета, 31 мая 1995.

тронутыми. Конституция уже начала оказывать воспитующее влияние как на правительство, так и на общественность, писал в этой связи либеральный русский политик Маклаков⁶⁹.

И в самом деле, после 1905 г. Россия совершила большой шаг по пути к правовому государству с плюралистической партийной системой, свободой прессы и собраний. Дотоле бессильное общество начало освобождаться от государственной опеки и постепенно превращаться в самостоятельного партнера или контрагента правительственной бюрократии. Однако находившееся тогда в процессе становления "гражданское общество" в России было еще очень хрупким, у него не было солидного основания. Низшие слои российского общества, прежде всего крестьянство, были не очень заинтересованы в конституционных свободах и связанных с ними правовых гарантиях, ибо с их точки зрения на первом плане стоял нерешенный аграрный вопрос. Они воспринимали неприкосновенность частной собственности, гарантированную конституцией (ст.77), скорее как помеху, так как мечтали о полной экспроприации помещиков – о так называемом "черном переделе", а ст.77 конституции закрывала путь к этой мечте.

Этой мечтой русских низших слоев о социальной справедливости в конечном итоге воспользовались политические демагоги, которым удалось повернуть колесо истории в 1917 г. назад. Развитие России в направлении правового государства было насильственно прервано, общество снова превратилось в инструмент автократического режима. Угрожает ли Россия и теперь "повторение истории"? Не подвергается ли она снова искушению заменить возникшее в результате прорыва к свободе социальное и экономическое неравенство эгалитарным и одновременно деспотическим режимом?

Русская этика – эгалитарная и коллективистская, отмечал несколько десятилетий назад русский историк и фило-

⁶⁹ Viktor Leontovitsch, Geschichte des Liberalismus in Rußland, Frankfurt/Main 1957, S. 339, 416.

соф Георгий Федотов. Из всех форм справедливости равенство для русских всегда стояло на первом месте.

Российские сторонники свободного рыночного хозяйства, которые после отстранения КПСС от власти получили возможность проводить экономические реформы в стране, недооценили характерные для русского менталитета эгалитаристские тенденции. Они продолжили традицию "западников", которые хотели превратить Россию в "нормальную" европейскую страну и решительно отклоняли тезис об "особом пути" России. Однако своей мечтой о демократической России, о "возвращении России в Европу" и об ее "светлом капиталистическом будущем" они смогли воодушевить общество только на короткое время. Начавшаяся в январе 1992 г. экономическая "шоковая терапия", снизившая жизненный уровень населения почти вдвое, и прежде всего разгон Верховного Совета в октябре 1993 г. привели к тому, что большинство населения отвернулось от новых правителей. Таким образом, поиски восстановления исторической преемственности сделались весьма своеобразными. Не только добольшевистская Россия приобретала теперь светлые черты в сознании значительной части общества, но и большевистская. Нередко обе модели общества, ставшие предметом ностальгии, сливаются в своеобразный симбиоз. Например, как монархисты, так и коммунистические догматики тоскуют по сильному патерналистскому государству, в котором добродетель вознаграждается, порок наказывается, индивидуум подчиняется коллективу, а стремление к прибыли удушается в зародыше. Кроме того, монархистов и коммунистов объединяет имперское мышление. Их умиляет воспоминание о якобы гармоничной совместной жизни около 100 народов на территории царской, а затем советской империи. Такое не имеющее себе равных государственное устройство всегда якобы вызывало зависть со стороны западных держав, которые стремились расколоть Россию; однако евразийский колосс будто бы отразил все атаки своих противников и не подчинился диктату извне, поэтому Запад переменял свою стратегию и пытается теперь ослабить российскую империю изнутри. Российских демократов, которые после устранения

КПСС от власти нанесли смертельный удар советской империи, считают "троянским конем" Запада и предателями отечества.

В этой связи нельзя забывать о том, что в свое время в предательстве обвиняли и большевиков. Брест-Литовский сепаратный мир большевистского правительства, заключенный в марте 1918 г., привел к утрате почти всех территорий, которые Россия приобрела с XVII в. Поэтому большевики в глазах российских приверженцев имперского мышления выглядели просто марионетками в руках "заклятых врагов" России. Брест-Литовский мир, как позднее Минский договор, подписанный в декабре 1991 г., который привел к роспуску СССР, рассматривался как результат заговора зарубежных держав и "чуждых" элементов в самой России. Внутривнутриполитическая программа большевиков уже в 1918 г. тоже разочаровала население, которое отвернулось от нового правительства – подобно тому, как через 75 лет значительная часть общества отвернулась от программы демократов.

Тем не менее большевиков не беспокоило мнение "колеблющихся" масс. Они отказались от демократических правил игры, так как считали, что только они обладают единственной "исторической правдой", и стремились любой ценой воплотить ее в действительность. К тем, кто их убеждений не разделял, они применяли чрезвычайно действенные меры, а именно устраняли и ликвидировали их с помощью "красного террора". Этот террор, который во многом превзошел ужасы якобинского господства, большей частью и объясняет уже упомянутый успех большевиков в их борьбе против всех попыток реставрации. "Красный террор", а затем сталинский террор нанесли обществу такую травму, что оно оказалось не в состоянии пересмотреть вынесенный в ноябре 1917 г. "приговор истории".

Совсем иначе обстоят дела в нынешней России. Еще никогда в российской истории, за исключением периода 1905–1917 гг., у общества не было так много легальных возможностей выражать свои политические взгляды и участвовать в процессах развития страны. Хотя жалобы на бессилие общества и засилие коррумпированной государст-

венной бюрократии не прекращаются, тем не менее оппозиция имеет возможность называть по имени все недостатки в тысячах газет и журналов, на бесчисленных массовых митингах, а также в парламенте. Уже это обстоятельство свидетельствует, с каким пылом возобновился прерванный в 1917 г. процесс созидания гражданского общества. Однако этот процесс находится под угрозой разбиться о те же рифы, как и в 1917 г., – о социальную зависть, об эгалитарные страсти большинства населения. Как и в 1917 г., стремление людей к социальной справедливости используется политическими демагогами, которые опять хотят "огосударствить" общество и взять его под опеку. В связи с этим возникает вопрос, не станет ли опять период беспрепятственной политической деятельности, свободного передвижения и разделения властей просто эпизодом в российской истории, "отклонением от автократической нормы".

Сомнения здесь уместны, хотя бы по следующей причине. Как царская, так и большевистская автократия обосновывались прежде всего идеократическими мотивами. Собственным ядром автократии была вера значительной части населения в царя-самодержца, а затем – в "светлое коммунистическое будущее". Оспаривание гомогенной ортодоксальной монархической или коммунистической картины мира многие люди, не только власть имущие, воспринимали как помеху. Укоренение в законах мировоззренческого и политического плюрализма ради канализации конфликтов большинство не считало необходимым – зачем нужно разделение властей, если государство и общество и без того вдохновляются одними и теми же идеалами и, по существу, преследуют одни и те же цели?

Но если эта вера разрушена, то идеократически легитимированная система лишается своей единственной основы. Это произошло, например, на пороге XX столетия, когда низшие слои российского общества в значительной степени утратили веру в царей и вместо этого связали свои надежды на спасение с революционной идеей. Большевистская автократия также утратила свои шансы на выживание, когда идея "светлого коммунистического будущего" деградирова-

ла до общих мест, которые вызывали у людей только усмешку. Таково было положение вещей в период Брежнева.

Когда в феврале 1990 г. Михаил Горбачев отказался от монополии партии на власть и истину (ст.6 брежневской конституция), то этим он просто завершил процесс, который приобрел четкие контуры еще в период Брежнева. Поскольку коммунистическая идея, цементирувавшая советскую империю, подверглась значительной эрозии, московские властители судорожно искали новый базис для легитимации разваливающейся империи. Уступки в пользу мировоззренческого и политического плюрализма стали неизбежными.

Таким образом, исторический опыт свидетельствует, что принципы разделения властей и правовой государственности прорываются наружу тогда, когда население отворачивается от системы, обоснованной идеократическими мотивами, и не связывает с ней больше никаких надежд на спасение. Чем объясняется возросшая популярность коммунистов в нынешней России? Указывает ли это на то, что общество опять готово принять идеологическую диктатуру? На первый взгляд дело представляется именно так. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, насколько сложным и противоречивым является "духовное состояние" нации в настоящее время. Так, недавно проводившийся опрос выявил, что около 70% опрошенных россиян тоскуют о "восстановлении порядка любой ценой", о правительстве "железной руки". Захватывающее дух политическое возвышение генерала Лебеда с его программой "закон и порядок" во время президентских выборов 1996 г. тесно связано именно о этой тоской. Но в то же время 70% опрошенных отклоняют восстановление цензуры, для половины опрошенных на первом месте в иерархии ценностей стоит индивидуальная свобода. Таким образом, общество уже крепко усвоило некоторые демократические ценности, несмотря на дискредитацию демократической идеи как таковой. Это обстоятельство могло бы внушать осторожный оптимизм. Возможно, страна в поисках исторической преемственности остановится на периоде 1905–1917 гг. и продолжит начавшееся тогда движение по пути к правовому государству и гражданскому обществу? Но это может произойти только при условии, ес-

ли большинство населения убедится в том, что демократия в состоянии справиться и с социальным вопросом. Вопиющая социальная несправедливость и условия жизни раннего капитализма нетерпимы на длительный срок в стране, в которой существует всеобщее избирательное право.

Перевод Т. Мацонашвили

Опубл. в «Актуальные проблемы Европы. Политическая культура и власть в западных демократиях и в России. Проблемно-тематический сборник», ИНИОН, М. 1997.

СОДЕРЖАНИЕ

О книге и ее авторе (Борис Хазанов).....	3
Глава 1.....	
Россия и Запад. Православие и католицизм.....	6
1.1. Государство Правды. Россия и Запад на пороге Нового времени. О своеобразии исторических путей.....	6
1.2. Предчувствие заката Европы и страх перед Россией (к пониманию феномена русофобии на Западе).....	32
1.3. Церковная борьба в СССР и в коммунистической Польше.....	62
Глава 2.....	
Россия и Германия.....	80
2.1. Тоталитарная личность в контексте Новейшей истории России и Германии.....	80
2.2. Коминтерн и правый экстремизм в Германии в 1923 году.....	104
2.3. Евразийство и консервативная революция. Соблазн антизападничества в России и Германии.....	136
Глава 3.....	
Фашизм, ленинизм, сталинизм.....	162
3.1. Большевизм, фашизм, национал-социализм – родственные феномены?.....	162
3.2. Был ли национал-социализм уникальным явлением? Точка зрения Эрнста Нольте.....	180
3.3. «Демон русской революции» или ее последний романтик? – Троцкий в борьбе против Сталина и Гитлера.....	186
3.4. Антисемитизм в политике Сталина.....	195

Глава 4.....	
«Возвращение в Европу» или «третий путь»?	
Идейные поиски и идеологические соблазны в	
постсоветской России.....	256
4.1. Призрак фашизма в посткоммунистической	
России.....	256
4.2. «Третий путь» или назад в Третий Рейх? О	
«неоевразийской» программе группы «Эле-	
менты».....	266
4.3. Возвращение истории? Постсоветская Рос-	
сия в поисках преемственности.....	289